

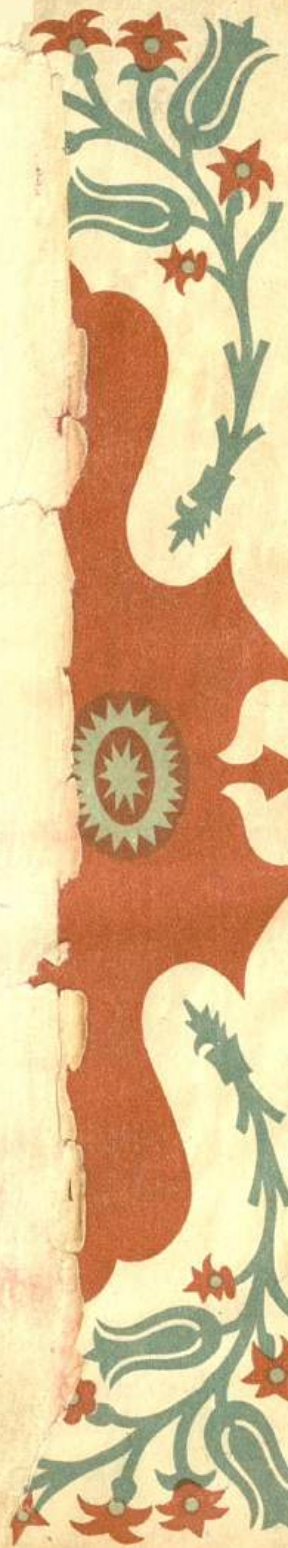

БЫЛИНЫ

СБОРНИК
ДЛЯ УЧАЩИХСЯ
СРЕДНЕЙ
ШКОЛЫ

СОСТАВИЛА
Ю. М. СОКОЛОВ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. М. ВОЛИНА

УЧПЕДГИЗ - МОСКВА - 1937

ВОЛЬГА И МИКУЛА

огда воссияло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославович.
Как стал тут Вольга ростеть-матереть,
Похотелоя Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать ему под оболока,
Серым волком рыскать да по чистым полям.
Уходили все рыбы во синие моря,
Улетали все птицы за оболока,

Ускакали все звери во темные леса.
Как стал тут Вольга ростеть-матереть,
Собирал себе дружинушку хоробрую:
Тридцать молодцов да без единого,
А сам-то был Вольга во тридцатых.
Собирал себе жеребчиков темнокарих,
Темнокарих жеребчиков, нелегченных.
Вот посели на добрых коней, поехали,
Поехали к городам да за получкою.
Повыехали в раздольице, чисто поле,
Услыхали во чистом поле оратая,
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
Омешики по камешкам почиркивают.
Ехали-то день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Они ехали да ведь и другой день,
Другой день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
А омешики по камешкам почиркивают.
Тут ехали они третий день,
А третий день еще до победа,
А наехали в чистом поле оратая.
Как орет в поле оратай, посвистывает,
А бороздки он да помётывает,
А пенья-коренья вывёртывает,
А большие-то каменья в борозду валит.
У оратая кобылка солдовая,
Гужики у неё да шелковые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошке булатнии,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются,
Что не скачен ли жемчуг, рассыпаются.

У ора́тая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.
У ора́тая сапожки зелён сафьян:
Вот шило́м пяты́, носы́ востры́,
Вот под пята́-пята́ воробей пролетит,
Около носа хоть яи́цо прокати.
У ора́тая шляпа пуховая,
А кафта́нчик у него да чёрна бархата.
Говорит-то Вольга́ таковы слова:
„Божья́ помочь тебе, ора́тай-оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестья́новати,
А бороздки тебе да помётывати,
А пенья-коренья вывертывати,
А большие-то каменя в борозду валить!“
Говорит ора́тай таковы слова:
„Поди-ко ты, Вольга́ Святославович!
Мне-ка надобна божья́ помочь крестья́новати.
А куда ты, Вольга́, едешь, куда пу́ть держи́шь?“
Тут прого́ворил Вольга́ Святославович:
„Как пожаловал меня да ро́дной дядюшка,
Родной дядюшка да крестной батьюшка,
Ласковой Владимир сто́льне-киевской,
Тремя ли городами со крестья́нами:
Первым городом Ку́рцевцем,
Другим городом Оре́ховцем,
Третьим городом Крестья́новцем;
Теперь еду к городам да за получкою“.
Тут прого́ворил ора́тай-оратаюшко:
„Ай же ты, Вольга́ Святославович!
Там живут-то мужички да все разбойнички,
Они подрубят-то сляги калиновы,
Да потопят тя в реку да во Смородину!
Я недавно там был в городе, третьёго дни,
Закупил я соли цело три меха́,
Каждый мех-то был ведь по сту пуд,
А сам я сидел-то сорок пуд.
А тут стали мужички с меня грошов просить,

Я им стал-то ведь грошов делить,
А грошов-то стало мало ставиться,
Мужичков-то ведь больше ставится.
Потом стал-то я их ведь отталкивать,
Стал отталкивать да кулаком грозить,
Положил тут их я ведь до тысячи:
Который стоя стоит, тот сидя сидит,
Который сидя сидит, тот и лежа лежит“.
Тут проговорил ведь Вольга Святославович:
„Ай же ты, ора́тай-оратаюшко,
Ты поедем-ка со мною во товарищах!“
А тут ли ора́тай-оратаюшко
Гужики шелковые повыстегнул,
Кобылу из сопки повывернул;
Они сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у неё да завивается,
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да остается.
Говорит ора́тай таковы слова:
„Я оставил сошку во бороздечке
Не для ради прохожего-проезжего:
Маломожный-то наедет,—взять нечего,
А богатый-тот наедет,—не позарится,
А для ради мужичка да деревенщины.
Как бы сошку из земельки повыдернути,
Из омешиков бы земельку повытряхнути,
Да бросить сошку за ракитов куст“.
Тут ведь Вольга Святославович
Посылает он дружинишку хоробрую,
Пять мблодцов да ведь могучих,
Как бы сошку из земли да повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Приезжает дружинишка хоробрая,

Пять молодцов да ведь могучих,
К той ли сошке кленовенькой:
Они сошку за обори вокруг вертят,
А не могут сошки из земли поднять,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
Тут молодой Вольга Святославович
Посылает он дружинишку хоробрую,
Целым он да ведь десяточком,
Они сошку за обори вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
А тут ведь Вольга Святославович
Посылает всю свою дружинишку хоробрую,
Чтобы сошку из земли повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Они сошку за обори вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
Тут оратай-оратаюшко,
На своей ли кобыле соловенькой,
Приехал ко сошке кленовенькой.
Он брал-то ведь сошку одной рукой,
Сошку из земли он повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.
А тут сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у нее да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да остается.
Тут Вольга стал да он покрикивать,

Колнаком он стал да ведь помахивать.
„Ты постой-ко ведь, оратай-оратаюшко!
Как бы этая кобыла коньком бы была,
За этую кобылку пятьсот бы дали“.
Тут прогбворил оратай-оратаюшко:
„Ай же глупый ты, Вольга Святославович!
Я купил эту кобылу жеребеночком.
Жеребеночком да из-под матушки,
Заплатил за кобылу пятьсот рублей.
Как бы этая кобыла коньком бы была,
За этую кобылу цены не было бы“.
Тут прогбворил Вольга Святославович:
„Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Как-то тебя да именём зовут,
Называют тебя да по отчеству?“
Тут прогбворил оратай-оратаюшко:
„Ай же ты, Вольга Святославович!
Я как ржи-то напашу да во скірды сложу,
Я во скірды сложу да домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
А я пива наварю, да мужичков напою,
А тут станут мужички меня похваливати:
„Молодой Микула Селянінович!“

СВЯТОГОР И ТЯГА ЗЕМНАЯ

здил-то Илья да по чисту полю,
Да наехал Илья на поляницу тут.
И да едут с поляницей по чисту полю,
Да ударил его палицей по буйной главе,
Да ударил он тут во другие раз,
Да ударил он ведь тут да в третий раз,
И разгорелось у него сердце богатырское,
У того ли у Самсона-Святогора у богатыря.
Дал-то-ко Илью да за белы руки,
И положил-то-ко Илью да во карман к себе,
И дал-то-ко Илью да во кармане у себя.

Еще стал туто ведь конь да попинатися.
„Еще что ты туто, волчья сыть да травяной мешок!
Еще что ты туто ведь да запинаешься,
Еще разве ты невзгоду мне-ка ведаешь?“
И да провэщился ведь конь язЫком человеческим: *мелкофору*
„Еще где-мне-ка возить да двух богатырей с конем?“
И вынимал туто Самсон Илью да из кармана тут,
Да поехали с Ильей да по святым горам.
Еще стал Самсон-Святогор тут выспрашивать:
„Да велика ли в тебе да еще сила есть?“
— „Ай во мне ведь еще сила небольшая есть:
Еще только побиваю я ведь храбростью своей“.
— „И да славные Илья да ведь ты Муромец!
Да ведь во мне-то сила такая есть,
Кабы в зёмной-то обширности был столб,
Да как был бы-то в небесной вышине,
Да кабы было в столбе в этом кольцо,
Поворотил бы я всю землю подвселенную“.
И поехали-то тут они да по святым горам,
И наехали на тех они на святых горах,
Да лежат туто ведь две сумы перемётные.
И говорит тут Самсон да таковó словó:
„Уж ты славные Илья да ты Муромец!
Сходи-ко ты, Илья, да со добра коня:
И каки туто лежат две сумы перемётные,
Поздымай-то ты сумы перемётные“.
Соходил-то-ко Илья да со добра коня,
И он примается за те сумы за перемётные:
Еще те ли сумы с места не здымаются.
Соходил-де ведь Самсон со добра коня,
Еще сам-то за сумы да принимается;
Еще те ли-де сумы да с места не здымаются,
А все жилы и суставы у Самсона распуцаются,
И по колену-то в землю Самсон убирается.
(Тут Илья его и похоронил).

Богатырь на дозоре.
С рисунка В. М. Васнецова (1878 г.). (Государственная Третьяковская галерея.)

СМЕРТЬ СВЯТОГОРА

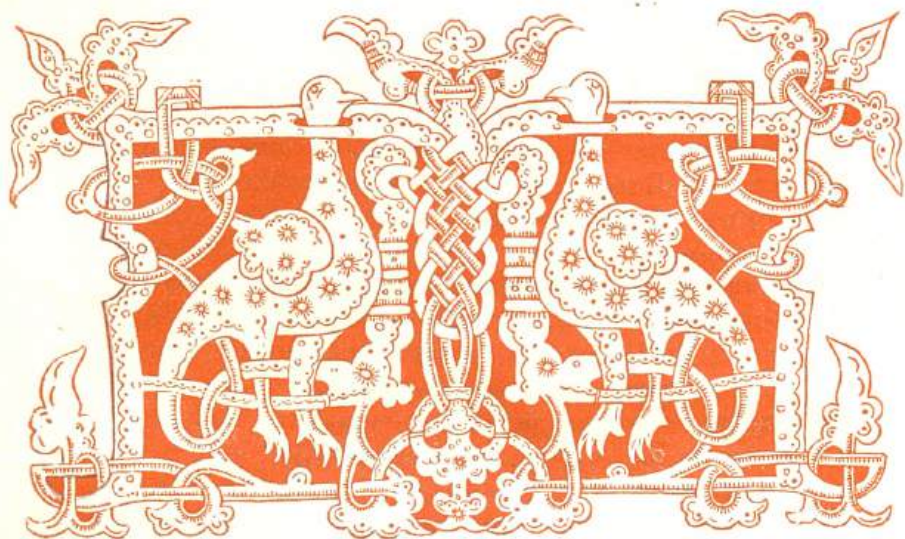
здил-то стар да по чисту полю,
Въехал стар да на святые горы,
Да наехал стар да на богатыря.
А богатырь едет на кони, да дремлет он.
„Что это за чудо есть?
Сильные, могучие богатыре,
Мог бы выспаться да во белом шатри!“

Да разъехался Илья Муромец,
Да ударил богатыря крепко-накрепко.
Богатырь еде все вперед.
„Ах да что я за сильнии богатыре?“

От моей руки никакой богатырь не мог на кони усидеть!
Дай-ко разведусь во вторые раз".
Как разъехался Илья Муромец,
Да ударил крепко-накрепко,
Богатырь еде всё вперед.
„Что это за чудо есть?
Видно я ударил худо его!“
Как разъехался Илья да он ведь в третий раз,
Как ударил богатыря крепко-накрепко,
Да ударил его плотно-наплотно.
Тут-то богатырь пробудился ото сна,
Хватил-то Илью да своей правою рукой,
Положил-то Илью да к себе в карман,
Возил-то Илью да дvoi суточки;
Да на третьи сутки конь и стал потыкаться,
У коня-то стали ножки подгибаться.
Как ударил Святогор да своего доброго коня:
„Что ты, конь, потыкаешься?“
Говорит-то конь таковó словó:
„Как мне-ка-ва да не поткнутися?
Вожу я третьи суточки
Двух сильниих могучнех богатырей,
Третьего вожу коня да богатырского“.
Тут Святогор вынимал Илью да из кармана вон.
Раздёрнули шатер белополóтняной,
Стали с Ильей да опочív держать.
А побратались они крестами с Ильей Муромцем.
Назвались они крестовыми братьями.
Ездили, гуляли по святым горам,
Съезжали-то они да со святых ведь гор
На те ли на площади широкие,
На те ли лужка они зелёные.
Как увидели-то они чудо-чудное,
Чудо-чудное да диво-дивное:
Как состроен стоит да ведь белой гроб.
Говорил-то Илья да таковó словó:
„Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,

Для кого же этот гроб состроен есть?“
Соходили они да с коней добрых,
Ложился-то Илья да во сей-от гроб,
А Святогор-от говорил да таково слово:
„Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
Не для тебя сей гроб состроен есть.
Дай-ко я ведь лягу да во сей-от гроб“.
Дак лег Святогор во сей гроб спать,
Говорил Святогор да таково слово:
„Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
Да закрой-ко меня дощечками дубовыми“.
Говорил-то Святогор да таково слово:
„Ты послушай-ко, крестовой мой ты брателко,
Открой-то дощечки дубовые“.
Как Илья Муромец стал открывать дощечки дубовые,
Да не может оторвать никакой доски.
„Да ты послушай-ко, крестовой мой ты брателко,
Не могу я открыть никакой доски“.
— „Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
Бей-ко своей боевою-то палицею“.
Илья-тот начал палицей бить:
Куды ударит, — туды обручи железные.
Говорил-то Илья да таково слово:
„Да ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
Куды ударю — туды обручи железные!“
Говорил-то Святогор да таково слово:
„Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
Видно мне-ко туто бог и смерть судил“.
Тут Святогор и помирать он стал,
Да пошла из его да пена вон.
Говорил Святогор да таково слово:
„Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
Да лижи ты, возьми ведь пену мою:
Дак ты будешь ездить по святым горам,
А не будешь ты бояться богатырей,
Никакого сильного могучего богатыря“.

И С Ц Е Л Е Н И Е И Л Ъ И М У Р О М Ц А

И во славном было городи во Муроми,
Ай во том было сели да во Качарови,
Там ведь жил-то был богатой-от хресьянин-от,
Ай богатой-от хресьянин-от

Иван да Тимофеевич.

Ему дал-то господь сына единого,
Ай единого сына-то любимого

Ай по имени — Илэйко, сын Иванович.
Еще стал-то Илья у них пяти годов;
Что сидит-то он, да всё не ходит он;

Еще стал-то Илья да десяти годов,
А не служат у его всё ножки резвые.
Еще стал-то Илья и двадцати годов,
Не несут-то его всё ножки резвые;
Еще стал-то Илья и тридцати годов,
Не несут-то всё, не служат ножки резвые.
На печаль-то пали его родители:
„Что едино у нас чадышко убогое,
Да убого мое чадышко, безногое!“
Как пошли-то Иван-свет Тимофеевич,
Со своей-то пошел да с молодой женой,
На тяжелу-то пошли да на работушку,
Ай на ту ли на тяжелу — хлебопашество;
Посадили своего чада любимого,
Ай любимого чадышка, всё милого.
Ай того ли Илью да свет Ивановича,
Посадили на кирпичну всё на печечку;
Говорили они ему таки слова:
„Ай сядя ты до нас, нешевелімой будь,
Не пади-ко-се ты, да не убейся ты“.
Он немного посидел-то после батюшка,
Да пришли к нему калики под окошечко:
— „Уж ты гой еси, ты чадышко единое,
Ты едино, ты чадышко любимое,
А по имени ты всё Илья ты всё,
По отчеству да всё Иванович!
Ты подай-ко ты милостыню спасёную,
Ай напой-ко-се нас да пивом хмельниим,
Хмельниим да пивом сладкиим“.
Говорит-то Илья, скорб ответ держал,
Отвечает скорёшенько Иванович:
„Уж вы гой еси, мои милы́ калики вы,
Перехожие спасёны, переброжие!“
Вы зайдите-ко, подите вы ведь в дом ко мне“.
Заходили калики еще в дом к ему.
Говорил-то Илья да он такі речі,
Что Иванович-от да со слезами он:

„Перехожи вы калики, переброжие,
И бы рад-то вам подать я милостыньку всё спасённую:
У моего-то у рóдного у батюшка
Есть довóльно у его всё золотой казны,
Что прископлена казна, всё присодвинута, —
Не могу сойти со печки со кирпичною“.
Говорили калики перехожие:
„Ты как дай хошь нам напиток пива сладкого“.
— „Есть у батюшка-та пива всё ведь бочками, —
Не могу сойти со печки со кирпичною“.
Говорят-то всё калики перехожие,
Перехожим калики, переброжие:
„Ты сойди, сойди, Илья, со печки со кирпичною“.
— „Я сижу, братцы, на печке я единой день, —
Не могу ходить на ножечках я тридцать лет“.
Говорят ему калики перехожие:
„Растяни-ко, ты, расправь свои-то ножки резвые,
Ты сойди теперь со печки — они понесут тебя,
Понесут тебя, удержат ножки резвые“.
Он расправил на печки ножки резвые,
У его ведь резвы ножечки всё растянулись;
Соходил же он со печки со кирпичною, —
У его ведь резвы ножечки — как век ходил.
Он пошел-то скоро сам за золотой казной,
Подавает-то каликам перехожим;
Говорят ему калики, всё ответ держат:
„Не возмём-то мы твоей всё золотой казны;
Принеси ты нам напиток пива сладкого“.
Нацедил, сходил на погреб, чашу пива сладкого,
Подавает всё каликам перехожим,
Перехожим каликам, переброжим тут,
Подавает ведь он отó всей радости;
Он ведь кланяется им всё до сырой земли,
До сырой ли до земли, до ихних резвых ног.
Они пóпили-то тут да пива сладкого,
И немного они чаши оставляли тут,
Оставляли они чаши, подают ему:

„Ты возьми у нас испей, да ты Илья же свет;
После нашего питья— да мы скажём тебе—
Теперь будь-ко ты Илья да ты по имени,
Еще будь-ко ты свет да Муромец,
Илья Муромец да свет Иванович.
Каковó ты во себе слышишь здоровьице?“
— „Я ведь слышу по себе— да теперь здрав совсём,
Теперь здрав-то совсем всё здоровёшенек“.
— „Мы скажём теперь про то, тебе поведаем:
Принеси-ко ты еще пива другú чашú“.
Он все рад бежать за пивом Илья Муромец,
Илья Муромец бежать да сын Иванович,
Нацедил-то он другú да пива сладкого,
Он принёс-то всё каликам перехожним.
Испивали калики во другой након,
Оставляли ему да тут полчáши всё:
„Пей-ко ты, Илья, да Илья Муромец.
Потому мы тебя назвали, что— Муромец,
Мы по вашему зовём да всё по городу:
Ты живешь всё во городе во Муроми“.
Выпивал-то Илья да всё из чаши тут.
Говорят ему калики перехожие,
Перехожи калики, переброжие:
„Ты ведь слышишь ли в себе теперь какú силу?“
Отвечает Илья, да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович:
„Я ведь слышу-то силушку в себе великую;
Кабы было кольцо в матушке в сырой землi,
Я бы взял-то я сам бы единой рукой,
Поворотил бы всю матушку сырú землú“.
Еще тут-то калики говорят да промежú собой:
„Как мы ведь силы-то тебе много дали;
Ай не будет носить-то тебя матушка сыра земля!“
Говорят калики перехожие.
„Принеси-ко нам пива во третей након“.
Он принёс-то сходил да во третей након.
Ай ведь попили они, немного этот раз оставили:

1

2

3

Грeстьянская деревянная посуда.

1. Ковш-утка. 2. Ендова расписная. 3. Скобкарь расписной.

(Государственный Исторический музей.)

„Допивай, ему сказали, пиво сладкое“.
Он ведь допил у их да пиво сладкое.
Говорят они ему всё таковы слова;
„Ты ведь много ли себе теперь имешь всё силушки,
Ай ты слышишь по своим-то могучим плечам?“
— „Я ведь чую в себе, слышу силы в половиночку:
В половицу у меня всё силы сбавилось“.
Говорят они ему всё таковы слова:
„Вели батюшку купить себе ты жеребёночка,
Жеребёночка купить да чтобы серого,
Чтобы серого купить да на-манер всё белого;
Ты ведь пой-ко-се своего жеребёночка,
Ты ведь пой его да на реки Муравенки,
Ай корми-ко ты пшеницей белояровой;
Ты води-тко-се своего жеребёночка,
Ай кататься давай ты ему в трёх росах,
Как ты в трёх его росах: да во первой росы,
Во первой росы катай всё во Ивановскую,
Во второй росы катай ты во Петровскую,
Во третьей росы катай коня в Ильинскую;
Ты давай ему кататься в зелёных лугах, —
Тебе будет ведь конь-от служить правдой-верою:
Победять-то будешь на кони, всё бить многих богатырей;
Еще конь-от будет всё товарищ твой
И топтать будет ногами силу всё неверную,
Пособлять будет тебе, любимому хозяину“.
Ай еще ему калики-ти говорят тут,
Что говорят-то тут да ему всё рассказывают:
„Ты теперь, после того-то заведи ты себе латы
богатырские,
По своей силы имей ты палицу тяжелую;
На коня-то ты наложь седлышко да кипарисное;
Ты еще-то возьми купи да плётку шелкову,
Плётку шелкову да всё копые-то брузаменское,
Не забудь ты еще да сабли вострую,
Ты того еще ножа да все булатного.
Ты возьми теперь себе положь какого-нибудь кушанья,

Деревянные резные солонки.
(Государственный Исторический музей.)

Отправляйся ко батюшку всё на поле,
Ко своей-то ко родимой милой матушке;
Ты снеси-ко поди им пообедасть-то,
Расскажи-ко-се им, да мы тебе сказали что“.
Он ведь рад тому Илья-то был всё Муромец,
Илья Муромец рад да сын Иванович.
Походят-то калики, собираются,
Говорили Ильи, да Ильи Муромцу:
„Ты еще-то будешь ездить во чистом полі;
Во чистом-то полі тебе да смерть не писана, —
Ты не бойся, езд по чисту полю“.
Еще тут-то калики-ти стали всё невидомо;
Он нигде-то больше не завидял тут,
Не завидял тут, да они прочь ушли.
Он скоро собирал да шитьё, кушанье,
Он понес-то к родителю ко батюшку,
Ко тому ли к Ивану Тимофеевичу,
К родной матушки да к Епестёмы к Олександровны.
Подошел-то он скорёхонько ко батюшку;
Увидал-то его всё родной батюшко;
Еще тут они да обрадели же,
Обрадели, тому да были рады-ти.
Он принёс-то им обед, да принёс кушанье;
Он ведь сказыват своему отцу-батюшку,
Он тому ли Ивану Тимофеевичу:
„Как пришли ко мне калики под окопечко,
Закричали у меня да под окопечком,
Запросили они милостыни всё спасёною;
Я ведь так им отвечал, смело ответ держал:
„Не сойти, калики, с печки со кирпичною“.
Попросил-то их скорёшенько к себе я в дом.
Запросили напиться у меня ведь пива тут,
Они пива-то хмельного всё сладкого;
Я принёс-то чашу-ту полнёхоньку.
Не могли они допить, всё мне оставили:
„Допивай-ко ты, — сказали, — из чаши — и здоров будешь!“
Я повыпил все из чаши-то и здрав тут стал,

Я ведь здрав тут стал да здоровёшенек.
Наливал-то, приносил да я другú чашú;
Выпивали-то из той чаши да половиночку;
Допивал-то я у их да чашу всё до дна.
Говорят калики мне да всё выспрашивают:
„Уж ты слышишь ли в себе силу великую?“
Я сказал-то им, скорó ответ держал:
„Я тут слышу в себе силушку великую:
Кабы было кольцо в земли великое
Я принялся бы своей всё единóй рукой,
Поворотил бы я матушку сырú землё!“
Говорили мне они да извещáли тут:
„Не заносит тебя матушка сыра земля.
Принеси,— мне говорят,— пива третьёю чашú“.
Выпивали-то из чаши половиночку,
Допивал-то я ведь чарочку ведь всю до дна.
Говорят-то мне калики, всё ответ держáт:
„А велику ли ты силушку слышишь в себе теперече?“
Говорил-то я им да всё рассказывал:
„Я теперь силу слышу в половину всё“.
Говорили они да мне-ка всё про то:
„Ты пойдёшь к своёму к рóдну батюшку,—
Ты скажи ему про то да всё поведай-ко:
Ай купи́л чтоб́и тебе он жеребёночка,
Ай не серого чтоб́и, да он не белого;
Ай под старость-ту он будет-то как белой-от“.
Ай поить они велели ключевой водой,
Ай кормить они пшеницей белояровой,
Ай катать они велели, водить в трех росах:
Во первой-то во росы они в Иваньскую,
Во второй они в росы его в Петровскую,
Во третьёй они росы его в Ильинскую.
Ай тогда у ты будет жеребёночек.
Они велели мне-ка завести-то латы богатырские,
Они палицу тяжелу по своим рукам,
На головушку мне шляпу сорочинскую,
И велели мне-ко завести всё плёточку шелкóвую,

Да еще мне-ко велели саблю вострую,
Да еще мне-ко велели всё булатен нож,
Да еще мне-ко велели-то востро копье да брузаменское,
Ай седёлышко велели кипарисного всё деревца“.
Ай тут батюшко его да тому рад он был,
Тому рад-то он был, весьма радёшенек.
Он бежал-то скорёшенько тут, скоро из чиста поля;
Он хвалу-то приносил богу небесному,
Во вторых-то он царице, божьей матери,
Во третьих-то всё каликам переходим:
„Они были у меня да не просты люди,
Не просты были люди, да все святы отцы:
Исцелили у меня сына единого;
Заслужили у его ведь ноги резвые“.
Ай купил он ведь жеребёночка,
Выбирал он по велёному да как по-писаному;
По рассказанному-то всё да дело делал тут,
Дело делал он да коня рости-то;
Он ведь дал за жеребёнка пятьдесят рублей,
Он поил его свежбой всё ключевой водой,
Как ведь он кормил пшеницей белояровой,
Он водил его да по ночам в луга,
Он катал его да всё во трех росах:
Во первой-то во росы катал Иваньскую,
Во второй-то во росы да во Петровскую,
Во третьей-то во росы да во Ильинскую.
Тут ведь кончик у их да стал побегивать,
На шелковой на узды да стал поскакивать.
Еще стал-то Илья Муромец-то коничка объезживать;
Тут скакал-то его всё как добрый конь,
Он повыше-то выскакивал лесу стоячего,
Он пониже-то облака ходячего,
Через стены, через башни перескакивал;
Он ведь речки-ти, озёра небольши-ти промеж ног скакал,
Ай большы-ти таки реки перескакивал.
Тут купил ведь Илья Муромец да сын Иванович,
Он себе же завел латы богатырские,

Сказка

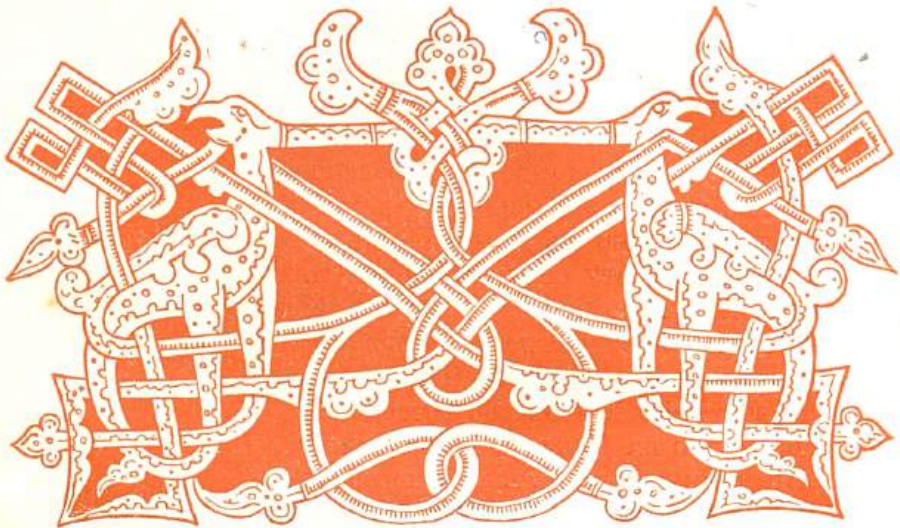
По рукам-то купил палицу тяжелую,
Надевал-то на конёчек седёлышко всё кипарисное,
Он ведь брал-то тут себе да копьё вострое,
Копьё вострое все бразумёнское,
Надевал-то он шляпу сорочинскую,
Прибирал-то он в леву́ руку да плётку шелкову;
Он молился на восточну святу сторону,
Поклонялся рóдну батюшку во резвы́ ногі,
Родной матушке да во резвы́ ногі:
„Дай-ко, батюшка, мне всё благословеньце,
Со родимой со моей да рóдной матушкой —
Назову я вас, родители, по имени:
Уж ты батюшко Иван-свет Тимофеевич,
Родна матушка Епестемия свет да Олександровна!
Пожалейте, порадейте всего доброго,
Всего доброго мне, всего хорошего“.
Говорили его честны́ родители:
„Поезжай-ко ты, наше чадо милое,
Тебя бог благословит, чадо любимое!
Тебе надоть уж ехать, тебе вѣлено,
Что у тех тебе калі́к да перехóжих,
Перехожих всё калі́к да переброжих.
Поезжай, наше родимо мило дитяtko,
Поезжай-ко-се теперь да во чистó полé,
Из чистá поля приедь-ко в красен Киев-град,
Ко своему ты ко красному ко солнышку,
Всё ко ласкову князю ко Владимиру,
Что ко той ли ко княгине к Опраксéи королевичне;
Приезжай-ко ты всё к им по-учёному:
Уж ты крест-то клади да по-писáному,
Ты поклон-от веди да по-учёному;
Ты ведь кланяйся своёму красну солнышку,
Еще ласковому князю всё Владимиру
Со княгиней с Опраксеей королевичной;
Князьям, боярам всем ты низко кланяйся,
Всем солдатушкам, полкам ты новобраным,
Всем своим-то ты богáтырям, всё поединничкам,

Обойдись-ко ты с имá всё по-учёному,
Ознакомляй-ко-се ты с имá всё по-хорошему“.
Он поехал-то в славен Киев-град.
Приезжал-то всё ко князю ко Владимиру,—
Не приворачивал он всё да во чистó полé.
Сам приехал-то ко князю на широкой двор,
Соходил-то со добра коня скорёшенько,
Он ведь шел-то всё да по-учёному:
Всем тут кланялся на сéнях-то низёшенько:
„Пропустите, доведите-ко меня до красна солнышка,
До того меня до князя до Владимира“.
Доводили его да тут близёхонько.
Он ведь крест кладёт да по-писáному,
Он поклон-от ведёт все по-учёному;
Он ведь молится всё спасу пречистому,
Он творит-то всё молитву-ту иусову,
Поклоняется царице, божьей матери;
Бьет челом всё князю-ту Владимиру,
Он ведь той же княгине Опрáксеи королевичне;
Поклоняется князьáм, боярам тут
На четыре на вси да на стороночки.
Говорит-то он сам да он таки слова:
„Уж ты гóй еси, красно моё солнышко,
А ведь ласковой князь да ты Владимир-свет!
Мне-ка съездить-то благослови-ко во чистó полé,
Мне прибрать в чистóм поли себе дружиночку хорóбрую,—
Послужить-то мне тебе да верой-правдою,
Верой-правдою тебе-ка неизменною —
Что за те ли за божьи церкви соборные,
Что за те мне за монастыри спасёные,
Что за тебя-то за князя со княгинею“.
Все слова-ти таки хорóщи князю прилюбилися,
Прилюбилися слова ему, понравились.
Говорит-то князь Владимир стольиё-киевской:
„Ты ведь чей такой учёной доброй молодец?
Ты скажи-ко, скажи про то, поведай мне:
Еще как тебя ведь, доброй молодец, да звать по имени,

Звеличать тебя я буду из отчества?
Какого ты села, какого города,
Ай какого отца, какой ты матушки?“
Отвечает ему скоро дѣброй молодец:
„Ай я города-та всё да я вѣдь Мурома,
Я села-та всё да я Качарова,
Ай по имени зовут меня да Илья Муромец,
По отцу-то звеличают сын Иванович;
Еще тот ли я богатырь сильней-от, могучей-от.
Благослови мне съездить во чисто полѣ, —
С неприятелем мне да поборотися,
Ай со русскими богатырями мне да поздороваться,
Поздороваться мне да познакомиться,
Мне прибрать себе дружиночку мне храбрую,
Мне крестами-ти всё с има побрататься“.
Говорит-то князь Владимир таковы слова:
„Ай тебе-то, доброй молодец, да воля вольная,
Воля вольная тебе да путь широкая!
Поезжай-ко во четыре во вси стороны,
Поезжай-ко ты вѣдь с богом во чисто полѣ,
Находи-ко ты могучих богатырей;
Приезжай ко мне из поля на почѣстен пир.
Уж те быть надо всема во пѣли над богатырями,
Надо всема-то быть да атаманами,
Распорядителем быть, ты Илья Муромец,
Казакон-то над има да сын Иванович“.
Он поехал тут да во чисто полѣ;
Он наехал богатырей в белых шатрах:
Во первых нашел Добрынюшку Никитича,
Во вторых нашел Алешеньку Поповича;
Он вѣдь тут с има скоро всё знакомится;
Он побратался крестами золотыми тут,
Называет их крестовыми всё брателками.
Он нашел еще Дунаюшка Ивановича,
Называет-то крестовым он всё брателком;
Он еще нашел Самсона Сильного,
И нашел вѣдь он да Пересмяку, со племянником,

Он нашел еще Чурила света Пленкова,
Он нашел еще ведь Ваньку всё боярского
По фамилии его — да всё Залешанин,
Он нашел еще Ваньку генеральского.
Надо всёма он был да атаман большой,
Потому был атаман большой — силушкой был
он сильнее всех;
По другому еще был, что не написана-то смерть
да во чистом поли.
Говорят ему богатыри да всё выпрашивают:
„Мы ведь как тебя теперь будем да звать по имени,
Звеличать-то как теперь мы из отечества?“
— „Вы зовите меня да Илья Муромец,
Хошь и так еще зовите: старой-от казак да
Илья Муромец,
Из отечества вы звеличайте сын Иванович“.
Они стали по чисту поли да все поезживать,
Всю покорность-ту держать да Ильи Муромцу,
Ильи Муромцу да сыну всё Ивановичу.
Еще тем старина ли вся и кончилась.

НАЛЯ МУРОМЦЕ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК

з того ли-то города из Муромля,
Из того села да с Карачирова,
Выезжал удаленькой дородний добрый млодец;
Он стоял заутрену во Муромле,
Ай к обеденке поспеть хотел он в стольней
Киев-град,
Да й подъехал он ко славному ко городу
к Чернигову.

У того ли города Чернигова
Наганб-то силушки черным чернб,
Ай черным чернб, как чёрна ворона;

Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром кони никто тут не проезживат,
Птица черной ворон не пролётыват,
Серый зверь да не прорыскиват.

А подъехал как ко силушке великой,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конём топтать да стал копьём колоть,
Ай побил он эту силу всю великую.
Он подъехал-то под славный под Чернигов-град,
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град!
Ай зовут его в Чернигов воеводою.

Говорит-то им Илья да таковы слова:

„Ай же мужички да вы черниговски!

Я не йду к вам во Чернигов воеводою.

Укажите мне дорожку прямоезжую,

Прямоезжую да в стольный Киев-град“.

Говорили мужички ему черниговски:

„Ты, удаленький дородный добрый молодец,

Ай ты славные богатырь святорусески!

Прямоезжая дорожка заколodelа,

Заколodelа дорожка, замуравела,

Ай по той ли по дорожке прямоезжею

Да и пехотою никто да не прохаживал,

На добром кони никто да не проезживал.

Как у той ли-то у грязи-то у черной,

Да у той ли у березы у погляшые,

Да у той ли речки у Смородины,

У того креста у Леванидова,

Сиди Сбловей-разбойник во сыром дубу,

Сиди Сбловей-разбойник, Одихмантьев сын;

А то свищет Сбловей да по солвьему,

Он кричит злодей-разбойник по звериному,

И от него ли-то от пбвисту солвьего,

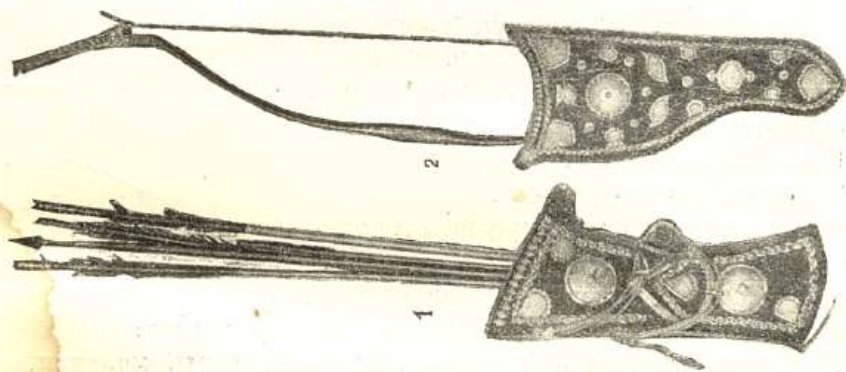
И от него ли-то от покрику звериного,

То все травушки-муравы улетаются,

Все лазуревы цветочки отсыпаются,

Тёмны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей, то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой пятьсот есть верст,
Ай окольной дорожкой цела тысяща“.
Он спустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холму стал перемахивать,
Мелки реченьки, озера промеж ног спущал.
Подъезжает он ко речке ко Смородинке,
Да ко тоей он ко грязи он ко черной,
Да ко тою ко березе ко покляпые,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Сбловей да й по солбьеву,
Закричал злодей-разбойник по звериному,
Так все травушки-муравы уплетались,
Да й лазуревы цветочки отсыпались,
Тёмны лесушки к земле все приклонилися.
Его добрый конь да богатырский
А он на корзни да потыкается;
А й как старый-от казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелкбвую в белу руку,
А он бил коня а по крутым ребрам,
Говорил-то он Илья да таковы слова:
„Ай ты, волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты итти не хошь, али нести не можь?
Что ты на корзни, собака, потыкаешься?
Не слыхал ли посвисту солбвеего,
Не слыхал ли покрику звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?“
Ай тут старые казак да Илья Муромец
Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый,
Во свои берет во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелкбвеньку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
То он стрелил в того Сбловья-разбойника,

Ему выбил право око со косицею.
Он спустил-то Сбловья да на сырú землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повез его по славну по чистú полю,
Мимо гнездышко повез да Соловьиное.
Во том гнездышке да Соловьиноем
А случилось быть да и три дочери,
Ай три дочери его любимых.
Ббльша дочка эта смотрит во окошечко косевчато,
Говорит она да таковы слова:
„Едет-то наш батюшка чистым полём,
А сидит-то на добром кони,
Да везет он мужичища-деревенщину,
Да у правого у стремени прикована“.
Поглядела его друга дочь любимая,
Говорила-то она таковы слова:
„Едет батюшка раздольцем чистым полём
Да й везет он мужичища-деревенщину,
Да й ко правому ко стремени прикована“.
Поглядела его мбньша дочь любимая,
Говорила-то она таковы слова:
„Едет мужичище-деревенщина
Да й сидит мужик на добром кони,
Да й везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована.
Ему выбито-то право око со косицею“.
Говорила-то й она да таковы слова:
„Ай же мужевья наши любимы!
Вы берите-тко рогатины зверины,
Да бежите-тко в раздольце чисто поле,
Да вы бейте мужичища-деревенщину!“
Эти мужевья да их любимы,
Зятевья то есть да Соловьины,
Похватали как рогатины зверины,
Да й бежали-то они да й во чисто поле
К тому ли к мужичищу-деревенщине,
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.

Древнее русское вооружение. (Табл. I.)

1. Колчан со стрелами XVII в. 2. Налучник с луком XVII в. 3. Русский воин XVI в. (Бронзовая статуэтка работы XIX в.). (Исторический Артиллерийский музей РККА в Ленинграде.)

Говорит им Соловей-разбойник, Одихмантьев сын:
„Ай же, зятевя мои любимы!
Побросайте-тко рогатины зверины,
Вы зовите мужика да деревенцину,
В своё гнездышко зовите Соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы пойте его штыцем медвяным,
Да й дарите ему дары драгоценны“.
Эти зятевя да Соловьиные
Побросали-то рогатины зверины,
Ай зовут-то мужика да й деревенцину
Во то гнездышко во Соловьиное.
Да й мужик-от деревенчина не слушатеся,
А он едет-то по славному чисту полю,
Прямоезжею дорожкой в стольнёй Киев-град.
Он приехал-то во славный стольнёй Киев-град,
А ко славному ко князю на широкой двор.
Ай Владимир князь он вышел со божьей церкви,
Он пришел в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Они сели есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.
Ай тут старыи казак да Илья Муромец
Становил коня да посеред двора,
Сам идет он во палаты белокаменны,
Проходил он во столовую во горенку,
На пятау он дверь-ту поразмахивал,
Крест-от клал он по-писаному,
Вел поклоны по-учёному,
На все на три на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всем его князьям он подколенным.
Тут Владимир князь стал мблнца выспрашивать:
„Ты скажи-тко, ты откулешный, дородний добрый молодец,
Тобе как-то, молодеца, да именём зовут,
Звеличают удалбого по отчеству?“
Говорил-то старые казак да Илья Муромец:

„Есть я с славного из города из Муромля,
Из того села да с Карачирова,
Есть я старые казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович“.
Говорит ему Владимир таковы слова:
„Ай же старые казак да Илья Муромец!
Да й давно ли ты повыехал из Муромля,
И которою дороженькой ты ехал в стольней
Киев-град?“

Говорил Илья он таковы слова:
„Ай ты славные Владимир стольнѣ-киевской!
Я стоял заутрену христовскую во Муромли,
Ай к обеденке поспеть хотел я в стольней
Киев-град,

То моя дорожка призамешкалась;
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то
Чернигов-град,

Ехал мимо эту грязь да мимо черную,
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную березу-ту поклѣпую,
Мимо славный ехал Леванѣдов крест“.
Говорил ему Владимир таковы слова:
„Ай же, мужичище-деревенщина!
Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!
Как у славного у города Чернигова
Нагнанб тут силы много множество,
То пехотою никто да не прохаживал
И на добром коне никто да не проезживал,
Туды серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал;
А у той ли-то у грязи-то у черной,
Да у славной у речки у Смородины,
Ай у той ли у березы у поклѣпная,
У того креста у Леванѣдова,
Соловей сидит разбойник, Одихмантьев сын;

То как свищет Сбловей да по-солóвьему,
Как кричит злодей разбойник по-звериному,
То все травушки-муравы улетаются,
А лазуревы цветки прочь отсыпаются,
Тёмны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертвó лежат“.

Говорит ему Илья да таковы слова:

„Ты, Владимир князь да стольнё-киевской!

Соловей-разбойник на твоём дворе,

Ему выбито ведь право око со косицею,

И он ко стремени булатному прикованой“.

То Владимир князь-от стольнё-киевской

Он скорёшенько ставал да на резвьи ножки,

Кунью шубоньку накинул на одно плечкó,

То он шапочку соболью на одно ушкó,

Он выходит-то на свой-то на широкой двор

Посмотреть на Сбловья-разбойника.

Говорил-то ведь Владимир князь да таковы

слова:

„Засвищи-тко, Сбловей, ты по-солóвьему,

Закричи-тко ты, собака, по-звериному“.

Говорил-то Сбловей ему разбойник, Одихмáнтьев сын:

„Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,

А не вас-то я хочу да и послушати,

Я обедал-то у старого казáка Ильи Муромца,

Да его хочу-то я послушати“.

Говорил-то как Владимир князь да стольнё-

киевской:

„Ай же, старые казак ты Илья Муромец!

Прикажи-тко засвистать ты Сбловью да й

по-солóвьему,

Прикажи-тко закричать да по-звериному“.

Говорил Илья да таковы слова:

— „Ай же Сбловей-разбойник, Одихмáнтьев сын!

Засвищи-тко во пóл-свисту солóвьего,

Закричи-тко ты во пóл-крику звериного“.

Говорил-то ему Сбловей-разбойник, Одихмáнтьев сын:

„Ай же, старые казак ты Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахарнии:
Не могу засвистать да й по-солóвьему,
Закричать-то не могу я по-звериному.
А й вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мне да зеленá вина,
Я повышью-то как чару зеленá вина,
Мои раночки кровавы поразóйдутся,
Да й уста мои сахáрни порасходятся:
Да тогда я засвищу да по-солóвьему,
Да тогда я закричу да по-звериному“.
Говорил Илья-то князю он Владимиру:
„Ты Владимир князь да стольнё-киевской!
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ко чару зеленá вина,
Ты не малую стопу да полтора ведра,
Подноси-тко к Сбóловью к разбойнику“.
То Владимир князь да стольнё-киевской
Он скоренько шел в столóву свою горенку,
Наливал он чару зеленá вина,
Да не máлу он стопу да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Сбóловью-разбойнику.
Соловей-разбойник, Одихмáнтъев сын,
Принял чарочку от князя он одной ручкóй,
Выпил чарочку-ту Сбóловей одним духóм,
Засвистал как Сбóловей тут по-солóвьему,
Закричал разбойник по-звериному,
Маковки на тéремах покрíвились
А окбленки во тéремах рассыпались
От него от посвисту солóвьего,
А что есть-то людюшек, так вси мертвы
лежат,
А Владимир князь-от стольнё-киевской
Куньей шубонькой он укрывается.
Ай тут старой-от казак да Илья Муромец

Он скорѣшенько сѣдился на добрѣ коня,
Ай он вез-то Сбловья да во чисто поле,
Й он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
„Тебе полно-тко свистать да по-солóвьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцей-мáтерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молóдых,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых детушек“.
А тут Сбловью ему й славу поют,
Ай славу поют ему век по веку.

ИЛЪЯ МУРОМЪЦ И ИДОЛНИЩЕ

ак сильное могучо-то Иваницо,
Как он Иваницо справляется,
Как он-то тут Иван да снаряжается
Итти к городу еще Еросѣлиму,
Как госпуду там богу помолитися,
Во Ердань там реченьке купатися,
В кипарисном деревце сушитися,

Господнему да гробу приложитися.
А сильное-то могучо Иваницо,
У его лапотцы на ножках семи шелков,
Клюшѣ-то у него ведь сорок пуд;

Как ино тут промеж-то лапотцы поплётены
Каменья-то были самоцветные:
Как межённый день да шел он по красному солнышку,
В осенну ночь он шел по доро́гому камению самоцветному.
Ино тут это сильное могучее Иваницо
Сходил к городу еще Еросóлимю,
Там господу-то богу он молился есть,
Во Ердáнь-то реченьке купался он,
В кипарисном деревце сушился бы,
Господнему-то гробу приложился да.
Как тут-то он, Иван, поворот держал,
Назад-то он тут шел мимо Царь-от град.
Как тут было еще в Царь-градí!
Наехало погано тут Идóблицо,³
Одолели как поганы все татарева:
Как скоро тут святые образа были-поколоты,
Да в черны-то грязи были потоптаны,
В божьих-то церквах он начал тут коней кормить.
Как это сильно могуче тут Иваницо
Хватил-то он татарина под пазуху,
Вытащил погана на чистó полé
А начал у поганого допрашивать:
„Ай же ты, татарин, да неверный был!
А ты скажи, татарин, не утай себя:
Какой у вас погано есть Идóблицо,
Велик ли-то он ростом собой да был?“
Говорит татарин таковó словó:
„Как есть у нас погано есть Идóблицо
В долину две сáжени печатных,
А в ширину сажёнъ была печатная,
А головище, что ведь люто лохалище,
А глазища, что пивные чашища,
А нос-от на роже он с локоть был.“
Как хватил-то он татарина тут за руку,
Бросил он его в чистó полé,
А разлетелись у татарина тут косточки.
Пошел-то тут Иваницо вперед опять,

Идет он путем да дорожкой,
Настречу тут ему да встречается
Старый казак Илья Муромец:
„Здравствуй-ко ты, старый казак Илья Муромец!“
Как он его ведь тут еще здравствует:
„Здравствуй, сильное могучо ты Иванищо!
Ты откуль идешь, ты откуль бредешь,
А ты откуль еще свой да путь держишь?“
— „А я бреду, Илья еще Муромец,
От того я города Еросолима.
Я там был ино господу богу молился там,
Во Ердань-то реченьке купался там,
А в кипарисном деревце сушился там,
Ко господнему гробу приложился был.
Как скоро я назад тут поворот держал,
Шел-то я назад мимо Царь-от град“.
Как начал тут Ильюшенька допрашивать,
Как начал тут Ильюшенька доведывать:
„Как всё ли то в Царь-граді по-старому,
Как всё ли-то в Царь-граді по-прежнему?“
А говорит тут Иван таковó словó:
„Как в Царь-граді-то нуньчу не по-старому,
В Царь-граді-то нуньчу не по-прежнему.
Одолели есть поганые татарева,
Наехал есть поганое Идблищо,
Святые образа были поколоты,
В черные грязи были потоптаны,
Да во божьих церквах там коней кормят“.
— „Дурак ты, сильное могучо есть Иванищо!
Силы у тебя есть с два меня,
Смелости, ухватки половинки нет.
За первые бы речи тебя жаловал,
За эти бы речи тебя я наказал
По тому-то телу по нагому!
Зачем же ты не выручил царя-то Костянтина Боголюбова?
Как ино скоро разувай же с ног,
Лапотцы разувай семи шелков,

се горади прещеніемъ и молбамі оубо хо
шоу хубшеде . И оубо хъ аки непокоупле
ныхъ воєднни ;

Витса.

С древнерусской миниатюры из рукописи XVI в.
(Государственный Исторический музей.)

та . цѣлабѣжній естрисоедѣвѣ
дикій чалнѣнѣ ;

Царь и его приближенные.

С древнерусской миниатюры из рукописи XVI в.
(Государственный Исторический музей.)

А обувай мои башмачики сафьяны,
Сокручуся я каликой перехожею“.
Сокрутился е каликой перехожею,
Дават-то ему тут своего добра коня:
„На-ко, сильное могучо ты Иваницо,
А на-ко ведь моего ты да добра коня!
Хотя ты ездил-ль, хоть водком води,
А столько еще, сильное могучо ты Иваницо,
Живи-то ты на уловном этом местечке,
А живи-тко ты еще, ожидай меня,
Назад-то сюды буду я обратно бы.
Давай сюды клюшү-то мне-ка сорок пуд“.
Не дойдет тут Ивану разговаривать:
Скоро подават ему клюшу свою сорок пуд.
Взимат-то он от его тут добра коня.
Пошел тут Ильюшенька скорым скоро
Той ли-то каликой перехожею.
Как проходил Ильюшенька во Царь-от град,
Хватил он там татарина под пазуху,
Вытащил его на чисто поле,
Как начал у татарина доспрашивать:
„Ты скажи, татарин, не утай себя,
Какой у вас невежа есть поганый был,
Поганый был поганое Идблицо?“
Как говорит татарин таково слово:
„Есть у нас поганое Идблицо,
А росту две сажени печатных
В ширину сажень была печатная,
А головище, что ведь лютое лохалицо,
Глазица, что ведь пивные чапица,
А нос-от ведь на роже с локоть был“.
Хватил-то он татарина за руку,
Бросил он его во чисто поле,
Разлетелись у его тут косточки.
Как тут-то ведь еще Илья Муромец
Заходит Ильюшенька во Царь-от град,
Закричал Илья тут во всю голову:

„Ах ты царь да Костянтин Боголюбович!
А дай-ко мне калике переходжи
Злато мне, милóстыню спасеную“.
Как ино царь-он Костянтин-он Боголюбович
Он-то ведь уж тут зрадовáется.
Как тут в Царí-градí от крику еще каличьего
Тéремы-то ведь тут пошатáлися,
Хрустальные оконнички посыпались,
Как у поганого сердечко тут ужáхнулось.
Как говорит поганый таковó словó:
„А царь ты Костянтин Боголюбов был!
Какóй это калика переходжая?“
Говорит тут царь Костянтин таковó словó:
„Это естé русская калика зде“.
— „Возьми-ко ты каликушку к себе его,
Корми-ко ты каликушку, да пой его,
Надай-ко ему ты злата-сéребра,
Надай-ко ему злата ты дб-люби“.
Взимал он, царь Костянтин Боголюбович,
Взимал он тут каликушку к себе его
В особой-то покой да в потайныи,
Кормил, поил калику, зрадовáется,
И сам-то он ему воспрогóворит:
„Да не красное ль то солнышко порбóспекло,
Не млад ли зде светел месяц порбóссветил?
Как нунечку топеречку зде еще,
Как нам еще сюда показался бы
Как старьи казак здесь Илья Муромец!
Как нунь-то есть было топеречку
От тьи беды он нас повыручит,
От тьи от смерти безнапрасные!“
Как тут это поганое Идблицо
Взимает он калику на доспрос к себе:
„Да ай же ты калика, было русская!
Ты скажи, скажи, калика, не утай себя:
Какой-то на Руси у вас богáтырь есть,
А старьи казак есть Илья Муромец?“

Велик ли он ростом, по многу ль хлеба ест,
По многу ли еще пьет зеленá вина?¹
Как тут эта калика было русская
Начал он калика тут высказывать:
„Да ай же ты, поганое Идóлицо!
У нас-то есть во Кieve
Илья-то ведь да Муромец,
А волосом да возрастом равным с меня,
А мы с им были братьяца крестовии,
А хлеба ест как по три-то калачика крупивчатых,
А пьет-то зеленá вина на три пятáчика на медных“.
— „Да чорт-то ведь во Кieve-то есть, не богáтырь был!
А был бы-то ведь зде да богáтырь тот,
Как я бы тут его на долбнь-ту клал,
Другой рукой опять бы сверхú прижал,
А тут бы еще да ведь блин-то стал,
Дунул бы его во чистó полé!
Как я-то еще ведь Идóлицо
А росту две сáжени печатных,
А в ширину-то ведь сажень была печатная,
Головицо у меня да что люто лохáлицо,
Глазица у меня да что пивныи чашица,
Нос-от ведь на рóже с локоть был.
Как я-то ведь да к выти хлеба ем
А ведь по три-то печи печеных,
Пью-то еще зеленá вина
А по три-то ведра я ведь мерных!
Как штей-то я хлебаю по яловицы есте русскии!¹
Говорит Илья тут таковó словó:
„У нас как у попа было ростовского
Как была что корова обжориста,
А много она ела, пила, тут и трéснула:
Тебе-то бы поганому да также быть“.
Как этии тут речи не слюбилися,
Поганому ему не к лицу пришли,

¹ Т. е. в этих щак есть целая тёлка.

Сказание свое
богатырь Кольхоз
воцрзрх и ш а говик
вот гразий бохатырь
бчнй себчтв.
По толна хх аи грх
ицае бадорн иаде
ашин асчсхой Хизко
Та ой бохатырьма
иле хордцъ фтоак
рыщи ии тоакм асав
доло бохатырь. что
бчнй себчтв аи грх
Хотелтай азе рх грх
и в. бохатырь десе

Страница из рукописи XVII в., в которой была найдена древнейшая запись так называемого „Богатырского слова“ — былины о походе русских богатырей на Царьград. Ряд эпизодов „Богатырского слова“ близок к былине об Илье и Идолице.

На изображенной здесь начальной странице былины написано:
„Сказанье о киевских богатырях, как ходили во Царьград и как послали царьградских богатырей, учинили себе честь.
Во стольном славнем граде Кieve говорит князь Владимир Всеславич киевской своим богатырям, Илье Мурзому с товарищи: „Или то вам не сведомо, богатырям, что отпущает на меня царь Константи из Царь-града 42 богатырей, а велит...“

Хватил он как ножнице тут кинжалище
Со того стола со дубова,
Как бросил он во Илью-то Муромца,
Что в эту калику перехожую.
Как тут-то ведь Ильи не дойдет сидеть,
Как скоро он от ножика отскакивал,
Колпаком тот ножик приотваживал.
Как пролетел тут ножик да мимо-то,
Ударил он во дверь во дубовую,
Как выскочила дверь тут с ободвѣриной,
Улетела тая дверь да во сени-ты,
Двенадцать там своих да татаровой
На мертвó убило, дрúго ранило.
Как остальные татара проклинают тут:
„Буди трою проклят, наш татарин ты!“
Как тут опять Ильюше не дойдет сидеть,
Скоро он к поганому подекакивал,
Ударил как клюшой его в голову,
Как тут-то он поганый да захамкал есть.
Хватил затым поганого он за ноги,
Как начал он поганым тут помахать.
Помахиват Ильюша, выговариват:
„Вот мне-ка, братцы, нуньчу оружье
по плечу пришло“.
А бьет-то сам Ильюша, выговариват:
„Крепок-то поганый сам на жилочках,
А тянется поганый, сам не рвется“.
Начал он поганых тут охаживать
Как этим поганым Идóлицом.
Прибил-то он поганых всех в три часу,
А не оставил тут поганого на сѣмена.
Как царь тут Костянтин-он Боголюбович
Благодарствует его, Илью Муромца:
„Благодарим тебя, ты старый казак Илья Муромец!
Нонь ты нас еще да повручил,
А нонь ты нас да еще выключил
От тьи от смерти безнапрасные.

Ах, ты старын казак да Илья Муромец!
Живи-тко ты здесь у нас на жительство,
Пожалую тебя я воеводою“.
Как говорит Илья ему Муромец:
„Спасибо, царь ты Костянтин Боголюбович!
А послужил у тя столько я трі часа,
А выслужил у тя хлеб-соль мягкую,
Да я у тя еще слово гладкое,
Да еще уветливо да приветливо.
Служил-то я у князя Володимира,
Служил я у его ровно тридцать лет,
Не выслужил-то я хлеба-соли там мягкие,
А не выслужил-то я слова гладкого,
Слова у его я уветлива есть приветлива.
Да ах ты, царь Костянтин Боголюбович!
Нельзя-то ведь еще мне zde-ка жить,
Нельзя-то ведь-то было, невозможно есть:
Оставлен есть оставеш на дороженьке“.
Как царь-то Костянтин Боголюбович
Насыпал ему чашу красна золота,
А другую-то чашу скатна жемчугу,
Третью еще чиста сѣребра.
Как принимал Ильюшенька, взимал к себе,
Высыпал-то в карман злато, сѣребро,
Тот ли-то этот скатный жемчужок,
Благодарил-то он тут царя Костянтина

Боголюбова:

„Это ведь мое-то зарабочее“.

Как тут-то с царем Костянтином

распростилися,

Тут скоро Ильюша поворот держал.

Придет он на улѣбно это мѣстечко,

Ажно тут Иванищо притаскано,

Да ажно тут Иванищо придерзано.

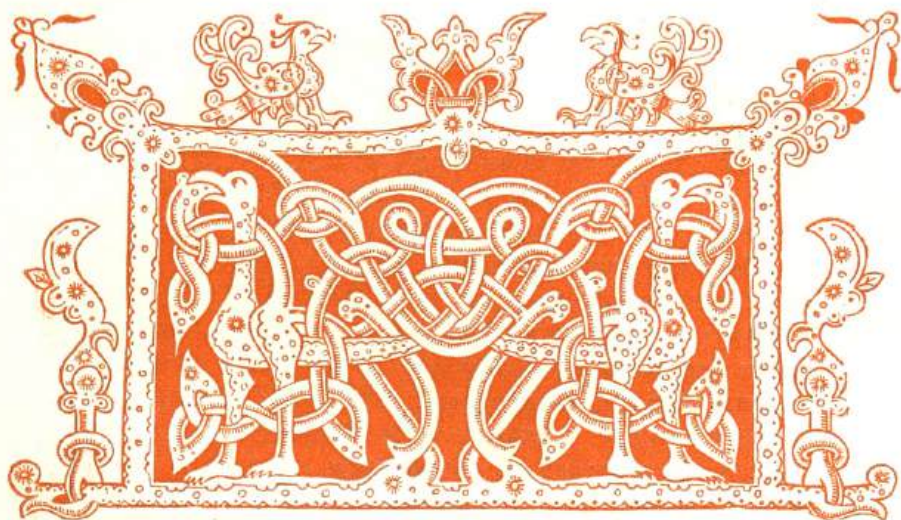
Как и приходит тут Илья Муромец,

Скидывал он с сѣбя платья-ты каличии,

Разувал лапотцы семи шелков,

Обувал на ножки-то сапожки сафьянны,
Надевал на ся платица цвѣтны,
Взимал тут он к себе своего добра коня,
Садился тут Илья на добра коня,
Тут-то он с Иванищом еще распрощается:
„Прощай-ко нунь ты, сильное могучо Иванищо!
Впредь ты так да больше не делай-ко,
А выручай-ко ты Русию от поганных“.
Да поехал тут Ильюшенька во Киев-град.

ИЛЬЯ МУРОМЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

о славном во городе во Кieve,
При ласковом князе Владимире,
Наезжал собака-вор Кáлин-царь
С сорока царями-царевичми,
С сорока королями-королевичми.
У всех силы было набрано,
У всех было силы заправлено,
У всех было силы по сороку тысячей,
У самого собаки царя Кáлина сметы нет.
И ходит собака-вор Кáлин-царь

По той по силы по поганые:
„Ай же вы, слуги мои верные!
Кто знает баять по русскому,
Толмáчить по татарскому?
Кто бы сходил во Киев-град,
Снес письмо ко князю Владимиру,
Чтобы отдал стольний Киев-град
Без бою, без драки великие,
Без большого кровопролития?“
И сыскался татарин поганый,
Знает баять по русскому
И толмáчить по татарскому,
И берет письмо у собаки царя Кáлина.
И садился татарин на добра коня,
И поезжает во Киев-град,
И приезжает ко князю Владимиру;
Заезжал на широкий двор,
И становил коня среди двора,
Идет в палаты белокаменны. [?]
И не крестится татарин, не кланяется,
Не бьет челом на четыре стороны,
И князю Владимиру не поклоняется,
А бросил письмо на дубовый стол:
„Рассматривай, Владимир-князь, писёмочко = *письмечко*
От нашего собаки царя Кáлина.“
И рассматривал Владимир-князь писёмочко,
И в письме писано:
„Отдал бы Владимир-князь Киев-град,
Киев-град без бою, без драки великие, [?]
Без большого кровопролития“.
И назад Владимир-князь отписывал:
„Ай же, собака-вор Кáлин-царь!
Дай нам сроку на три годú,
И на три месяца, и на три дни, и на три часа:
Накурить-то бы нам зеленá вина [?]
И наварить бы нам пива пьяного,
И было бы стретить чем царя Кáлина“.

И уезжает татарин воп из Киева.
И слезно Владимир-князь расплакался:
„Раздразнил как я сильных могучих богатырей, [→]
Все богатыри разъехались.
Как бы был старый казак Илья Муромец,
И тот бы постарался
Ради дому пресвятые богородицы
И ради матушки свято-Русь земли,
И ради церквей соборных. *Соборных*
И посадил я Илью в погреба во глубокие, [→]
И заморил я смертию голодною“.
И у князя у Владимира
Выходила дочь княженецкая,
[→] Красна девица во семнадцать лет,
И сама говорит таково слово:
„Может, жив старый казак Илья Муромец,
Бывает, съездит во Киев-град да постарается“.
Говорит Владимир-князь стольно-киевский:
„Ай же ты, дочь моя одинакая! ~~Сидит~~ *Сидит*
Где живому быть Илье Муромцу:
Сидит в погребах он три году“.
(И знали девицы про Илью Муромца,
И в каждый день носили ествы сахарные). *есть* [→]
„И однако сходим-ко, батюшка,
Во погреба во глубокие“.
И берет Владимир-князь ключи от погреба,
И отложает двери погребны,
И заходит Владимир-князь во погреба во глубокие,
И сидит старый казак Илья Муромец,
Сидит-то за дубовым столом [?]
И читает книгу он евангелью.
Упал Владимир-князь Илье во праву ногу:
„Ай же ты, старый казак Илья Муромец!
Съезди, постарайся ради дому пресвятые богородицы,
И ради матушки свято-Русь земли,
И ради церквей соборных“.
И будто Илья Муромец не ведает:

„А что, Владимир-князь, над Русью сделалось?“

Говорит Владимир-князь стольно-киевский:

„Ай же ты, старый казак Илья Муромец!

Да наехал к нам собака-вор Кáлин-царь

С сорока царями-царевичми,

С сорока королями-королевичми,

У всех набрано силы по сороку тысячей,

А у самого царя Кáлина и сметы нет.

И мне было письмо от собаки царя Кáлина,

Чтобы отдал Владимир-князь Киев-град

Без бою, без драки великие,

Без большого кроволития.

И на то письмо собаке царю Кáлину отписывал:

Дал бы нам сроку на три годú,

На три месяца, и на три дни, и на три часа:

Накурить бы нам зеленá вина,

Наварить бы нам пива пьяного,

Чтоб оподчивать татаровой“.

И говорит старый казак Илья Муромец:

„Я поеду царя Кáлина упрашивать“.

И садился Илья на добра коня,

И скакал через стенку городóвую,

Через тую башню наугольную,

И приезжает ко собаке царю Кáлину.

„Здравствуй, собака-вор Кáлин-царь“.

И говорит вор Кáлин-царь:

„Здравствуй, старый казак Илья Муромец!“

И говорит вор Кáлин-царь,

„Что считали, нет жива Ильи Муромца:

Ажно жив Илья Муромец“.

Говорит старый казак Илья Муромец:

„Дай сроку нам на три годú,

На три месяца и на три дни и на три часа:

Накурить нам зеленá вина

И наварить нам пива пьяного,

Чтоб татаровой оподчивать“.

„Верю тебе, Илья Муромец, по старости:

Встретьте меня, царя Кáлина,
А татаровой оподчивайте".
И поезжает Илья Муромец от царя Кáлина
И не мог силы и счету дать.
Он на гору на высоко поднимается,
И смотрит на все четыре стороны,
И ничего узреть не мог; *увидеть*
Со первой горы опускается, *- опускается*
На вторую поднимается,
И смотрит на все четыре стороны,
И ничего узреть не мог;
Со второй горы опускается,
На третью гору поднимается,
И смотрит на все четыре стороны,
И узрел в восточной стороне шатер белополютняный,
И поезжает на восток Илья Муромец.
И скоро скажется, а по узку дело дается —
Приезжает он ко белú шатру:
И там стоит шатер белополютняный,
И стоят тринадцать коней богатырских,
И зоблют пшену белоярову,
И кони знакомые, киевские,
Отца крестного, Самсона Самойлова.
И поставил он своего коня ко белú шатру.
И заходит Илья во белбй шатер.
И сидят тринадцать богатырей,
За дубовым столом хлеба кушают:
Отец крестный Самсон Самойлович
И двенадцать богатырей.
И вьстали все на резвы ногй из-за дубовá стола: *?*
„Здравствуй, старый казак Илья Муромец,
Мой крестник любезный!
Садись хлеба-соли кушати *- кушати*
И белой лебеди рушати“.
И говорит старый казак Илья Муромец:
„Ты, батюшка крестный, Самсон Самойлович,
И все двенадцать богатырей, крестовые названые!

Поедемте вы мне на помощь,
Пособите прогнать царя Калина прочь от Киева.
Что наехал вор собака Калин-царь
С сорока царями-царевичми, — *царевичами*
С сорока королями-королевичми:
У всех силы по сороку тысячей,
У самого царя Калина и сметы нет“.
И говорит отец крестный Самсон Самойлович:
„Ай же ты, любимый крестничек,
Старый казак Илья Муромец!
Кладена у меня заповедь крепкая:
Не бывать бы мне во граде во Киеве,
И не глядеть бы мне на князя на Владимира
И на княгиню Апраксию не сматривать,
И не стоять бы больше мне за Киев-град:
Он слушает князей-бояр,
А не почитает богатырей“.
И говорит старый казак Илья Муромец:
„Батюшко крестный, Самсон Самойлович!
Не ради князя Владимира
И княгини Апраксы королевичны,
Ради дому пресвятыя богородицы
И чудотворцев киевских,
И ради матушки свято-Русь земли
Положи ты половину греха на меня,
Поедем ко мне на помощь“.
И говорит Самсон Самойлович:
„Нет, крестничек мой любезный,
Великий мой грех:
Не поеду стоять за Киев-град“.
— „Батюшка крестный, Самсон Самойлович!
Положи же весь грех на меня
И поедем ко мне на помощь:
Пособи же мне прогнать царя Калина“.
И упросил Илья Муромец
Самсона Самойловича и двенадцать богатырей.
И сядились четырнадцать богатырей

Битва русских с кочевниками.
С картины В. М. Васнецова (1881 г.).
(Государственный Русский музей в Ленинграде.)

На своих добрых коней богатырских,
И мать сыра-земля всколебалася.
И приезжают близ города Киева,
Близ собаки царя Калина,
Раскинули они шатер белополотняный;
И хлеба-соли они покушали,
Легли они спать да опочив держать.
Илье Муромцу не спится, *мало сбится, не спится*
И сядилса Илья на добра коня, *может, здоровится.*
И поехал против царя Калина.
Не ясен сокол на гусей-лебедей напущается,
Илья Муромец на рать-силу великую.
И зачал Илья по силе поезживать,
Зачал Илья по силе помахивать:
Куда рукой махнет, улица лежит,
Отмахнет — переулками.
Его добрый конь провещился языком

человеческим:

„Ай же, старый казак Илья Муромец!

Есть у собаки царя Калина

Выкопано три подкопа глубокие:

Я в подкоп скочу, — повыскочу,

Тебя, Илью, повынесу;

И в другой скочу, — повыскочу,

Тебя, Илью, вынесу;

И в третий скочу, — повыскочу,

Навряд тебя, Илья, повынести“.

И бьет коня он по тучной бедры:

„Ты, волчья сыть, трявяной мешок!“

Разве подкопов не видывал?

Неужель с этих ямочек не выскочишь?“

Он в подкоп скочил — повыскочил;

В другой скочил — повыскочил;

В третий скочил — сам повыскочил,

Не мог Илью повынести.

Упал Илья в подкопы глубокие,

Обостали татарове поганые,

Сковали ему ножки резвые, ?
Связали ему ручки белые ?
И привели к собаке царю Кáлину.
И говорит вор-собака Кáлин-царь: ?
„А что же ты, старый казак Илья Муромец!
Я поверил тебе по старости,
Почто ты теперече изверился? *теперь*
Послужи ты мне, собаке царю Кáлину:
Я дам тебе место подле себя,
Или хоть супротив себя,
Третье, где ты похочешь тут, живи,
Положу на тебя пенёнизо великое“. *мишанце.*
Говорит Илья таково́ словó:
„Как была бы у меня одна ручка правая,
Отрубил бы тебе голову“.
Говорит-то собака вор Кáлин-царь:
„Поведите, татарове, Илью во чистó полé: ?
Отрубите Илье буйну голова“ ?
И повели Илью во чистó полé,
Ведут мимо церковь соборную,
Возмолился Илья гознодú богú от желания:
„Не выдай, господи, татаровем поганым:
Я буду стоять за веру христианскую“.
И услышал господь его моление,
Посылает господь двух ангелов:
Оборвали с рук поводья шелковые,
Оборвали с ног оковы железные.
Стал Илья на своей воле,
Ухватил татарина поганого за резвы ногí,
Начал татаринoм помахивать.
И бежит к нему добрый конь
Со своей со сбруней богатырской.
Он садится на добра коня
И выехал на место на высокое.
И берет-то он себе тúгой лук, ?
Натягивал тетивочку шелкóвую,
Накладывал стрелочку калёную,

И сам он стреле приговаривал:
„Лети ты, стрела, выше лесов темных,
Не пади, стрела, ни на воду, ни на землю,
Прямо лети в бел шатер,
Где спят свято-русские богатыри,
Пробей-ко ты крышу во белом шатре
И прямо пади в Самсона-богатыря,
Моего крестного батюшки во белую грудь,
Проломи ты у него латы кольчужные,
И пройди-тко ты в ретивое сердце, —
Что он спит-проклаждается!“
Летела та каленая стрела
Выше лесов высоких,
И не пала она ни на воду, ни на землю,
А пала она прямо в бел шатёр,
И пробила крышу шатровую,
И упала прямо в грудь Самсона-богатыря,
И пробила ему латы кольчужные,
И ударила ему в золот крест.
Тут со крепка сна Самсон пробуждается,
И говорит он таковое слово:

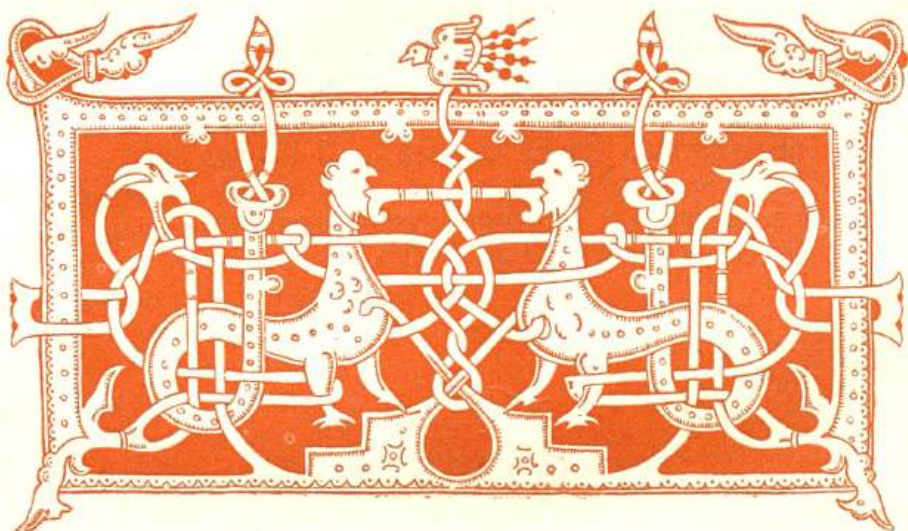
„Ставьте-тко, братцы крестовые!
Верно моему-то крестничку не собьется“.
Тут все тринадцать богатырей
Садилась на добрых коней и поехали, —
Мать сыра земля восколыбалася.
Приезжали они к силе несметной
Собаки-вора царя Калина,
Тут силушку повырбили.
Поехал собака-вор Калин-царь от города

от Киева,

И говорит таковое слово:
„Закажу я детям и внучатам
Ездить ко городу ко Киеву“.
Тут Владимир-князь с княгиней Апраксой
Стлали сукна драгоценные
До той до силы до поганой,

И полагали они на мису чиста сѣребра,
На другую мису красна золота,
А на третью мису скатна жемчуга,
И брали они лисиц-куниц,
Лисиц-куниц, черных соболей,
Дарил он их и жаловал.
И в то время у богатырей сердца кончились,
Стали есть, пить и веселиться.

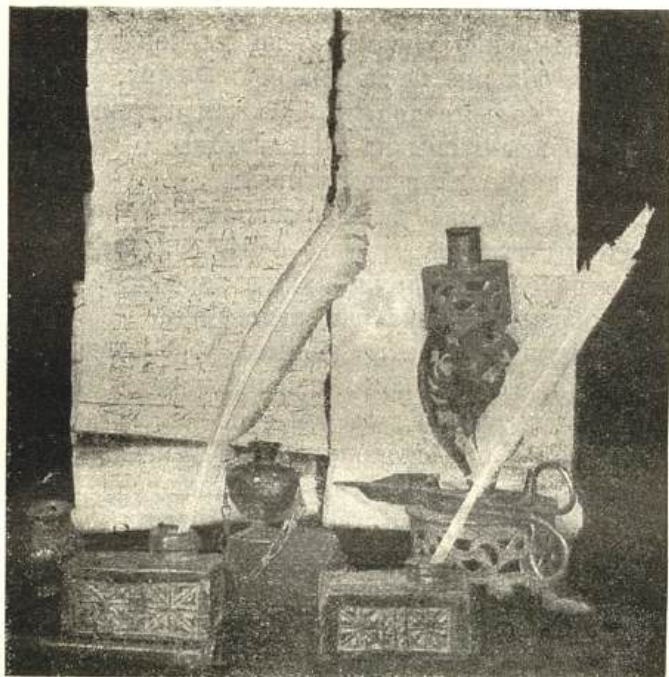
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК

Кабы жили на заставы богатыри,
Недалёко от города — за двенадцать верст,
Кабы жили они да тут пятнадцать лет;
Кабы тридцать-то их было да со богатырем;
Не видали ни конного, ни пешего,
Ни прохожего они тут, ни проезжего,
Да ни серый тут волк не прорыскивал,
Ни ясен сокол не пролётывал,
Да ни русской богатырь не проезживал.
Кабы тридцать-то их было богатырей со богатырем:
Атаманом-то стар-казак Илья Муромец,

Илья Муромец да сын Иванович,
Подутóманьем Самсон да Колыбанович,
Да Добрыня-то Никитич жил во писарях,
Да Олѣша-то Попович жил во по́варах,
Да и Мишка Торопанишко жил во конюхах,
Да и жил тут Василий сын Буслевич,
Да и жил тут Васинька Игнатьевич,
Да и жил тут Дюк да сын Степанович,
Да и жил тут Пермя да сын Васильевич,
Да и жил Родивон да Превысокие,
Да и жил тут Микита да Преширокие,
Да и жил тут Потанюшка Хроменькой,
Затем Потык-Михайло сын Иванович,
Затем жил тут Дунай да сын Иванович,
Да и был тут Чурило млады Плѣнгович,
Да и был тут Скопин сын Иванович,
Тут и жили два брата два родимые,
Да Лука, да Матвей, дети Петровые...
На зачине то было светла деничка,
На зоре-то было да ноньче на утренной,
На восходе-то было да красна солнышка,
Тут ставает старóй да Илья Муромец,
Илья Муромец ста́вает да сын Иванович,
Умывается он да ключевой водой,
Утирается он да белым-пóлотном,
А ставает да он нонь перед господом,
А молится он да господу-богу,
А крест-от кладет да по писаному,
А поклон-от ведет да, как ведь водится,
А молитву творит пóлну Иусову,
Сам надернул сапожки на босú ногú,
Да и кунью шубейку на одно плечо,
Да пухов-де колпак да на одно ухó,
Да и брал он нонь трубочку подзорную,
Да выходит старóй да вон на улицу,
Да и зрел он, смотрел на все стороны,
Да смотрел он под сторону восточную,—

Да и стоит-то-де наш там стольнё-Киев-град;
Да смотрел он под сторону под летную,—
Да стоят там луга да там зелёныи;
Да глядел он под сторону под западну, —
Да стоят там да леса тёмныи;
Да смотрел он под сторону под северну, —
Да стоят-то-де там ледяны горы;
Да смотрел он под сторону в полуночну, —
Да стоит-то-де наше синё морé,
Да стоит-то-де наше там чистó полé,
Сорочинско-де славно наше Кули́гово;
В копти-то там, в тумане не знай зверь бежит,
Не знай зверь там бежит, не знай сокол летит,
Да Буян-ле славный остров там шатается,
Да Саратовы-ле горы да знаменуются,
А богатырь-ле там едет, да потешается:
Попереди-то его да бежит серой волк,
Позади-то его бежит черной выжлок,
На правом-то плече знать воробей сидит,
На левом-то плече да знать белой кречет,
Во левой-то руке да держит тугой лук,
Во правой-то руке стрелу калёную,
Да калёную стрелочку, перёную,
Не того же орла да сизокрылого,
Да того же орла да сизокамского,
Не того же орла, который на дубу сидит,
Да того же орла, который на синём морí,
Да гнездо-то он вьет да на серой камёнъ.
Да поверх богатырь стрелочку подстреливат,
Да и на пол он стрелочку не ураниват,
На полете он стрелочку подхватыват.
Подъезжат он ныне ко белú шатру,
Да и пишет нонь сам да скору грамотку,
На правом-то колене держит бумажечку,
На левом-то колене держит чернильницу,
Во правой-то руке да держит пёрышко,
Сам пишет ерлык да скору грамотку,

Письменные принадлежности XVII в.

Две чернильницы, гусиные перья, песочница с песком для просушки написанного, подсвечник, щипцы для снятия нагара со свечи.

(Государственный Исторический музей.)

Да подмётывал ерлык да скору грамотку,
 Да к тому же шатру да к белобархатному.
 Да берёт-то стар-казак Илья Муромец.
 Да и то у него тут написано,
 Да и то у него тут напечатано:
 „Да и еду я нонь да в стольнёй Киев-град,
 Я грометь-шурмовать да в стольнё-Киев-град,
 Я соборны больши церкви я на дым спущу,
 Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
 Я печатны больши книги да во грязі стопчу,
 Чудны образы-иконы на поплав воды,
 Самого я князя да в котле сварю,
 Да саму я княгиню да за себя возьму“.
 Да заходит тут стар тут во белой шатёр:
 „Ох вы ой есь вы, дружинушка хоробрая!
 Вы хоробрая дружина, да заговорная!
 Уж вам долго-ле спать, да нынь пора ставать,
 Выходил я, старой, вон на улицу,
 Да и зрел я, смотрел на все стороны,
 Да смотрел я под сторону восточную,—
 Да стоит-то-де наш там стольнё-Киев-град...¹“
 Тут скакали нынь все русские богатыри,
 Говорит-то-де стар-казак Илья Муромец:
 „Да кого же нам послать нынь за богатырем?
 Да послать нам Самсона да Колыбанова,
 Да и тот ведь он роду-то сонливого,
 За невид потерят свою буйну голову;
 Да послать нам Дуная, сына Иванова,—
 Да и тот он ведь роду-то заплывчива,
 За невид потерят свою буйну голову;
 Да послать нам Олещиньку Поповича,—
 Да и тот он ведь роду-то хвастливого,
 Потеряет свою буйну голову;
 Да послать-то нам ведь Мишку да Торопанишка,—

¹ В дальнейшем рассказе Илья Муромца дословно повторяется описание встречи с Соколыником и угрозы последнего разрушить Киев-град.

Да и тот он ведь роду торопливого,
Потеряет свою буйну голову;
Да послать-то нам два брата, два родимые,
Да Луку, да Матвея, детей Петровичей,—
Да такого они роду-то ведь вольного,
Они вольного роду-то, смирёного,
Потеряют свои да буйны головы;
Да послать-то нам Добрынюшку Никитича,
Да и тот он ведь роду он ведь вежлива,
Он вежлива роду-то, очеслива,
Да умеет со мѳлодцом соехаться,
Да умеет он со мѳлодцом разъехаться,
Да умеет он ведь мѳлодцу и честь воздать“.
Да учуло тут ведь ухо богатырское,
Да завидело око да молодецкое,
Да и стал тут Добрынюшка снаряжаться,
Да и стал тут Добрынюшка сподобляться;
Побежал нынь Добрыня на конюшен двор,
Да и брал он коня да все семи цепей,
Да семи он цепей, да семи рѳввязей,
Да и клал на коня да плотны потнички,
Да на потнички клал да мягки войлочки,
Да на войлочки седѳлышко черкальское,
Да двенадцать он вяжет подпруг шелковых,
Да тринадцату вяжет черезхребѳтную,
Через ту он степ да лошадиную,
Да не ради басы да молодецкой,
Ради крепости вяжет богатырской.
Тут он приснял он-де шапочку курчавую,
Он простился со всеми русскими богатырми,
Да не видно поездки да молодецкой,
Только видно, как Добрыня на коня скочил,
На коня он скочил, да в стремяна ступил,
В стремяна-те ступил, да он коня стегнул.
Хѳробра была поездка да молодецкая,
Хороша была побежка лошадиная,
Во чистѳм-то поле видно курева стоит,

У коня из ушей да дым столбом валит,
Да из глаз у коня искры сыплются,
Из ноздрей у коня пламя мечется,
Да и сива-де грива да расстилается,
Да и хвост-то трубой да завивается.
Наезжает богатырь на чистом полѣ,
Заревел тут Добрыня до во первой након:
„Уж я верной богатырь — дак нынѣ на пуск держу,
Ты неверной богатырь — дак поворот даешь“.
А и едет татарин да не оглянется.
Заревел-то Добрынюшка во второй након:
„Уж я верной богатырь — дак нынѣ на пуск держу,
Ты неверной богатырь — дак поворот даешь“.
А и едет татарин да не оглянется,
Да и тут-де Добрынюшка ругаться стал:
„Уж ты, гадина, едешь, да перегадина!
Ты сорока, ты лѣтишь, да белобокая!
Да ворона, ты лѣтишь, да пустопѣрая,
Пустопѣра ворона да по загуменью!
Не воротись на заставу каравульную,
Ты уж нас, молодцов, видно нечѣм считаешь?“...
А и тут-де татарин да поворот дает,
Да снимал он Добрынюку да со добра коня,
Да и дал он ему да по отяпышу,
Да прибавил он еще да по алябышу,
Посадил он назад его на добра коня:
„Да поедь ты, скажи стару казаку, —
Кабы что-де старой тобой заменяется?
Самому ему со мной еще делать нечего!“
Да поехал Добрыня да едва жив сидит,
Тут едет Добрынюшка Никитьевич,
Да к тому же к своему да ко белу шатру,
Да встречает его да нынче стар-казак,
Кабы стар-де казак да Илья Муромец:
„Ох ты ой еси, Добрынюпка Никитич млад!
Уж ты что же ты едешь, да не по-старому?
Не по-старому ты едешь, да не по-прежнему?“

Повеся ты держишь да буйну голову,
Потопя ты держишь да очи ясныи“.
Говорит-то Добрынюшка Никитич млад:
„Наезжал я татарина на чистом поли,
Заревел я ему да ровно два раза,
Да и едет татарин, да не оглянется;
Кабы тут-де-ка я ровно ругаться стал,
Да и тут-де татарин да поворот дает,
Да сымал он меня со добра коня,
Да и дал он мне тут да по отяпышу,
Да прибавил он еще мне по алябышу,
Да и сам он говорит да таковы речі:
„Да и что-де старой тобой заменяется?
Самому ему со мной да делать нечего!“
Да и тут-де старому да за беду стало,
За великую досаду да показалось,
Могучи его плечи да расходились,
Ретиво его сердце разгорячилось,
Кабы ровно-неровно — будто в котле кипит.
„Ох вы ой еси, русские богатыри!
Вы седлайте, уздайте да коня доброго,
Вы кладите всю сбруню да лошадиную,
Вы кладите всю приправу да богатырскую!“
Тут седлали-уздали да коня доброго.
Да не видно поездки да молодецкоей,
Только видно, как старой нынь на коня скочил,
На коня он скочил, да в стремяна ступил,
Да и прижнял он свой да нонь пухов колпак:
„Вы прощайте, дружинюшка хоробрая!
Не успеете вы да щей котла сварить, —
Привезу голову да молодецкую“.
Во чистом поли, видно, курева́ стоит,
У коня из ушей да дым столбом валит,
Да из глаз у коня искры сыплются,
Из ноздрей у коня пламя мечется,
Да и сива-де грива да расстилается,
Да и хвост-от трубой да завивается.

Наезжает татарин на чистомъ полѣ,
От того же от города от Клева,
Да и столько-де места да за три поприща.
Заревел тут старой да во первой наконъ:
„Уж я верной богатырь — дак я на пуск держу,
Ты неверной богатырь — дак поворот даешь!“
А и едет татарин да и не оглянется;
Да и тут старой заревел во второй наконъ:
„Уж я верной богатырь — дак я на пуск держу,
Ты неверной богатырь — дак поворот даешь!“
Да и тут-де татарин да не оглянется;
Да и тут-де старой кабы ругаться сталъ:
„Уж ты, гадина, едешь, да перегадина!
Ты сорока, ты лѣтишь, да белобокая!
Ты ворона, ты лѣтишь, да пустопѣрая!
Пустопѣра ворона да по загуменью,
Не воротишь на заставу караульную,
Ты уж нас, молодцов, видно нечѣм считаешь?“
Кабы тут-де татарин поворот дает,
Отпустил татарин да нынь сера волка,
Отпустил-то татарин да черна выжлока,
Да с права он плеча да он воробышка,
Да с лева-то плеча да бела кречета.
„Побежите, полетите вы прочь от меня,
Вы ищите себе хозяина поласковей,
Со старым нам съезжаться да нам не браться,
Со старым нам съезжаться — дак чья божья помочь“.
Вот не две горы вместе да столкнулися,
Два богатыря вместе да тут соехались,
Да хватали они сабельки нынь востры,
Да и секлись, рубились да целы суточки,
Да не ранились они, да не кровавились,
Вострые сабельки их да изломалися,
Изломалися сабельки, исцербилися;
Да бросили тот бой да на сыру землю,
Да хватали-то палицы боѣвые,
Колотилися, дрались да целы суточки,

Да не ранились они, да не кровавилисьъ,
Да боёвые палицы загорелися,
Загорелися палицы, распаялися;
Да бросали тот бой на сырú землю,
Да хватали копейца да бурзомецкии,
Да и тыкались, кололись да целы суточки;
Да не ранились они, да не кровавилисьъ.
По насадке копейца да изломалися,
Изломалися они, да извихнулися;
Да бросали тот бой да на сырú землю,
Да скакали они нонь да со добрых коней,
Да хватались они на рукопашечку.
Да старóму по бесчестью да по великому,
Подоспело его слово похвальное,
Да лева его нога да окольздилася,
А права-то нога и подломилася,
Да и падал старой тут на сырú землю,
Да и ровно-нёрвно будто сýрой дуб,
Да заскакивал Сокольник на белы груды,
Да и рóзорвал лату да он булатную,
Да и вытащил кинжалище, укладен нож.
Да и хочет пороть да груди белые,
Да и хочет смотреть да ретивó сердце.
Кабы тут-де старой да нынь расплакался:
„Ох ты ой есть, пресвята мать богородица!
Ты пошто это меня нынче повыдала?
Я за веру стоял за христовую,
Я за церкви стоял да за соборные“.
Вдруг не ветру полоска да перепáхнула, —
Вдвое-втрое у старого да силы прибыло,
Да свиснул он Сокольника со белых грудей,
Да заскакивал ему да на черны груды,
Да и рóзорвал лату да всё булатную,
Да и вытащил кинжалище, укладен нож,
Да и ткнул он ему да во черны груды, —
Да в плече-то рука и застоялася.
Тут и стал-де старой нынче выпрашивать:

„Да какой ты, удалой да доброй молодец?“

У поганого сердце-то заплывчиво:

„Да когда я у те был да на белых грудях,

Я не спрашивал ни роду тя, ни племени“.

Да и ткнул старой да во второй након, —

Да в локте-то рука застоялася,

Да и стал-де старой да опять спрашивать:

„Да какой-ты удалой да доброй молодец!“

Говорит-то Сокольник да таковы речи:

„Да когда я у те был на белых грудях,

Я не спрашивал ни роду тя, ни племени,

Ты еще стал роды у меня выспрашивать“.

Кабы тут-де старому да за беду стало,

За великую досаду да показалось,

Да и ткнул старой да во третей након, —

В заведи-то рука да застоялася,

Да и стал-то старой тут выспрашивать:

„Ой ты ой еси, удалой доброй молодец!

Ты скажись ты мне понче, пожалуйста:

Да какой-ты земли, какой вотчины?

Да какого ты моря, коя города?

Да какого ты роду, коя племени?

Да и как тя, млодца, именём зовут?

Да и как прозывают по отечеству?“

Говорит-то Сокольник да таковы речи:

„От того же я от камешка от Латыря,

Да от той же я девчонки да Златыгорки,

Она зла поленица да преудалая,

Да сама она была еще одноокая“.

Да скакал-то старой конь на резвы ноги,

Прижимал он его да ко белой груди,

Ко белой-де груди, да к ретиву сердцу,

Целовал его в уста да нынь сахарны:

„Уж ты чадо-ль, чадо да мое милое!

Ты дитя-ле мое, дитя мое сердечное!

Да съезжались с твоей да мы ведь матерью,

Да на том-же мы ведь на чистом поли,

Да и сила на силу прилучилася,
Да не ранились мы, да не кровавились,
Да и тут мы ведь, чадо, тебя прижили;
Да поедь ты нынь к своей матери,
Привези ей ты нынь в стольнѣ-Киев-град,
Да и будешь ты у меня перьвой бѣгатырь,
Да не будет тебе у нас поединщиков“.
Да и тут мѣлодцы нынь разъехались,
Да и едет Сокольник ко своему двору,
Ко своему двору, к высоко терему,
Да встречат его матушка родимая:
„Уж ты чадо-ли, чадо мое милое!
Уж дитя ты мое, дитя сердечное!
Уж ты что же нынь едешь да не по-старому?
Да и конь-то бежит не по-прежнему?
Повеся ты держишь да буйну голову,
Потопя ты держишь да очи ясные,
Потопя ты их держишь да в мать сыру землю?“
Говорит-то Сокольник да таковы речі:
„Уж я был же нынь-нынче да во чистѣм полі,
Уж я видел стару коровушку базикову,
Он тебя зовет сукою, меня щенком зовет“.
Говорит-то старуха да таковы речі:
„Не пустым-де старой да похваляется,
Да съезжались мы с им да на чистѣм полі,
Да и сила на силу прилучилася,
Да не ранились мы да не кровавились,
Да и тут мы ведь, чадо, тебя прижили“.
А и тут-де Сокольнику за беду стало,
За великую досаду показалося,
Да хватил он матушку за черны кудри,
Да и вызнял он ей да выше могучих плеч,
Опустил он ей да о кирпичат пол,
Да и тут-де старухе смерть случилася.
У поганого сердце-то заплывчиво,
Да заплывчиво сердце-то, разрывчиво,
Да подумал он думу да промежду собой,

Да сказал он нынь слово да нынче сам себе:
„Да убил я топеря да родну матушку,
Да убью я, поеду, да стара-казака,
Он спит нынь с устатку да нонь с великого“.
Да поехал Сокольник в стольнё-Киев-град,
Не пиваючись он да не едаючись,
Не сыпáл-де он нынече плотнóго сну,
Да разорвана лата да нынь булатная,
Да цветно его платьє да все истрѣпано.
Приворачивал он на заставу каравульную,
Никого тут на заставе не случилось,
Не случилось-де нынь, не пригодилось,
Да и спит-то один старой во белóm шатрú,
Да храпит-то старой, как порог шумит.
Да соскакивал Сокольник да со добрá коня,
Да заскакивал Сокольник да нынь во бел-шатер,
Да хватил он копейцо да бурзамецкое,
Да и ткнул он старому да во белы́ грудí;
Да старóму-то по счастью да по великому,
Пригодился-ле тут да золот-чуден-крест,
По насадке копейцо да извихнулося.
Да и тут-де старой да пробужается,
От великого сну да просыпается.
Да скакал-де старой тут на резвы́ ногí,
Да хватал он Сокольника за черны́ кудрí,
Да и вызял его выше могúчих плеч,
Опустил он его да о кирпичат пол,
Да и тут-де Сокольнику смерть случилася.
Да и вытащил старой его вон на улицу,
Да и руки и ноги его он óторвал,
Рассвистал он его да по чистú полю,
Да и тулово связал да ко добрú коню,
Да сорокам-воронам да на расклѣваньє,
Да серым-де волкам да на растѣрзаньє.

ССОРА ИЛИ с КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

делал князь Владимир почёстен шир
На князей, на бояр, на русских богатырей
И на всю полёницу уда́лую,
И забыл позвать старого казака Илью Муромца.
Тут Ильюшеньке стало зарко́.
Скоро он натянул ту́гой лук,
Кладывает стрелочку калёную,
Стрелил он тут цо божьим церквám,
По божьим церквám да по чудным крестám,
По тым маковкам золоченым.

Вскричал-то Илья во всю голову,
Во всю голову зычным голосом:
„Ай вы, голь кабацкая, доброхоты царские!
Ступайте пить со мной за одно зеленá вина,
Обирать-то маковки золоченые!“
Тут-то пьяницы, голь кабацкая
Бежат, прискакивают, радуются:
„Ай ты отец наш, рóдной батюшка!
Пошли обирать во царёв кабак,
Продавают маковки золоченые.
Берут золоту казну бесчетную,
И начали пить зеленá вина“.
Видит князь Владимир стольно-киевский,
Что пришла беда неминучая.
Сделал дрюгожды почестен пир
Для того для старого казáка Ильи Муромца.
Тут они думу думают,
Кого послать Илью позвать,
Старого казáка Илью Муромца.
Тут-то они думу думали,
Послали-то Добрыню Никитича:
Они были братица крестовые,
У них крестами побрátалось,
Кладена была заповедь великая,
Подписи были подписаны:
Слушать бóльшему брату мéньшего,
А мéньшему брату бóльшего.]
Приходит Добрыня Никитинич:
„Ай же, братец крестовый нáзванный,
Старый казак Илья Муромец!
У нас кладена заповедь великая,
У нас пóдписи были подписаны:
Слушать бóльшему брату мéньшего,
А мéньшему брату бóльшего,
А дружка за дружку обём стоять“.
Тут Ильюша воспроизóворит:
„Ай же, братец крестовый нáзванный,

Молодой Добрынюшка Никитинич!
Кабы не ты, никого бы не послушал!
Не пошел бы на почестен пир,
А нельзя закон переступить“.
Тут они сокрутились,
Тут они снаряжались,
Пришли тут ко князю ко Владимиру,
Во тую во грядню во столовую,
Тут дают Илье место не меньшее,
Давают Илье место большее,
Сажают мблнца в большб-угбл,
Да несли ему чару зеленá вина,
Другую рядили к ему меду пьяного.
Говорит Илья таковб словб:
„Ай же ты, Владимир стольно-киевский!
Знал кого послать меня позвать!
Кабы не братец крестовый названный,
Никого я не послухал бы,
А было намерение наряжено:
Натянуть тугой лук разрывчатый,
А класть стрелочку калёную,
Стрелить во грядню во столовую,
Убить тебя, князя Владимира,
Со стольною княгиней с Опрáксией.
А поне тебя бог простит
За этую за вину за великую!“

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

матушка Добрынюшке говаривала,
Матушка Никитичу наказывала:

„Ах ты, душенька Добрыня, сын Никитинич!
Ты не ездитко на гору Сорочинскую,
Не топчи-тко там ты малых змеёнышов,
Не выручай же полону там русского,
Не куплись-ко ты во матушке Пучай-реке;

Тая река свиряца,

Свиряца река, сама сердитая:

Из-за первая же струйки как огонь сечет,

Из-за друго́ей же струйки искра сыплется,

Из-за третьей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит да сам со пламенью.
Молодой Добрыня, сын Никитинич,
Он не слушал да родители тут матушки,
Честной вдовы Офимьи Александровны,
Ездил он на гору Сорочинскую,
Тобитал он тут малых змеёнышков,
Выручал тут полону да русского.
Тут купался да Добрыня во Пучай-реке,
Сам же тут Добрыня испроговорил:
„Матушка Добрынюшке говаривала,
Родная Никитичу наказывала:
Ты не ездитко на гору Сорочинскую,
Не топчитко там ты малых змеёнышков,
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реке,
Тая река свирепая,
Свирепая река да е сердитая:
Из-за первая же струйки как огонь сечет,
Из-за другой же струйки искра сыплется,
Из-за третьей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит да сам со пламенью.
Эта матушка Пучай-река,
Как ложинушка дождёвая“.

Змея. { Не поспел тут же Добрыня словцо молвити, —
Из-за первая же струйки как огонь сечет,
Из-за другой же струйки искра сыплется,
Из-за третьей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит да сам со пламенью.
Выходит тут змея было проклятая
О двенадцати змея было о хоботах:
„Ах ты, молодой Добрыня, сын Никитинич!
Захочу — я нын Добрынюшку целю сожру,
Захочу — Добрыню в хоботу возьму,
Захочу — Добрынюшку в полон снесу“.
Испроговорит Добрыня, сын Никитинич:
„Ай же ты змея было проклятая!
Ты поспела бы Добрынюшку да захватить,

В ту пору Добрынюшкой похвастати,
А нунычу Добрыня не в твоих руках“.
Нырнет тут Добрынюшка у бережка,
Вынырнул Добрынюшка на другом,
Нету у Добрыни ко́ня доброго,
Нету у Добрыни ко́пья вострого,
Нечем тут Добрынюшке поправиться,
Сам же тут Добрыня приужахнется,
Сам Добрыня испроговорит:

„Видно нонечу Добрынюшке кончинушка!“
Лежит тут колпак да земли греческой,
А весу-то колпак будет трех пудов.
Ударил он змею было по хоботам,
Отшиб змее двенадцать тех же хоботов,
Сбился на змею да он с коленками,
Выхватил пожицо да кинжалицо,
Хоче он змею было порбспластать.
Змея ему да тут смолилася:

„Ах ты, душенька Добрыня, сын Никитинич!
Будь-ка ты, Добрынюшка, да ббльший брат,
Я тебе да сестра мёньшая.
Сделаем мы же заповедь великую:
Тебе-ка-ва не ездить нынь на гору Сорочинскую,
Не топтать же zde-ка маленьких змеёнышков,
Не вырúчать пблону да русского;
А я тебе сестра да буду мёньшая,
Мне-ка не летать да на святую Русь,
А не братъ же больше пблону да русского,
Не носить же мне народу христианского“.
Отслабил он колен да богатырских.
Змея была да тут лукавая,
С-под колен да тут змея свернулася,
Улетела тут змея да во кувьшь-траву,
И мблодой Добрыня, сын Никитинич,
Пошел же он ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру,
К своей тут к родители ко матушке,

К честной вдове Офимье Александровне.

И сам Добрыня порасплакался:

„Как нету у Добрыни кónя доброго,

Как нету у Добрыни кónья вострого,

Не на ком поехать нынь Добрыне во чистó полé!“

Испроговорит Владимир стольнѣ-киевской:

„Как солнышко у нас идет на вечере,

Почестный пир идет у нас на веселе,

А мне-ка-ва Владимиру не вésело.

Одна у меня любимая племянничка,

И мóлода Забава, дочь Потя́тична;

Летела тут змея у нас проклятая,

Летела же змея да через Киев-град;

Ходила нунь Забава, дочь Потя́тична,

Она с мамками да с няньками

В зеленóm саду гулятися.

Подпадала тут змея было проклятая

Ко той матушке да ко сырой землѣ,

Ухватила тут Забаву, дочь Потя́тичну,

В зеленóm саду да ю¹ гуляючи,

Во свои было во хобота змеинны,

Унесла она в пещерушку змеиную“.

Сидят же тут два русских могучиих богатыря:

Сидит же тут Алёшенька Левонтьевич,

Во дрúгих Добрыня, сын Никитинич.

Испроговорит Владимир стольнѣ-киевской:

„Вы русские могучи богатыри,

Ай же ты, Алёшенька Левонтьевич!

Можь ли ты достать у нас Забаву, дочь Потя́тичну,

Из той было пещеры из змеиную?“

Испроговорит Алёшенька Левонтьевич:

„Ах ты, солнышко Владимир стольнѣ-киевской!

Я слышал было на сем светѣ,

Я слышал же от Добрынюшки Никитича:

Добрынюшка змес было крестовый брат,

¹ Т. е. ее.

Отдаст же тут змея проклятая
 Молоду Добрынюшке Никитичу
 Без бою, без драки-кроволития
 Тую же нунь Забаву, дочь Потятичну“.
 Испроговорит Владимир стольнѣ-киевской:
 „Ах ты, душенька Добрыня, сын Никитинич!
 Ты достань-ко нунь Забаву, дочь Потятичну,
 Да из той было пещерушки змеиные.
 Не достанешь ты Забавы, дочь Потятичны,
 Прикажу тебе, Добрыня, голову рубить“.
 Повесил тут Добрыня буйну голову,
 Утопил же очи ясны
 А во тот ли во кирпичен мост.
 Ничего ему Добрыня не ответствует,
 Ставает тут Добрыня на резвы ноги,
 Отдает ему великое почтение
 Ему нунь за весело пиrowание
 И пошел же ко родители ко матушке
 И к честной вдове Офимье Александровне.
 Тут стретает его да родитель матушка,
 Сама же тут Добрыне испроговорит:
 „Что же ты, роженое, не весело,
 Буйну голову, роженое, повесило?
 Ах ты, молодой Добрыня, сын Никитинич!
 Али ествы-ты были не по уму?
 Али питьица-ты были не по разуму?
 Аль дурак-тот над тобою надсмеялся ли?
 Али пьяница ли там тебя приоббозвал?
 Али чарою тебя да там приоббнесли?“
 Говорил же тут Добрыня, сын Никитинич,
 Говорил же он родители тут матушке
 А честной вдове Офимье Александровне:
 „Ай честна вдова Офимья Александровна!
 Ествы-ты же были мне-ка по уму,
 А и питьица-ты были мне по разуму,
 Чарою меня там не приоббнесли,
 А дурак-тот надо мною не смеялся же,

А и пьяница меня да не приобозвал;
А накинул на нас службу да великую
Солнышко Владимир стольнѣ-киевской:
А достать было Забаву, дочь Потятичну
А из той было пещеры из змеиноу;
А нуль нету у Добрыни ко́ня доброго,
А нуль нету у Добрыни ко́пя вострого,
Не с чем мне поехати на гору Сорочинскую
К той было змее нынь ко проклятоу“.

Говорила тут родитель ему матушка
А *ноту* честна вдова Офимья Александровна:

„А рожное моё ты нынь же дитятко,
Молодой Добрынюшка Никитинич!

Богу ты молишь да спать ложись,
Буде утро мудро, мудренее буде вечера,
День у нас же буде там прибыточен.

Ты поди-ко на конюшню на стоялую,
Ты бери коня с конюшенки стоялые;
Батюшков же конь стоит да дедушков,

А стоит Бурко́ пятнадцать лет,
По колен в назём же ноги призарощены,
Дверь по поясу в назём зарощена“.

Приходит тут Добрыня, сын Никитинич
А ко той ли ко конюшенке стоялые,
Повыдернул же дверь он вон из назму,
Конь же ноги из назму да вон выдёргиват,

А берет же тут Добрынюшка Никитинич,
Берет Добрынюшка добра коня
На ту же на узду да на тесмяную,
Выводит из конюшенки стоялые,
Кормил коня пшеною белояровой,
Поил пѣтьями медвяными.

Ложился тут Добрыня на велик одёр.
Ставае он по утрушку ранёхонько,
Умывается он да и белёхонько,
Снаряжается да хорошохонько,
А седлае своего да он добра коня,

Кладывае он же потнички на потнички,
А на потнички он кладе войлочки,
А на войлочки черкальское седёлышко,
И сядилса тут Добрыня на добра коня.
Провожаает тут родитель его матушка
А честна вдова Офимья Александровна;
На поезде ему плёточку нунь подала,
Подала тут плётку шемахинскую
А семи шелков да было разных,
А Добрынюшке она было наказывает:
„Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич!
Вот тебе да плётка шемахинская:
Съедешь ты на гору Сорочинскую,
Станешь тобитать маленьких змеёнышов,
Выручать тут полону да русского;
Да не станет твой же Бурушко поскакивать,
А змеёнышов от ног да прочь отряхивать,—
Ты хлыщи Бурка да нунь промёж ушй,
Ты промёж ушй хлыщи да ты промёж ногй,
Ты промёж ногй да промёж задние,
Сам Бурку да приговаривай:
„Бурушка, ты нунь поскакивай,
А змеёнышов от ног да прочь отряхивай!“
Тут простилася да воротилася.
Видли тут Добрынюшку да сядучи,
А не видли тут удалого поедучи.
Не дорожками поехал, не воротами,
Через ту стену поехал городовую,
Через тую было башню наугольную,
Он на тую гору Сорочинскую;
Стал топитать да маленьких змеёнышов,
Выручать да полону нунь русского.
Подточили тут змеёныши Бурку да щёточки,
А не стал же его Бурушко поскакивать.
На коне же тут Добрыня приужахнется:
„Нунечку Добрынюшке кончинушка!“
Спомнил он наказ да было матушкин,

Сунул он же руку во глубоок карман,
 Выдернул же плётку шемахинскую
 А семи шелков да шемахинских,
 Стал хлыстать Бурка́ да он промѣж ушій,
 Промѣж ушій да он промѣж ногі,
 А промѣж ногі да промѣж задние,
 Сам Бурку́ да приговариват:
 „Ах ты, Бурушко, да нунь поскакивай,
 А змеёнышов от ног да прочь отряхивай!“
 Стал же его Бурушко поскакивать
 А змеёнышов от ног да прочь отряхивать,
 Притоптал же всех он маленьких змеёнышков,
 Выручал да плону он русского.
 И выходит тут змея было проклятая
 Да из той было пещеры из змеиною
 И сама же тут Добрыне испроговорит:
 „Ах ты, душенька Добрынюшка Никитинич!
 Ты порушил свою заповедь великую,
 Ты приехал нунь на гору Сорочинскую
 А топтать же мѡих маленьких змеёнышов“.
 Говорит же тут Добрынюшка Никитинич:
 „Ай же ты, змея проклятая!
 Я ли нунь порушил свою заповедь,
 Али ты, змея проклятая, порушила?
 Ты зачем летела через Киев-град,
 Унесла у нас Забаву, дочь Потятичну?
 Ты отдай-ка мне Забаву, дочь Потятичну,
 Без бою, без драки-кроволития“.
 Не отдавала она без бою, без драки-кроволития.
 Заводила она бой, драку великую
 Да большое тут с Добрыней кроволитие.
 Бился тут Добрыня со змеей трой сутки,
 А не може он побить змеи проклятые.
 Наконец, хотел Добрынюшка отъехать,—
 Из небес же тут Добрынюшке да глас гласит:
 „Ах ты, мѡлодой Добрыня, сын Никитинич!
 Бился со змеей ты да трой сутки,

А побейся-ко с змеей да еще три часу́".
Тут побился он Добрыня еще три часу́,
А побил змею да он проклятую.
Попустила кровь свою змеиную,
От востока кровь она да вниз до запада,
А не при́жре матушка да тут сыра земля
Этой крови да змеиные,
А стоит же тут Добрыня во крови́ трой
сутки́,

На коне сидит Добрыня — приужа́хнется,
Хочет тут Добрыня прочь отъехати,
З-за небéсей Добрыне снова глас гласит:
„Ай ты, мóлодой Добрыня, сын Никитинич!
Бей-ко ты копьём да бурзамецкиим
Да во ту же матушку сыру́ землю́,
Сам к земле да приговаривай".
Стал же бить да во сыру́ землю́,
Сам к земле да приговаривать:
„Расступись-ко ты же, матушка сыра земля!
На четыре на все стороны,
Ты прижри-ко эту кровь да всю змеиную!"
Расступилась было матушка сыра земля
На все на четыре да на стóроны,
Прижралá да кровь в себя змеиную.
Опускается Добрынюшка с добра́ коня
И пошел же по пещерам по змеиным,
Из тьи же из пещеры из змеиные
Стал же выводить да пóлону он русского,
Много вывел он было князей-князевичев,
Много королей да королевичев,
Много он девиц да королевичных,
Много нунь девиц да и князевичных
А из той было пещеры из змеиные,
А не може он найти Забавы, дочь Потя́тичны;
Много он прошел пещер змеиных,
И заходит он в пещеру во последнюю,
Он нашел же там Забаву, дочь Потя́тичну

В той последние пещере во змеиные.
А выводит он Забаву, дочь Потятичну
А из той было пещерушки змеиные,
Да выводит он Забавушку на белый свет.
Говорит же королям да королевичам,
Говорит князьям да он князевичам
И девицам королевичным,
И девицам он да нунь князевичным:
„Кто откуль вы да унесены,
Всяк ступайте в свою сторону,
А собирайтесь все да по своим местам,
И не троне вас змея боле проклятая.
А убита е змея да та проклятая,
А пропущена да кровь она змеиная
От востока кровь да вниз до запада,
Не унесет нунь боле полону да русского
И народу христианского.
А убита е змея да у Добрынюшки
И прикончена да жизнь нуньчу змеиная.“
А сядил ся тут Добрыня на добра коня,
Брал же он Забаву, дочь Потятичну,
А сядил же он Забаву на право стегло,
А поехал тут Добрыня по чисту полю.
Испроговорит Забава, дочь Потятична:
„За твою было великую за выслугу
Назвала тебя бы я нунь батюшкой,—
И назвать тебя, Добрыня, нуньчу не можно!
За твою великую за выслугу
Я бы назвала нунь братцем да родимым,—
А назвать тебя, Добрыня, нуньчу не можно!
За твою великую за выслугу
Я бы назвала нунь другом да любимым.
В нас же вы, Добрынюшка, не влюбитесь!“
Говорит же тут Добрыня, сын Никитинич,
Молодой Забаве дочь Потятичной:
„Ах ты, мблода Забава, дочь Потятична,
Вы есть нуньчу роду княженецкого,

Я естъ роду христьянскаго ¹,
Нас нельзя назвать же другом да любимым".
А везет же он, Добрыня, по чисту полю,
Он наехал во чистом поли да ископытъ,
Ископытъ да лошадиною,
А как ступьями земля да проворбчена.
Тут поехал нунь Добрыня, сын Никитинич,
Той же ископытью лошадиною,
Он увидел тут Алёшеньку Левонтьева:
„Ай же ты, Алёшенька Левонтьевич!
Ты прими от нас Забаву, дочь Потытичну,
Вез же я Забаву да во честности,
Да от нас прими, Алёшенька, во честности,
Не стыди-тко ей да личка белого.
Ты пристыдишь ей да личко белое,
Мне-ка-ва она да тут пожалится,
Я те завтра тут, Алёшка, голову срублю!
А свежи-ко ты к Владимиру во честности,
К солнышку ко князю стольнё-киевску“.

¹ Т. е. крестьянскаго.

ДОБРЫНЯ - СВАТ

стольном городе во Кieve,
У ласкова князя у Владимира
Было пированьице почестен пир
На многих на князей, на бъяров,
На могучиих на богатырей,
На всех купцов на торговых,
На всех мужиков деревенских.

Красное солнышко на вѣчере,
Почестен пир идет на вѣселе.
Испроговорит Владимир стольно-киевской:
„А вы все, князи-бъяра,

Все могучии богатыри,
Все купцы торговьи,
Все мужики деревенскии!
Все на пиру пожѣнены,
Один я князь не женатый есть.
Знаете ль вы про меня княгиню супротивную,
Чтобы ростом была высокая,
Станом она становитая,
И на лицо она красовитая,
Походка у ней частá и речь баскá,
Было б мне князю с кем жить да быть,
Дума думати, долгие веки корóтати,
И всем вам князьям, всем бьярам,
Всем могучиим богатырям,
Всем купцам торговьиим,
Всем мужикам деревенскиим,
И всему красному городу Киеву
Было бы кому поклониться?“
Все на пиру позамолкнули,
И ни от кого на пиру ответа нет.
Один удалый добрый мблodeц,
Из по имени Дунаюшка Иванович,
Выходил з-за столика дубового,
Очень он пьян — не шатается,
Говорит речи — не смешается,
Низки поклоны поклоняется:
„Князь Владимир стольчо-киевской!
Я знаю про то ведаю
Про тебя княгиню супротивную:
Во той во земле в хоробрóй Литве,
У того королевского величества
Есть две дочери великие,
Обе дочери на выдáваньи:
Бóльшая дочь Настасья королевична,
Тая дочь все полякует;
А мѣньшая дочь все при доме живет,
Тая есть Опрáкса королевична:

Она ростом высокая,
Станом она становитая,
И лицом она красовитая,
Походка у ней часта и речь баска;
Будет тебе князю с кем жить да быть,
Дума думати, долгие веки коротати,
И всем князьям и всем боярам,
Всем могучим богатырям,
Всем купцам торговым,
Всем мужикам деревенским,
И всему красному городу Киеву
Будет кому поклоняться“.
Этые речи слюбилися;
Скажет князь Владимир стольно-киевской:
„Ай же ты, Дунаюшка Иванович!
Возьми ты у меня силы сорок тысячей,
Возьми казны десять тысячей,
И поезжай во тую землю в хоробру Литву,
И добрым словом посватайся:
Буде в честь не дают, так ты силою возьми,
А столько привези Опраксу королевичну“.
Проговорит Дунаюшка Иванович:
„Солнышко ты, Владимир стольно-киевской!
Не надо-ка-ва силы сорок тысячей,
Не надо казны десять тысячей,
Дай-ка ты мне любимого товарища,
Любимого товарища, Добрыню Никитича“.
Испроговорит князь Владимир стольно-киевской:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитич!
Пожалуй ты к Дунаюшке в товарищи“.
Скоро Добрынюшка понакнулся.
И скоро они выедут со города со Киева,
Скоро сядились на добрых коней;
Видли добрых молодцев сядучись,
Не видли добрых молодцев едучись;
Быдто ясные соколы поурхнули,
Так добрые молодцы повыехали,]

И скоро будут в той земле, в хоробрóй Литве,
У того королевского величества,
На тот двор на королевский,
Противу самых окошечек,
И скоро сходили со добрых коней.
Проговорит Дунаюшка Иванович:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитинич!
Стой ты у коней, коней паси,
А поглядывай на рынду королевскую,
На палату княженецкую;
Каково мне-ка будет, так тебя позову;
А каково бы время, так приехать бы“.
А приходит к королевскому величеству,
Знает он порядню королевскую:
Не надо креститься, молитвиться,
Бьет челом, поклоняется:
„Здравствуй, батюшка король хоробрóй Литвы!“
А оглянется король хоробрóй Литвы:
„Прежняя ты слуга, слуга верная!
Жил ты у меня три годú,
Первый год жил ты во конюхах,
А другой год ты жил во чашниках,
А третий год жил ты во стольниках,
Верой служил, верой-правдою:
За твои услуги молодецкие
Посажу тебя за бóльший стол,
За бóльший стол, в большó место;
Ешь, мóлодец, досыта
И пей, мóлодец, до-люби“.
И посадил его за бóльший стол, в большó место,
Стал его король выспрашивать:
„Скажи, скажи, Дунай, не утай себя,
Куды ты поехал, куды путь держишь?
Нас ли посмотреть, али себя показать,
А у нас ли пожить, а еще послужить?“
„Батюшка, король хоробрóй Литвы!
А поехал я за добрым делóm,

Засвататься на твоей дочери на Опраксии“.
Этхи речи ему не слюбилися:
„Ай же ты, Дунай, сын Иванович!
Не за свое дело взялся — за бездельнице:
Меньшую дочь ты просватывашь,
А ббольшую дочь чем засадила?
Ай же вы, татаровья могучии!
Возьмите Дуная за белы руки,
А сведите Дуная во глубк погрб,
Заприте ршетками железными,
Задвиньте дбсками дубовыми,
Засыпьте песками рудожелтыми;
Пусть-ка Дунай во Литве погостит,
Во Литве погостит, в погрбú посидит;
А может Дунай догадается“.
Выставал Дунай на резвы ногй
И здымал рученьки выше своей буйной гбловы,
И опирается на рученьки о дубовый стол:
Столы дубовые раскрятáлися,
Пйтья на столах проливалýся,
Вся посуда рассыпалася,
Все татаровья испужалися.
Скоро прибежали слуги верные
Со того двора с королевского:
„Ай же ты, батюшка, король хоробрóй Литвы!
Ешь ты, пьешь, утешаешься,
Над собой невзгодушки не ведаешь:
На дворе детина не зная-собой,
Во левой руке два повода добрых коней,
А во правой руке дубина сарацинская,
Как быв ясный сокол попурхивает,
Так тот добрый молодец поскакивает,
На все стороны дубиною размахивает,
И убил татар до единого,
Не оставит татар на семена“.
Тут король догадается,
Прогбворит король хоробрóй Литвы:

„Ай же Дунаюшка Иванович!
Напомни ты старую хлеб да соль,
Оставь татар хоть на семена!
Отдам свою дочь королевичну
За вашего князя за Владимира“.
Скоро они сажались на добрых коней,
Скоро поехали с того двора королевского
С молодой Опраксой королевичной.
И во тые пути во дороженьки
Сустигала их ночка темная;
Раздернули палатку полотняную,
И тут добры молодцы и спать легли;
Во ноженки поставили добрых коней,
А в головы востры копыя,
А по праву руку сабли вострые,
А по левую кинжалища булатные,
И спят добры молодцы, высыпаются,
Темную ночь коротаючись;
Ничего добры молодцы не видели,
Хоть не видели они, столько слышали,
Как ехал татарин на чисто поле.
Повставали поутру ранешенько
И выходили на путь на дороженьку:
Едет татарин в погону в след,
Добрый конь в дорожку до щёточки прогрязывает,
Камешки с дорожки вывёртывает,
За два выстрела камешки вымётывает.
Поехал Добрынюшка Никитинич
С Опраксой королевичной ко городу ко Киеву.
Поехал Дунаюшка Иванович,
По этой по лошадиной по йсконьти
За тым татариним в погону в след.
Где было татарина так доезжать,
Где было татарина копьём торыкать,
Так с татариним промолвился:
„Стой ты, татарин, во чистом поле,
Рыкни, татарин, по-звериному,

Поляница Удала

Поляница удала.
С рисунка И. Е. Репина (1901 г.)

Свистни, татарин, по-змеиному!“
Рыкнул татарин по-звериному,
Свистнул татарин по-змеиному:
Темные леса распадались,
В чистом поле камешки раскатывались,
Травонька в чистом поле повянула,
Цветочки на землю повысыпались,
Упал Дунаюшка с добра коня,
Скоро Дунаюшка ставал на резвы ноги
И спиб татарина с добра коня:
„Скажи ты, татарин, не утай собою:
Чьего ты, татарин, роду, чьего племени?“
Говорил татарин таковы слова:
„Ай же Дунай, сын Иванович!
Как быв был я на твоих грудях,
Не спрашивал ни рѣдины, ни дѣдины,
А пластал бы твои груди белые“.
Садился Дунаюшка на белы груди,
Как раскинул плащи татарские,
Хочет пластать груди белые,
А видит по перькам, что женский пол.
У его сердечушко ужáхнулось,
А рука в плече застоялася.
„Что же ты, Дунаюшка, не опознал?
А мы в одной дороженьке не еживали,
В одной беседушке не сживали,
С одной чарушки не кушивали?
А ты жил у нас ровно три годá:
Первый год жил ты во кобюхах,
А дрúгой год ты жил во чашниках,
А третий год жил во стольниках“.
— „Ай же ты, Настасья королевична!
Поедем мы скоро ко городу ко Киеву,
И примем мы чудны кресты, золоты венцы“.
Приехали ко городу ко Киеву
Ко той ко церкви соборные;
Меньша сестрица венчается,

Больша сестрица к венцу пришла.
Пир у них пошел ровно по три дни;
На пиру Дунаюшка расхвастался:
„Во всем городе во Киеве
Нет такого молодца на Дуная Ивановича:
Сам себя женил, а друга подарил“.
Ответ держит Настасья королевична:
„Ай же ты, Дунай Иванович!
Не пустым ли ты, Дунаюшка, расхвастался?
А и не долго в городе побыла,
А много в городе признала:
Нет такого молодца на щапленнице,
На щапленнице — Добрыни Никитича,
А нет на смелость Алеши Поповича,
А на выстрел нет Настасьи королевичны:
А стреляла я стрелочку каленую,
Попадала стрелкой в ножечной острей,
Рассекла стрелочку на две половиночки,
Обе половинки равны пришли,
На взгляд ровнаки и весом равны“.
И тут Дунаюшке ко стыду пришло,
Скажет Дунаюшка Иванович:
„Ай же ты, Настасья королевична!
Поедем, Настасьюшка, в чисто поле,
Стрелять стрелочки каленые“.
И выехали во чисто поле:
И стреляла она стрелочку каленую,
И попадала стрелкой в ножечной острей,
Рассекала стрелочку на две половиночки:
Обе половинки равны пришли,
На взгляд ровнаки и весом равны.
И стрелил Дунаюшка Иванович:
Так раз стрелил, перестрелил,
Другой раз стрелил, не дострелил,
И третий раз стрелил, понасть не мог.
Тут рассердился Дунаюшка Иванович,
Наставил стрелочку каленую

Во Настасьины белы́ груді.
Тут Настасья ему смолилася:
„Ай же ты, Дунаюшка Иванович!
Лучше ты мне-ка-ва пригрози три грозы,
А не стреляй стрелочки калёные;
Первую грозу мне-ка пригрози:
Возьми ты плеточку шелкóвую,
Омочи плетку в горячú смолу
И бей меня по нагú телú;
И другую грозу мне-ка пригрози,
Возьми меня за волосы за женские,
Привяжи ко стремени седельному,
И гоняй коня по чистú полú;
А третью грозу мне-ка пригрози:
Веди меня во улицу крестовую
И копай по перьки во сырú землú,
И бей меня клинья́ми дубовыми,
И засыпь песками рудожелтыми,
Голодом мори, овсом корми;
А держи меня ровно три месяца,
А дай мне-ка чéрево повéносити,
Дай мне младенца побтродити,
Свои хоть сэмена на свет спустить.
У меня во чéреве младенец есть —
Такого младенца во граде нет:
По колéн ножки-то в сэребре,
По локóть ручки-то в золоте,
По косицам частые звездочки,
А в темí печёт красно солнышко!“
На эти он речи не взираючись,
И спускает стрелочку калёную,
Во Настасьины белы́ груді;
Пала Настасья на головушку;
Пластал он ей груді белы́,
Вынимал сердце со печенью;
У нее во чéреве младенец есть —
Такого младенца во граде нет:

По колён ножки-то в серебре,
По локоть руки-то в золоте,
По косицам частые звездочки,
А в темі печёт красно солнышко.
Тут сам он на свои руки посёгнулся.
Где пала Дунаева головушка,—
Протекала речка Дунай-река,
А где пала Настасьина головушка,—
Протекала речка Настасья-река.

ДОБРЫНЯ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ

ласкова князя Владимира,
У солнышка у Сеславьича
Было столованье почётный пир
На многих князей-бояров
И на всю полёницу на удаюю,
И на всю дружину на храбую.
Он всех поит и всех чествует,

Он всем князь поклоняется.
И в полу́пире бояре напивались,
И в полукушаньях наедались.

Князь по гриднице похаживат,
Белыми руками помахиват,
И могучими плечами поворачиват,
И сам говорит таковы слова:
„Ой вы гой еси, мои князья и бояры,
Ой ты вся поленица удалая
И вся моя дружина храбрая!
Кто бы послужил мне князю верой-правдою,
Верой-правдою неизменною?
Кто бы съездил в землю дальнюю,
В землю дальнюю Полонѣцкую
К царю Батѹру ко Батвѣсову?
Кто бы сvez ему дани-пошлины
За те годы за прошлые,
И за те времена за двенадцать лет?
Кто бы сvez сорок телег красна золота?
Кто бы сvez сорок телег чиста сѣребра?
Кто бы сvez сорок телег скатна жемчуга?
Кто бы сvez сорок сороков ясных соколов?
Кто бы сvez сорок сороков черных соболей?
Кто бы сvez сорок сороков черных выжыльков?
Кто бы сvez сорок сивых жеребцов?“
Тут большій за меньшого хоронится,
Ни от большого, ни от меньшого ответа нет;
Из того только из места из среднего
И со той скамеечки белоудубовой
Выступал удалой добрый молодец
На свои на ноженьки на резвые,
На те ли на сапожки зелен сафьян,
На те ли каблучки на серебряны,
На те ли гвоздочки золочены,
По имени Василий сын Казимерской.
Отошедши Василий поклоняется,
Говорит он таковы слова:
„Ой ты гой еси, наш батюшко Владимир князь!
Послужу я тебе верой-правдою,
По за очи — в очи не изменю;

Я-де съезжу в землю дальнюю,
В дальнюю землю Полонѣцкую,
Ко тому царю Батѹру ко Батвѣсову;
Я свезу твои дани-пошлины
За те годы, годы прошлые,
За те времена за двенадцать лѣт.
Я свезу твое золото и сѣребро,
Я свезу твой скѣтный жемчуг,
Свезу сорок сороковъ ясныхъ сѣколовъ,
Свезу сорок сороковъ черныхъ сѣболей,
Свезу сорок сороковъ черныхъ вѣжлыковъ,
Я сведу сорок сивыхъ жѣребцовъ“.
Тут Василий закручинился
И повесил свою буйну голову,
И потушил Василий очи ясные
Во батюшко во кирпицѣт пол.
Надевал он черну шляпу, вон пошел
Из того из терема высокаго.
Выходит он на улицу на широкую,
Идет по улице по широкой;
Навстрѣчу ему удалой добрый мѣлодец,
По имени Добрыня Никитич млад.
Пуховѹ шляпу снимал, низко кланялся:
„Здравствуешь, удалой добрый мѣлодец,
По имени Василий, сын Казимѣрской!
Что идешь ты с пиру невеселыи?
Не дошло тебе от князя место доброе?
Не дошла ли тебе чара зелена вина?
Или кто тебя, Василий, избесчествовал?
Или ты захвѣстался куда ехати?“
И тут Василий ровно бык прошел.
Забегат Добрынюшка во второй раз,
Пуховѹ шляпу снимал, низко кланялся:
„Здравствуешь, удалой добрый мѣлодец,
Ты по имени Василий, сын Казимѣрской!
Что идешь ты с пиру невеселыи,
И невесел идешь ты, нерадошен?“

Не дошло ль те, Василий, место доброе?
Не дошла ль от князя чара зеленá вина?
Али ты захвастался, Василий, куда ехати?“
И тут Василий ровно бык прошел.
Забегат Добрынюшка в третий-де раз,
Пуховú шляпу снимат, низко кланяется:
„Здравствуешь, уда́лой добрый мóлодец,
По имени Василий, сын Казíмерской!
Что ты идешь с пиру невеселыи,
Невесел ты идешь с пиру, нерадошен?
Не дошло ль тебе, Василий, место доброе?
Не дошла ль тебе чара зеленá вина?
Али кто тебя, Василий, избесчествовал?
Али ты захвастался куда ехати?
Я не выдам тебя у дела ратного,
И у того часу скоро-смертного!“
И тут Василий возрадуется:
Схватил Добрыню он в берéмячко,
Прижимат Добрынюшку к сердечушку
И сам говорит таковы слова:
„Гой еси, уда́лой добрый мб́лодец,
По имени Добрыня Никитич млад!
Ты, Добрыня, будь бóльший мне брат,
А я, Василий, буду мéньший брат:
Я у ласкова князя Владимира
На беседе на почéстные,
На почéстные, на большом пиру,
Я захвастался от князя съездити
Во ту во землю во дальнюю
Ко царю Бату́ру ко Батвёсову,
Свезти ему дани-выходы
За те годы за двенадцать лет:
Свезти туда злато, сéребро,
Свезти туда скáтный жемчуг,
Свезти сорок сорокóв ясных сóколов,
Свезти сорок сорокóв черных сóболей,
Свезти сорок сорокóв черных вéжлыков,

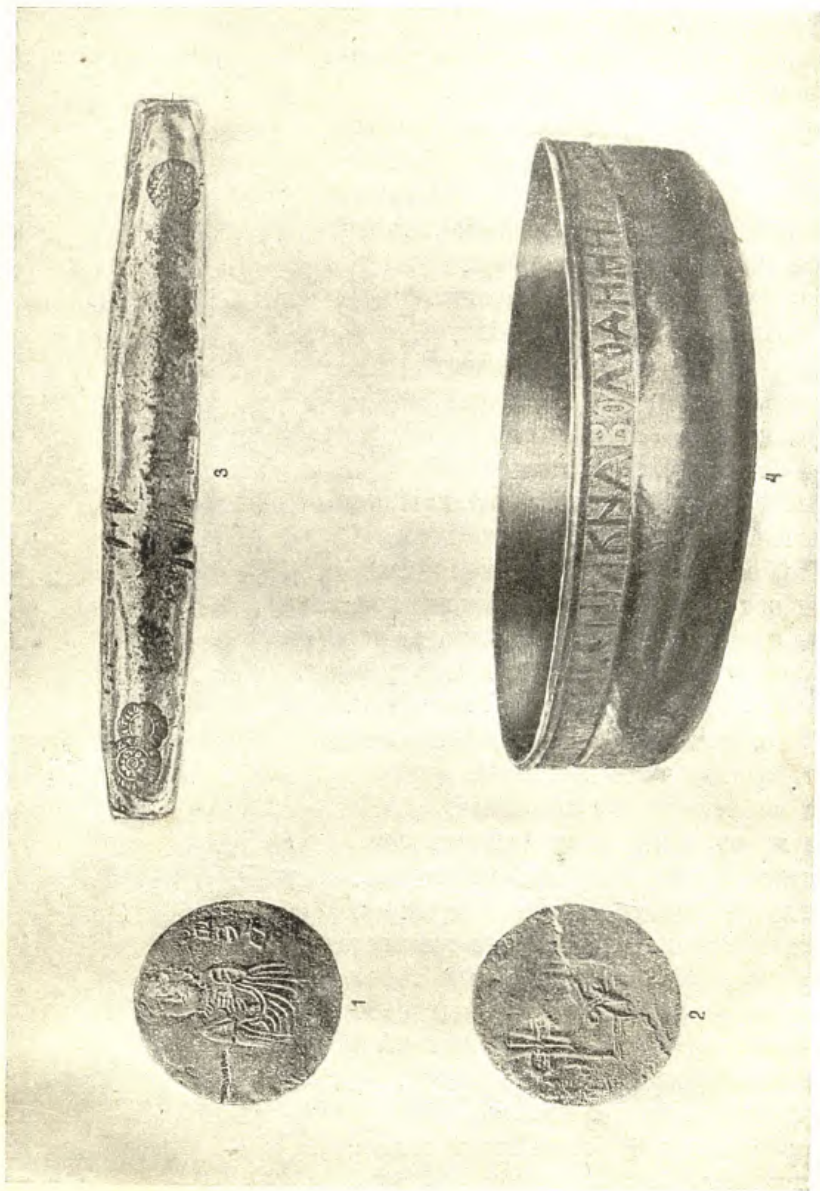
Свести сорок сивых жеребцов“.
И проговорит Добрыня Никитич млад:
„Не возьмем везти от князя от Владимира,
Не возьмем от него дани-пошлины:
Мы попросим от собаки Батура Батвесо́ва,
Мы попросим от него дани-пошлины“.
И тут молодцы побра́тались,
Воротились назад ко князю Владимиру,
Идут они в палаты белокаменны;
Крест кладут по-писа́ному,
Поклон ведут по-учёному,
Поклоняются на все стороны:
„Здравствуешь, Владимир князь,
И со душечкой со княгиней!“
Князьям, боярам на особицу.
И проговорит ласковый Владимир князь:
„Добро пожаловать, уда́лы добры мло́дцы,
Ты, Василий, сын Казімерской,
С Добрынюшкой со Никитичем!
За один бы стол хлеб-соль кушати!“
Наливает князь чары зелено́ вина,
Не малы чары — в полтора ведра;
Подает уда́лым до́брым мло́дцам.
Принимают мло́дцы единой рукой,
Выпивают чары единым духом;
И садятся на скамеечки дубовые,
Сами говорят таковы слова:
„Гой еси, ласковый Владимир князь!
Не желаем мы везти от тебя дани-пошлины;
Мы желаем взять от Бату́ра от Батвесо́ва,
Привезти от него дани-пошлины .
Ласкову князю Владимиру.
И садись ты, ласковый Владимир князь,
Садись ты за дубовый стол,
И пиши ты ярлыки скорописчаты:
„Дай ты мне, собака, дани-пошлины
За за те за годы прошлые,

И за те времена за двенадцать лет,
И дай ты нам злата-серебра,
И дай ты нам скатна жемчуга,
И дай ты нам ясных соколов,
И дай ты нам черных соболей,
И дай ты нам черных выжлыков,
И дай ты нам сивых жеребцов“.
Подает ласковый Владимир князь
Удалым молодцам ярлыки скорописчаты;
И берет Василий Казимерской
И кладет ярлыки во карманчики;
И встают молодцы на резвы ногі,
Сами говорят таковы слова:
„Благослови нас, ласковый Владимир князь,
Нам съездить в землю Полонѣцкую“.
И выходили молодцы на краснѣ крыльцо,
Засвистали молодцы по-соловьиному,
Заревели молодцы по-звериному,
Как из далеча, далеча, из чиста поля
Два коня бегут, да два могучие
Со всей сбруею богатырскою.
Брали молодцы коней за шелков повѣд
И вставали в стремѣнышки гольяшные
И сажались в седѣлышки черкасские.
Только от князя и видели,
Как удалы молодцы сажались,
Не видали, куда уехали:
Первый скок нашли за три версты,
Другой скок нашли за двенадцать верст,
Третий скок не могли найти.
Подбегают они в землю дальнюю,
В землю дальнюю, Полонѣцкую,
Ко тому царю Батуру ко Батвѣсову,
Ко тому ко терему высокому.
Становилися на улицу на широкую,
Скоро скакивали со добрых коней;
Ни к чему коней не привязывали,

Никому ко́ней не приказывали,
Не спрашивали они у ворот приворо́тников,
Не спрашивали они у дверей придвѣрников,
Отворяли они двери на́ пяту,
Заходили в палату белокаменну;
Богу мѳлодцы не молятся,
Собаке Бату́ру не кланяются,
Сами говорят таковы слова:
„Здравствуешь, собака, царь Батур!
Привезли мы тебе дани-пошлины
От ласкова князя Владимира“.
И вынимат Василий Казімерской,
Вынимат ярлыки скорописчаты
Из того карману шелко́вого
И кладет на дубовый стол:
„Получай, собака, дани-пошлины
От ласкова князя Владимира“.
Распечатывал собака Батур Батвесов,
Распечатывал ярлыки скорописчаты,
А сам говорил таковы слова:
„Гой еси, Василий, сын Казімерской,
Отсель тебе не уехати!“
Отвечат Василий, сын Казімерской:
„Я надеюсь на мати чудную, пресвятую богородицу,
Надеюсь на родимого на брѳтелка,
На́ того ли братца на назва́ного
На Добрыню ли на Никитича“.
Говорит собака Бату́р таковы слова:
„Поиграем-де-ко, дѳбры мѳлодцы, костью, картами!“
Прогѳворит Василий, сын Казімерской:
„Таковы игры я у те не́ знал здесь,
И таковых людей из Киева не брал я“.
И стал Бату́р играть костью, картами.
Со младым Добрынею Никитичем.
Первый раз собака не мог ѳбыграть,
Обыгрѳл Добрыня Никитич млад.
И второй собака не мог ѳбыграть,

Обыграл его Добрыня Никитич млад.
И в третий раз собака не мог обыграть,
Обыграл его Добрыня Никитич млад.
Тут собаке за беду́ сталó,
Говорит Батúr, собака, таковы слова:
„Что отсель тебе, Василий, не уехати!“
Прогóворит Василий, сын Казíмерской:
„Я надеюсь на мати пресвятую богородицу,
Да надеюсь на родимого на брáтелка,
На того на братца назвáного,
На того Добрыню Никитича!“
Говорит собака таковы слова:
„Ой ты гой еси, Василий, сын Казíмерской,
Станем мы стрелять за трí верстý,
За трí верстý пятисотные,
В тот сырой дуб крякóвистый,
Попадать в колечко золочёное.
И прогóворит Василий, сын Казíмерской:
„Я такой стрельбы у тебя не знал
И таковых людей не брал из Киева“.
Выходил собака на краснó крыльцо,
Зычáл, кричал зычным голосом:
„Гой еси вы, слуги мои верные!
Несите мне-ка тóгой лук
И несите каленú стрелу!“
Его тóгой лук несут девять татаринов,
Каленú стрелу несут шесть татаринов.
Берет собака свой тóгой лук,
И берет каленú стрелу:
Натягает собака свой тóгой лук,
И кладет стрелу на тетíвочку;
И стреляет он за трí верстý,
За трí верстý пятисотные.
Первый раз стрелил — не дóстрелил,
Второй раз стрелил — перéстрелил,
Третий раз стрелил — не мог попасть.
И подает свой тóгой лук Добрынюшке,

Добрынюшке Никитичу,
И подает каленú стрелú.
Стал натягивать Добрыня тúгой лук,
И заревел тúгой лук, как лютыé звери.
И переламывал Добрыня тúгой лук надвое
И бросил он тúгой лук о сыру́ землю.
Направлял он каленú стрелú вперед жалом,
И бросал он стрелú за три версты́,
За три версты́ пятисотные,
И попадал в сырой дуб крякóвистый,
В то колечко золóчено.
Разлетался сырой дуб на драночки,
И тут собаке за бедú сталó,
За великую досаду показалось;
Говорит собака такovy слова:
„Ой ты гой еси, Василий, сын Казíмерской,
Что отсель тебе не уехати!“
Прогóворит Василий, сын Казíмерской:
„Я надеюсь на пречистую богородицу,
Да надеюсь на родимого на брáтелка,
Да на того братца названого,
На того Добрыню Никитича!“
Прогóворит собака царь Батúр:
„Да нельзя ли с вами, мóлодцы, поборотися?“
Прогóворит Василий, сын Казíмерской:
„Я такой борьбы, собака, не знаывал,
Таковых людей не брал из Киева“.
И тут собаке за бедú сталó:
Он кричал, зычал собака зычным голосом,
Набежало татар и силы сметы нет.
И выходил Добрыня на улицу на шíроку
И стал он по улице похаживати.
Сохватились за Добрыню три татарина:
Он первого татарина взял рáзорвал,
Другого татарина взял рáстоптал,
А третьего татарина взял за ноги;
Стал он по силе похаживать,

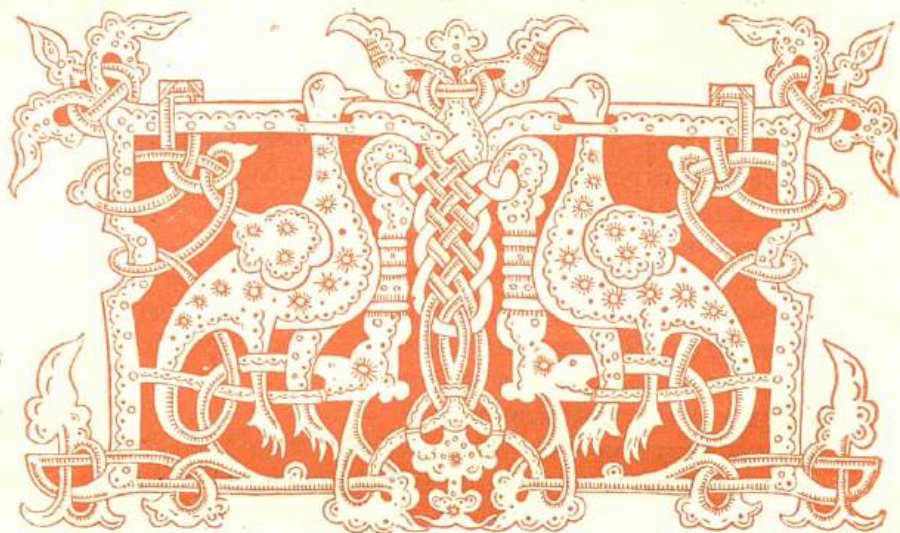

1 и 2. Монета серебряник князя Ярополка Петра Вышегородского (XI в.). 3. Денежный знак —
слиток серебряный с тремя клеймами. 4. Чаша князя Владимира Давыдовича (XII в.).
(Государственный Исторический музей.)

Зачал белыми руками помахивать,
Зачал татар поколачивать:
В одну сторону идет — делат улицу,
Вбок вернет — переулочек.
Стоял Василий на красном крыльце,
Не попало Василью палицы боёвые,
Не попало Василью сабли вострые,
Не попало ему копья мурзамецкого,
Попала ему ось белодубова,
Ось белодубова семи сажень.
Сохватал он ось белодубовую,
Зачал он по силе похаживать
И зачал татар поколачивать.
Тут собака испужается,
По подлавке навалается;
Выбегал собака на красное крыльцо,
Зычал, кричал зычным голосом:
„Гой еси, удамы добры молодцы!
Вы оставьте мне хоть на приплод татар,
Вы оставьте мне татар хоть на племена!“
Тут его голосу молодцы не слушают.
Зычит, кричит собака зычным голосом:
„Я отдам ласкову князю Владимиру,
Отдам ему дани-пошлины
За те за годы за прошлые,
За те времена за двенадцать лет:
Отдам сорок телег красна золота,
Отдам сорок телег чиста серебра,
Отдам сорок телег скатна жемчуга,
Отдам сорок сороков ясных соколов,
Отдам сорок сороков черных соболей,
Отдам сорок сороков черных выжлыков,
Отдам сорок сивых жеребцов“.
Тут его молодцы послушались,
Бросали худой бой о сыру землю;
Идут они ко высокому нову терему.
Выдает им собака дани-пошлины,

Насыпает тележки златокованные,
Отправляет в стольной Киев-град
Ко ласкову князю Владимиру,
И ко солнышку ко Сеславьеву.
Тут сажались добры мѣлодцы на добрых коней,
Ставали в стрѣмѣнышки гольяшныи
И сажались в седѣлышки черкасские.
И поехали мѣлодцы в свою сторону,
Ко ласкову князю Владимиру.
Едут ко высокому нову терему,
Становятся на улицу на широкую,
Воходят во палату белокаменную,
Крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому:
„Здравствуешь, ласковый Владимир князь!“
— „Добро жаловать, удалы добры мѣлодцы!“
Он сажит их на скамейки на дубовые,
Наливает чары зеленѣ вина,
Не малые чары — в полтора ведра,
Подает удалым добрым мѣлодцам.
Принимают добры мѣлодцы единой рукой,
Выпивают добры мѣлодцы единым духом.
На резвы ноги стают, низко кланяются:
„Ой ты гой еси, ласковый Владимир князь,
Привезли мы тебе дани-пошлины
От собаки Батура Батвѣсова.“
Кланяется им ласковый Владимир князь,
Кланяется до сырой земли:
„Спасибо вам, удалы добры мѣлодцы,
Послужили вы мне верой-правдою,
Верой-правдою неизменною!“

ДОБРЫНЯ И АЛЕСА

Добрынюшка-тот матушке говаривал,
А Никитинич-тот рѣдненькой наказывал:
„Ты зачем меня несчастного спорѣдила!
Спорѣдила бы, родитель моя матушка,
Обвертела бы мою да буйну голову,
Обвертела тонким беленьким рукавчиком,
А спустила бы во черное-то море, во турецкое,
Я бы век да там, Добрыня, во морѣ лежал,
Я отныне бы, Добрыня, век да по веку,
Я не ездил бы, Добрыня, по святой Русѣ,
Я не бил бы нунь, Добрыня, бесповинных душ,

Не слезил бы я, Добрыня, отцей-матерей,
Не пускал бы сиротать да малых детушек!“
Отвечала тут родитель ему матушка
А честна вдова Офимья Александровна:
„Я бы рада ты спородити
А таланом-участью да в Илью Муромца,
Силою во Святогора нуль богатыря,
Красотою было в Осипа прекрасного,
Славою было в Вольгú Всеславьева,
Ай богачеством в купца Садка́ богатого,
Ай богатого купца да новгородского,
А смелостью в Олешку во Поповича,
А походкою щалливою
Во того было Чурйлушку Пленковича,
Только вежеством в Добрынюшку Никитича:
Тыи статьи есть да дру́гих бог не дал,
Дру́гих бог тебе не дал да не пожаловал“.
Рассердился тут Добрыня, сын Никитинич,
На родитель свою матушку,
Да скорёшенько Добрынюшка на двор-тот шел,
А седлает тут Добрынюшка добра коня,
Кладывае он же потнички на потнички,
Да на потнички он кладе войлочки,
А на войлочки черкальское седёлышко,
А подтягиват двенадцать ту́гих подпругов,
А тринадцатый для-ради крепости,
Чтобы добрый конь из-под седла не выскочил,
Добра мблодца в чистом поли не выронил.
А у той ли у правыи у стрёмены
Провожала его тут родитель матушка,
А у той было у левые у стрёмени
Провожала-то его да любимá семья,
Молода́ Настасья да Никулична.
А тут честна вдова Офимья Александровна
Тут простилася да воротилася,
А домой пошла, сама заплакала.
А у той было у левые у стрёмени

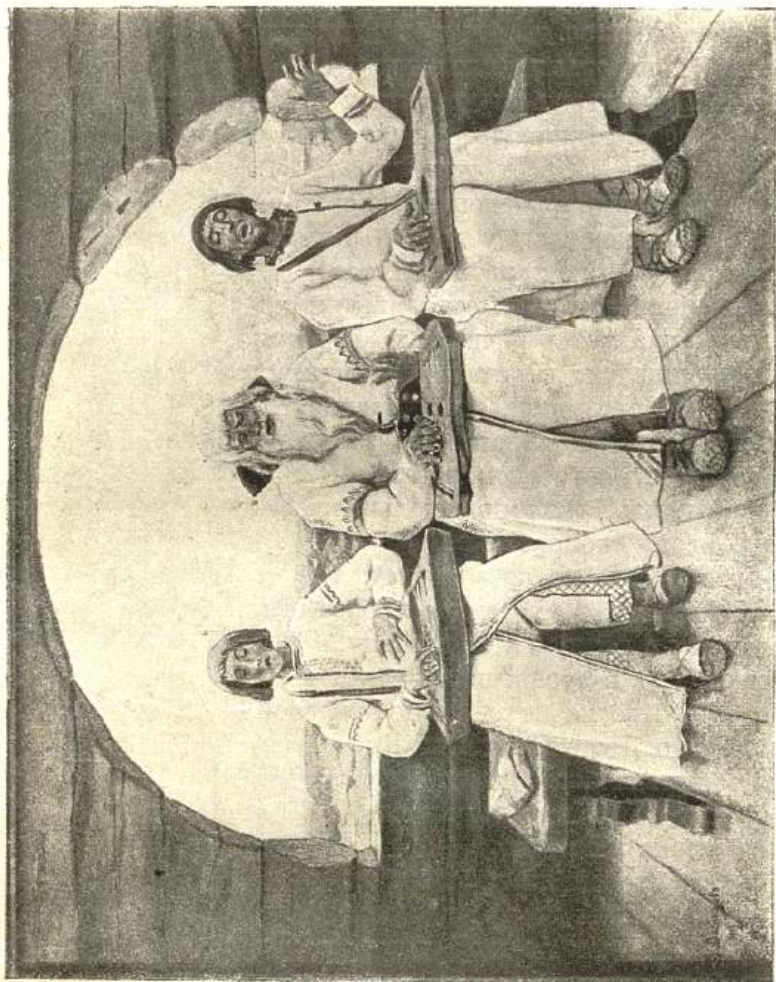
Иде молодá Настасья, дочь Никулична,
Стала у Добрынюшки выспрашивать,
Она стала у Никитича выведывать:
„Ах ты, душенька Добрыня, сын Никитинич!
Ты скажи-тко нунь, Добрыня, сын Никитинич,
А когда же ждать те нуньчу со чистá поля,
А когда ты сожидаться в сво́ю сторону?“
Испрогóворит Добрыня, сын Никитинич:
„Ах ты, мблода Настасья, дочь Никулична!
Как ты стала у Добрынюшки выспрашивать,
Стала у Никитича выведывать,
Я ти стану нунь высказывать:
Жди-тко ты Добрынюшку по трѣ годѣ,
По трѣ годѣ не буду, жди по дрѹго три;
А как прѹйде тому времени да шесть годов,
Я не буду тут Добрыня из чистá поля,
Хоть вдовой живи да хоть замѹж поди,
Пѹди за князя хоть за боярина,
Хоть за русского могучего богáтыря,
Только нѣ ходи за брата за назвáного,
За того было Олѣшеньку Поповича“.
Тут простилася да воротилася,
А домой пошла, сама заплакала.
День-то за день, будто дождь секѣт,
А неделя за неделей, как трава растѣт,
Год-тот за годѹм да как река бежит,
А прошло-то тому времечки да трѣ годѣ,
Не бывал же тут Добрыня из чистá поля.
Стала ждать Добрынюшку по дрѹго три.
День-то за день, будто дождь секѣт,
А неделя за неделей, как трава растѣт,
Год-тот за годѹм да как река бежит,
А пришло-то тому времени да шесть годов,
Не бывал же тут Добрыня из чистá поля.
Приезжает тут Олѣшенька Левонтѣвич,
Он привозит было весточку нерадостну:
„А побит лежит Добрыня во чистѹм полѣ,

А плечá его да испростреляны,
Голова его да испроломана,
Головой лежит да в част ракивов куст“.
А честнá вдова Офимья Александровна,
Она взяла по палатам-то похааживать,
Своим гблоском повааживать:
„А лежит в чистом поли Добрынюшка убитыи“.
Тут стал солнышко Владимир-тот захааживать
А Настасью-ту Никуличну засватывать:
„Поди за князя, хоть за боярина,
Хоть за русского могучего богатыря“.
А побольше тут зовут-то за Олешеньку,
За того было Олешку за Поповича.
Не пошла она ни за князя, ни за боярина,
Ни за русского могучего богатыря,
Ни за смелого Олешку за Поповича:
„Справила я заповедь-то мужнюю,
Справлю свою заповедь-то женскую“.
Стала ждать Добрынюшку по друго шесть.
День-то за день будто дождь секёт,
А неделя за неделей, как трава растёт,
Год-тот за годом да как река бежит.
Прошло тому времечки двенадцать лет,
Не бывал же тут Добрыня из чиста поли.
Приезжает тут Олешенька Левонтьевич,
Приезжает тут Олешка да во другой раз,
А привозит было весточку в другой раз,
Тую весточку привозит да нерадостну:
„А побит лежит Добрыня во чистом поли,
А плечá его да испростреляны,
Голова его да испроломана,
Головой лежит да в част ракивов куст“.
Тут стал солнышко Владимир-тот захааживать
А Настасью-ту Никуличну засватывать:
„Поди хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за русского могучего богатыря“.
А побольше стали звать за Олешеньку,

За того было Олёшеньку Поповича.
Не пошла она ни за князя, ни за боярина,
Ни за русского могучего богатыря,
А пошла замуж за смелого Олёшу за Поповича.
Что ли свадебка у них была по третий день,
А сегодня-то итти да ко божьей церкви.
Ездит тут Добрыня у Царя-града.
Конь-то тут Добрыни подтыкается
А к сырой земле да приклоняется:
„Ах ты волчья сыть, медвежья выть!
Что же ты да нульчу подтыкаешься?
Над собой ли ты невзгодушку-ту ведаешь,
Над собой ли ведаешь, аль надо мной,
Надо мной, Добрынюшкой Никитичем?“
Из небес было Добрынюшке да глас гласит:
„Ах ты молодой Добрыня, сын Никитинич!
А твоя-та любимая семья замуж пошла
А за смелого Олёшку за Поповича,
Свадебка у них было по третий день,
А принять же им с Олёшкой по злату венцу“.
Рассердился тут Добрыня, сын Никитинич,
Как приправил коня доброго
От Царя-града на Киев-град,
Не дорожками поехал, не воротами,
Реки-то, озёра перескакивал,
Широкий раздолья промеж ног пуцал,
А ко Киеву Добрынюшка прискакивал,
А приехал он ко славному ко городу ко Киеву
А ко ласковому князю ко Владимиру.
Через ту стену наехал городовую,
Через тую башню наугольную,
А к тому было подворьницу вдовиному,
А к честной вдове Офимье Александровне,
Со чистой поля наехал он скорым гонцом,
А не спрашивал у дверей он придверничков,
У ворот не спрашивал да приворотничков,
Всех же прочь взашей да и отталкиват,

А бежит тут во палаты белокаменны.
Все придвернички да приворотнички
Велед идут да жалобу творят:
„Ай честна вдова, Офимья Александровна!
Этот-то удалый добрый молодец
Со чиста поля наехал он скорым гонцом,
Ко подворьцу он ехал ко вдовиному,
Он не спрашивал у дверей да придверничков,
У ворот не спрашивал да приворотничков,
Всех же нас тут взашей прочь отталкивал!“
А честна вдова Офимья Александровна
Она взяла по палатам-то похаживать,
Своим женским тут голоском поваживать:
„А прошло-то времени двенадцать лет,
Закатилось у меня да красно солнышко,
Как уехал тут Добрыня, сын Никитинич,
А уехал тут Добрыня далече-далече во чисто поле,
А лежит же тут Добрыня во чистом поли,
А плеча его да испростреляны,
Голова его да испроломана,
Головой лежит да в част ракитов куст!
А как нунечку было теперечку
Закатается да млад светёл месяц!“
Испроговорит Добрыня, сын Никитинич:
„Ай, честна вдова Офимья Александровна!
Мне-ка-ва Добрынюшка крестовый брат,
Мне-ка-ва Добрынюшка наказывал,
(А Добрыня тот поехал ко Царю-градю,
Я-то нунь поехал да ко Киеву)
А не случит ли ти бог же быть во Киеве,
А велел спросить про мблodu Настасью про Никуличну,
Про Добрынину да любиму семью“.
Испроговорит честна вдова Офимья Александровна:
„А как нунечу Добрынина да любима семья,
А как нунечу Настасья да замуж пошла
За того за смелого Олешку за Поповича.
Свадебка у них было по третий день,

А принять же им с Олёшкой по злату венцу“.
Говорит же тут Добрыня, сын Никитинич:
„Мне-ка-ва Добрынюшка крестовый брат,
Мне-ка-ва Добрынюшка наказывал:
Слúчит бог же быть тебе во Києве
У того было подворьица вдовиного,
А велел же взять он платья скоморовескии
В новой горенке да тут на стопочке,
А в глубоких своих во погребях
Взять дубинку сорока пудов,
А на свадьбе меня бы не обидели,
Да велел же взять гусёлышка ярбчаты,
Да во том же во глубоком во погребе“.
А честна вдова Офимья Александровна
Тут скорёшенько бежала в нóву горенку,
Притащила ему платья скоморовескии,
Отмыкала она погребя глубокии,
Подавала тут гусёлышка ярбчаты,
Сам же взял дубинку сорока пудов,
А пошел же скоморошиной на свадьбу.
А приходит скоморошиной на свадьбу
Ай к тому двору да княженецкому,
А не спрашиват у двéрей да придверничков,
У ворот не спрашиват да приворотничков,
Он всех взáшей прочь отталкивал.
Все придвернички да приворотнички
Они вслед идут да жалобу творят:
„Ах ты солинышко Владимир стольнй-киевской!
Этот-то удалый добрый мóлодец
Со чиста поля он давень ехал да скорым гонцом
Ко тому было подворью ко вдовиному,
Там не спрашивал у двéрей да придверничков,
У ворот не спрашивал да приворотничков,
Он всех взáшей прочь отталкивал;
Нунь идет на княженецкий двор,
Нунь идет да скоморошиной,
А не спрашиват у двéрей да придверничков,

Гусляры.
С картины В. М. Васнецова (1885 г.).
(Государственная Третьяковская галерея.)

У ворот нас приворотничков,
Взапей прочь нас всех отталкиват“.
Говорит ему Владимир стольнѣ-киевской:
„Ай же ты, уда́ла скоморошина!
Ты зачем же ехал давень ко подворьицу,
А к тому подворьицу вдови́ному,
Там не спрашивашь ты у дверей придверничков,
У ворот не спрашивашь да приворотничков,
Взапей прочь ты всех отталкивал?
Нунь идешь на княженецкий двор
И не спрашивашь ты у дверей придверничков,
У ворот-то наших приворотничков,
Взапей прочь ты всех отталкивашь?“
Скоморошина тут в речи да не вчуется,
Скоморошина тут к рѣчам да не примется,
Говорит же тут уда́ла скоморошина:
„Ах ты, солнышко Владимир стольнѣ-киевской:
Где-то наше место скоморовское?“
Отвечае князь Владимир стольнѣ-киевской:
„Ваше место скоморовское
Что-ль на печке да на за́печке“.
Скоморошина тут местом не побрѣзговал,
А скочил на печку на муравлену,
Заиграет тут в гусѣлышка ярбвчаты
А на той было на печке на мура́вленной,
А играет-то Добрынюшка во Кіеве,
А на вѣйгрыш берет да во Царі-граді,
А от старого да всех до малого
А повѣи́грал поіменно.
Все же за столом да призадумались,
Все же тут игри да призаслухались,
Все же за столом да испрогб́ворят:
„А не быть же нунь уда́лой скоморошины,
Быть же нунь дородню дб́бру мб́лодцу,
Свято-русскому могучему богатырю!“
Говорил же тут Владимир стольнѣ-киевской:
„Ай же ты уда́ла скоморошина,

А дородний добрый молодец!
Опускайся-ко и с печки да из запечка,
Дам тебе три места три любимых:
Одно место нунь возли меня,
Друго место супротив меня,
Третье место — куда сам захощь“.
Говорит же тут удала скоморошина:
„Ах ты, солнышко Владимир стольнѣ-киевской!
Дай-ко мее-ка место на скамеечке
Супротив было княгинюшки молбды,
Молодой Настасьи да Никуличны“.
Говорит ему Владимир стольнѣ-киевской:
„Ай же ты удала скоморошина!
Дано ти три места, три любимых,
Куда знаешь ты, туды садись,
Что ты здумаешь, так то делай,
Что захочешь, так ты то твори!“
— „А позволь-ко мне, Владимир стольнѣ-киевской,
Налить чару зеленá вина“.
Наливае было чару зеленá вина
А опустит в чару свой злачѣн перстѣнь,
А подносит он Настасье да Никуличне,
Той княгинюшке молбды:
„Ах ты, млода Настасья, дочь Никулична!
Уж ты хошь добра, так нуньчу пьешь до дна,
А не хошь добра, так ты не пьешь до дна“.
Млода Настасья, дочь Никулична,
Взяла она чару единой рукой,
Выпила ту чару единым духом,
Тут увидела в чарѣ свой злачѣн перстѣнь,
Да котрым с Добрыней обручалася,
Сама же она князю поклонилася:
„Ах ты, солнышко Владимир стольнѣ-киевской!
А не тот мой муж, который нунь возли меня,
Тот мой муж, который супротив меня:
Тут приехал нунь Добрыня в свою стóрону,
Он напомнил тут Добрыня отца-матушку,

Отыскал Добрыня молодú жену“.

Ай выходит з-за столов, да вон з-за дубовых,

Пала тут Добрыне во резвú ногú:

„Ты прости, прости Добрыня, сын Никитинич,

А во той вине прости меня, во глупости,

Что не по твоему наказу я нуль сделала,

А пошла замуж за смелого Олешку за Поповича,

А во той вине прости меня, во глупости!“

Говорит же тут Добрыня, сын Никитинич:

„Не дивую я тут разуму да женскому:

У ней волос долог, ум короток,

А я дивую нуль же солнышку Владимиру

Со своей былó княгинею:

Он же солнышко Владимир стольнё-киевской,

Он же был да сватом ли,

А княгинюшка да свахою,

От живого мужа женушку замуж берут, просватают!“

Тут солнышко Владимир стольнё-киевской

Он повесил буйну голову

А в тот же во кирпичен мост

Со своей былó княгинею.

Тут выходит да Олешенька Левонтьевич

З-за тых столов да белодубовых,

Пал же тут Добрыне во резвú ногú:

„Ты прости, прости, Добрыня, сын Никитинич,

Что я посидел возли твоей княгинюшки молодые,

Мблодой Настасьи, дочь Никуличны!“

— „Ай же братец ты названыи,

Ай, Олешенька Левонтьевич!

А во той-то вине, братец, тебя бог простит,

А во другой вине, братец, тебя не прощу:

А зачем же приезжал ты из чиста поля,

Привозил же про нас весточку нерадостну,

Что лежит побит Добрыня во чистом поли,

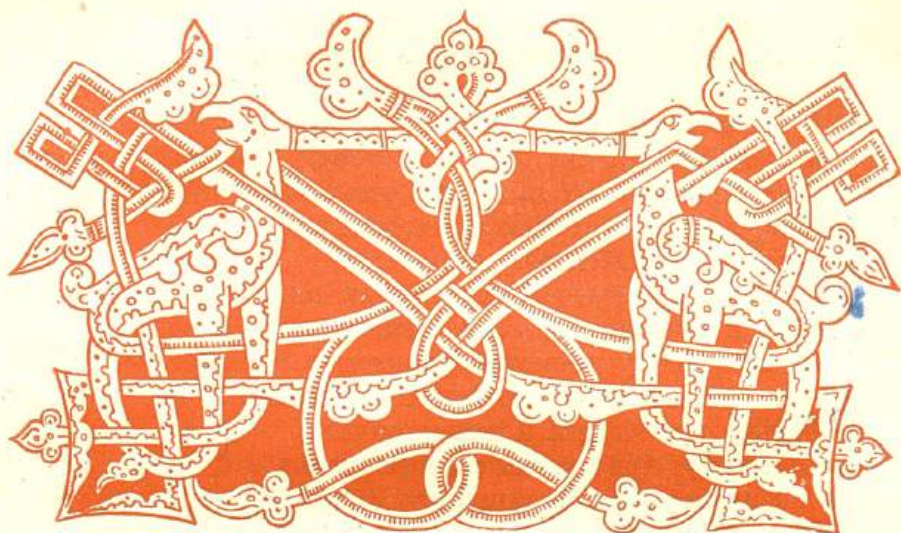
А плечá его да испростреляны,

Голова его да испроломана,

Головой лежит да в част ракитов куст?

Ты слезил же нуль родитель мою матушку,
А честнѹ вдову Офимью Олександровну.
Тяжелёшенько тут она по мне плакала,
А слезила тут она да очи ясные,
А скорбила тут она да личко белое,
Тяжелёшенько она да по мне плакала!“
Как ухватит он Олѣнку за желты кудри!
Взял же он Олѣшеньку охаживать,
А не слышно было в бѹханьи да бханья!
Хоть и всякой-то на свете женится,
Да не всякому женитьба удаётся,
А не дай бог да женитьбы да Олѣшкиной!
Только тут Олѣшка и женат бывал,
Только тут Олѣшка да с женой сыпал.
Синему морю да на тишину,
Всем дѹбрыим же людям на послушанье.

АЛЁША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН

Из славного Ростова, красна города, *11-9*
Как два ясные сокола вылетывали, *ср*
Выезжали два могучие богатыря,
Что по имени Алёшенька Попович млад,
А со молодым Екимом Ивановичем.
Они ездят, богатыри, плечо о плечо,
Стремяно в стремяно богатырское.

Они ездили-гуляли по чисту полю,
Ничего они в чистом *11-9* поли не наезживали,
Не видали они птицы перелётные,

Не видали они зверя прыскачюго,
Только в чистом поли наехали —
Лежат три дороги широкие;
Промежу тех дорог лежит горюч камень,
А на камению подпись подписана.
Взговорит Алёша Попович млад:
„А и ты, братец Еким Иванович,
В грамоте поученой человек,
Посмотри на камению подписи,
Что на камению подписано“.
И скочил Еким со добра коня.
Посмотрел на камению подписи;
Росписаны дороги широкие:
Первая дорога в Муром лежит,
Другая дорога в Чернигов-град,
Третья ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Говорил тут Еким Иванович:
„А и братец Алёша Попович млад,
Которой дорогой изволишь ехать?“
Говорил ему Алёша Попович млад:
„Лучше нам ехать ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру“.
В та поры поворотили добрых коней
И поехали они ко городу ко Киеву.
Не доехавши они до Сафат-реки,
Становились на лугах на зелёных:
Надо Алёше покормить добрых коней,
Расставили тут два белая шатра,
Что изволил Алёша опочив держать.
А и мало время позамешкавши
Молодой Еким со добрый кони,
Стреножимши в зелён луг пустил,
Сам ложился в свой шатер, опочив держать.
Прошла та ночь осенняя;
Ото сна Алёша пробужается,
Встает рано-ранёшенько,

Утренней зарею умывается,
Белою ширинкою утирается,
На восток он, Алёша, богу молится.
Молодой Еким, сын Иванович,
Скоро сходил по добрых коней,
А сводил он поить на Сафат на реку;
И приказал ему Алёша
Скоро седлать добрых коней.
Оседлавши он, Еким, добрых коней,
Наряжаются они ехать ко городу ко Киеву.
Пришел тут к ним каліка перехожив: *н. 9.*
Лапотки на нем семи шелков,
Подковырены чистым серебром,
Личико унизано красным золотом,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа сорочійская земли греческой,
В тридцать пуд шелелуга подорожная,
В пятьдесят пуд налита свинцу чебурацкого.
Говорил таково слово:
„Гой вы еси, удалы добры молодцы!
Видел я Тугарина Змебича:
В вышину ли он, Тугарин, трех сажел,
Промежу плечей косая сажень,
Промежу глаз каленá стрела;
Конь под ним как лётной зверь, *сп.*
Из хайлица пламень пышет,
Из ушей дым столбом стоит“.
Привязался Алёша Попович млад:
„А и ты, братец каліка перехожая!
Дай мне платье калічее,
Возьми мое богатырское:
Лапотки свои семи шелков,
Подковырены чистым серебром,
Личико унизано красным золотом,
Шубу свою соболиную, долгополую,
Шляпу сорочійскую земли греческой,
В тридцать пуд шелелугу подорожную,

Вылазь на расстрель.
С картины В. М. Васнецова.
(Государственный Русский музей в Ленинграде.)

В пятьдесят пуд налиту свинцу чебурацкого".
Дает свое платье калика Алёше Поповичу,
Не отказываячи, а на себя надевал
То платье богатырское.
Скоро Алёша каликою наряжается,
И взял шелепугу дорожную, *и сам*
Котора была в пятьдесят пуд,
И взял в запас чингалище булатное,
Пошел за Сафат-реку.
Завидел тут Тугарин Змеёвич млад,
Заревел зычным голосом;
Подронила дубровушка зелёная,
Алёша Попович едва жив идет.
Говорил тут Тугарин Змеёвич млад:
„Гой еси, калика перехожая!
А где ты слышал и где видал
Про молода Алёшу Поповича?
А и я бы Алёшу копьём заколол,
Копьём заколол и огнём спалил“.
Говорит тут Алёша каликою:
„Ай ты ой еси, Тугарин Змеёвич млад!
Поезжай поближе ко мне,
Не слышу я, что ты говоришь.
И подъезжал к нему Тугарин Змеёвич млад,
Сверстался Алёша Попович млад
Против Тугарина Змеёвича,
Хлеснул его шелепугою по буйной голове,
Расшиб ему буйну голову,
И упал Тугарин на сыру землю;
Скочил ему Алёша на чёрну грудь.
В та поры взмолился Тугарин Змеёвич млад:
„Гой еси ты, калика перехожая!
Не ты ли Алёша Попович млад?
Только ты Алёша Попович млад,
Сем побратуемся с тобой“.
В та поры Алёша врагу не веровал,
Отрезал ему голову прочь,

Платье с него снимал цветное
На сто тысячей — и все платье на себя надевал,
Садился на его добра коня,
И поехал к своим белым шатрам.
В та поры увидели Еким Иванович
И калика перехожая,
Испужалися его, сели на добрых коней,
Побежали ко городу Ростову;
И постигает их Алёша Попович млад,
Обёрнется Еким Иванович,
Он выдергивал палицу боёвую в тридцать пуд.
Бросил назад себя:
Показалось ему, что Тугарин Змеёвич млад,
И угодил в груди белые Алёши Поповича,
Сшиб из седелечка черкасского,
И упал он на сыру землю.
В та поры Еким Иванович
Скочил со добра коня, сел на груди ему,
Хочет пороть груди белые,
И увидел на нем золот чуден крест,
Сам заплакал, говорил калике перехожему:
„По грехам надо мною, Еким, учинилось,
Что убил своего братца родимого!“
И стали его оба трясти и качать,
И потом подали ему питья заморского;
От того он здрав стал.
Стали они говорити и между собою платьем меняти:
Калика свое платье надевал каличье,
А Алёша свое богатырское,
А Тугарина Змеёвича платье цветное
Кладли в чемодан к себе.
Сели они на добрых коней
И поехали все ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю Владимиру.
А и будут они в городе Киеве
На княженицком дворе,
Скочили со добрых коней,

Привязали к дубовым столбам,
Пошли во светлы гридни;
Молятся спасову образу
И бьют челом, поклоняются
Князю Владимиру и княгине Апраксевне
И на все четыре стороны.
Говорил им ласковой Владимир князь:
„Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитесь, как вас по имени зовут,
А по имени вам можно место дать,
По изотчеству можно пожаловати“.
Говорит тут Алёша Попович млад:
„Меня, осударь, зовут Алёшею Поповичем,
Из города Ростова, старого попа соборного“.
В та поры Владимир князь обрадовался,
Говорил таковы слова:
„Гой еси, Алёша Попович млад!
По отчеству садися в большое место, в передний уголок,
В другое место богатырское,
В дубову скамью против меня,
В третье место, куда сам захошь“.
Не садился Алёша в место большое
И не садился в дубову скамью,
Сел он со своими товарищи на палатной брус.
Мало время позамешкавши
Несут Тугарина Змеевича,
На той доске красна золота
Двенадцать могучих богатырей,
Сажали в место большое,
И подле него сидела княгиня Апраксевна.
Тут повары были догадливы,
Понесли яства сахарные и пítья медвяные,
А пítья все заморские,
Стали тут пить-есть, прохладжатыся.
А Тугарин Змеевич печестно хлеба ест,
По целой ковриге за щеку мечет
Те ковриги монастырские,

И нечестно Тугáрини пítья пьет:
По целой чаше охлестывает,
Котора чаша в полтретья ведра;
И говорил в та поры Алёша Попович млад:

„Гой еси ты, ласковой сударь Владимир-князь!

Что у тебя за болван пришел,

наклет. { Что за дурак неотёсаной?

Нечестно у князя за столом сидит,

Княгиню он, собака, целует во уста сахарные,

Тебе, князю, насмехается.

А у моего сударя-батюшка

Была собачища старая,

Насилу по подстолю таскалася,

И костью та собака подавилася;

Взял ее за хвост, под гору махнул.

От меня Тугáрину то же будет“.

{ Тугáрин почернел, как осенняя ночь,

Алёша Попович стал, как светёл месяц.

ср. авт.

И опять в та поры повары были догадливы,

Носят яства сахарные и принесли лебедушку белую.

И ту рушала княгиня лебедь белую,

Обрезала рученьку левую,

Завернула рукавом, под стол опустила,

Говорила таково словó:

„Гой вы еси, княгини, боярыни!

Либо мне резать лебедь белую,

Либо смотреть на мил живот,

На молода Тугáрина Змеёвича“.

Он, взявши, Тугáрин, лебедь белую,

Всю вдруг проглотил,

Еще тут же ковригу монастырскую;

Говорит Алёша на палатном брусѹ:

„Гой еси, ласковой осударь Владимир-князь!

Что у тебя за болван сидит,

Что за дурак неотёсаной?

Нечестно за столом сидит,

Нечестно хлеба с солю ест:

По целой ковриге за щеку мечет
И целу лебедушку вдруг проглотил.
У моего сударя-батюшка,
Федора, попа ростовского,
Была коровица старая,
Насилу по́ двору таскалася,
Забилася на поварню к поварам,
Выпила чан браги пресные,
От того она лопнула;
Взял за хвост, под гору махнул.
От меня Тугарину то же будет“.
Тугарин потемнел, как осенняя ночь,
Выдернул чингалище булатное,
Бросил в Алёшу Поповича;
Алёша на то-то вёрток был,
Не мог Тугарин попасть в него;
Подхватил чингалище Еким Иванович,
Говорил Алёше Поповичу:
„Сам ли ты бросаешь в него, али мне велишь?“
— „Нет, я сам не бросаю и тебе не велю!
Завтра с ним перевожусь,
Бьюсь я с ним о велик заклад,
Не о ста рублях, не о тысяче,
А бьюсь о своей буйной голове“.
В та поры князи и бояра
Скочили на резвы ноги,
И все за Тугарина порукы держат:
Князи кладут по сту рублёв;
Бояре по пятидесят, крестьяне по пяти рублёв,
Тут же случилися гости купеческие:
Три корабля свои подписывают
Под Тугарина Змеёвича,
Всякие товары заморские,
Которы стоят на быстром Днепре.
А за Алёшу подписывал владыка черниговский.
В та поры Тугарин взвился и вон ушел,
Садился на своего добра коня,

Поднялся на бумажных крыльях под небесью летать.
Скочила княгиня Апраксевна на резвы́ ноги,
Стала пенять Алёше Поповичу:
„Деревищи́на ты, засе́льщи́на!
Не дал посидеть другу́ милому“.
В та́ поры того́ Алёша не слушался,
Звился с товарищи и воп пошел,
Садился на добры́ кони́,
Поехали ко Сафа́т-реке,
Поставили белы́ шатры,
Стали опочи́в держать, —
Коней отпустили в зелены́ луга.
Тут Алёша всю ночь не спал,
Молился богу со-слезами:
„Создай, боже, тучу грозную,
А и тучи-то, с градом дождя“.
Алёшины молитвы доходны ко христу:
Дает господь бог тучу с градом дождя,
Замочило Туга́рина крылья бумажные;
Падаёт Туга́рин, как собака, на сыру́ землю.
Приходил Еким Иванович,
Сказал Алёше Поповичу,
Что видел Туга́рина на сырой земле.
И скоро Алёша наряжается,
Садился на добра́ коня,
Взял одну сабельку вострую
И поехал к Туга́рину Зме́евичу.
Увидел Туга́рин Зме́евич Алёшу Поповича,
Заревел зычным голосом:
„Гой еси, Алёша Попович млад:
Хошь ли я тебя огнем спалю,
Хошь ли, Алёша, конем стопчу,
Али тебя, Алёшу, копьем заколю?“
Говорил ему Алёша Попович млад:
„Гой ты еси, Туга́рин Зме́евич млад!
Бился ты со мною о велик заклад,
Биться, драться един-на-един,

А за тобою ноне силы сметы нет
На меня, Алёшу Поповича“.
Оглянется Тугáрин назад себя,
В та поры Алёша подскочил, ему голову срубил;
И пала голова на сырú землú, как пивной котел.
Алёша скочил со добра коня,
Отвязал чембúр от добра коня
И проколол уши у головы Тугáрина Змеёвича,
И привязал к добру коню,
И привез в Киев-град на княженецкой двор,
Бросил среди двора княженецкого.
И увидел Алёшу Владимир-князь,
Повел во светлы гридни,
Сажал за убрáны столы;
Тут для Алёши и стол пошел.
Сколько время покушавши,
Говорил Владимир-князь:
„Гой еси, Алёша Попович млад!
Час ты мне свет дал;
Пожалуй, ты живи в Киеве,
Служи мне, князю Владимиру,
Дó-люби тебá пожалую“.
В та поры Алёша Попович млад князя не ослушался,
Стал служить верою и правдою;
А княгиня говорила Алёше Поповичу:
„Деревенщина ты, засельщина!
Разлучил меня с другом милым,
С молодым Змéем Тугарéтиным“.
Отвечает Алёша Попович млад:
„А ты гой еси, матушка княгиня Апру́ксевна!
Чуть не назвал я тебя сукою,
Сукою-то, волочайкою“.
То стáрина, то и деяние.

ВАСИЛИЙ ПЬЯНИЦА И БАТЫГА

Из-под той белой березы, кудреватые,
Из-под чудного креста Еландіева,
Шли-выбегали четыре тура́ златорогие,
И шли они бежали мимо славен Клев-град,
И видели над Киевом чудным-чудно́,
И видели над Киевом дивным-дивно́:
И по той по стене городбвые

И ходит-гуляет душа красная девица,
Во руках держит божью книгу евангелие,
Сколько ни читает, а вдвое плачет.
Побежали тура́ прочь от Киева,

И встретили турицу, рѳдную матушку,
И встретили турицу, поздоровались:
„Здравствуй, турица, рѳдная матушка!“
— „Здравствуйте, турѳ, малы деточки!
Где вы ходили, где вы бегали?“
„Шли мы, бежали мимо Киев славен град,
Мимо ту мимо стенку городѳвую,
Мимо те башни городѳвые,
И видели мы над Киевом чуднѳм-чуднѳ,
И видели мы над Киевом дивнѳм-дивнѳ:
И по той по стене городѳвые
Ходит-гуляет душа красная дѳвица,
Во руках держит божью книгу евангелие,
Сколько ни читает, вдвое плачет“.
Говорит тут турица, рѳдна матушка:
„Уж вы глупые, турѳ златорогие!
Ничего вы, деточки, не знаете:
Не душа та красна дѳвица гуляла по стене,
А ходила та мать пресвята богородица,
А плакала стена мать городѳвая,
По той ли по вере христианские, —
Будет над Киев-град погибель:
Подымается Батѳга, сын Сергеевич,
И с сыном Батѳгом Батѳговичем,
И с зятем Таракѳнником и с Карѳнниковым,
И с дѳмным дьяком вором-выдумщиком“.
У Батѳги было силы набрано,
Набрано было силы, заправлено,
И было силы сорок тысячей;
И у сына Батѳги Батѳговича
Было силы тоже сорок тысячей;
И у зятя Таракѳнника Карѳнникова
Было силы тоже сорок тысячей;
И у дѳмного дьяка вора-выдумщика
Было силы тоже сорок тысячей.
И не вешняя вода облеѳлела,
Обступила кругом сна поганая:

Соколу кругом лететь
Будет на межённий деиь.
И пишет Батѣга князю со угрозою:
„Ты старый пес, ты Владимир-князь!
Дай-ко мне из Кіева поединчика,
А не то дай-ко мне ты Кіев-град,
Без бою, без драки великіе,
Без самого большого кроволитія“.
Закручинился князь, запечалился
Той тоской-печалью великою.
Богатырѣв-то во граде не случилось:
Илья Муромец уехал на желтѣе на пески,
А Добрыня Никитович на воргановых горах,
А Самсон был богатырь — тот во дальних городах,
А Олѣша Попович за синім морѣм гулял;
Никакого богатыря не пригодился.
Рассказали князю голи кабацкіе:
„Ты солнышко наш, Владимир-князь!
У нас есть-то Василий, сын Игнатѣевич.
И может со Батѣгой поправиться.
И проил Васильюшко житьѣ-бытьѣ,
Все житьѣ-бытьѣ и богатество.
Теперь не с чем Василью опохмѣлиться,
И лежит нынѣ Василий в кабаке на печи“.
И солнышко наш Владимир-князь
Пошел по кружалам государевым,
По тем ли по царѣвым кабакам,
По кабакам, по питейным домам,
И нашел тут Василья в кабаке на печи.
И соходит Васильюшко со печки долой,
С лица зашел, поклонился князю:
„Солнышко наш, Владимир-князь!
Ты не знаешь кручины моей великіе.
У тебя есть кручина великая,
А у меня горе-печаль еще больше твоей:
Что трещит-то болит у меня буйная голова,
И дрожит у меня жѣлье подколенное,

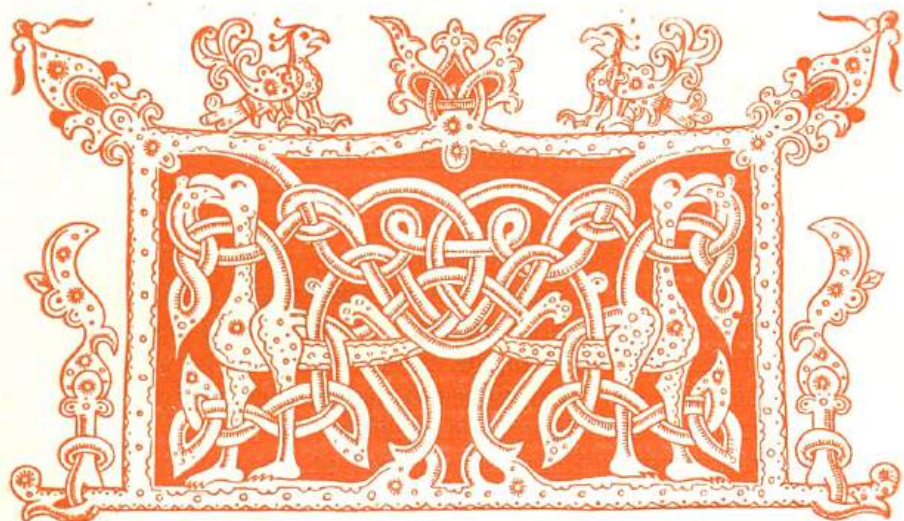
Теперь нечем мне, Василью, опохмелиться.
Опохмель-ка меня чарою опохмельною,
Тогда я со Батыгой поправлюся“.
И Владимир-князь столен-киевский
Наливает ему чару зеленá вина
Зелёного вина полтора ведра,
Другую наливает пива пьяного,
Третью рюму меду сладкого,
И составили питье в одно местó,
Становилося питья полпята́ ведра.
И принимает Василий единой рукой,
И выпивает Василий за единый здох.
И заскочил-то Василий на стену городóвую,
И натягивает Василий свой тóгой лук,
И накладывает Василий каленú стрелу,
И стреляет Василий ко Баты́ге во шатер:
И убил три головки, кои лучшенькие,
Убил сына Баты́гу Баты́говича,
Убил зятя Таракáнника Карáнникова
И убил думного дьякá вора-выдумщика.
И пишет Баты́га князю со угрозою:
„Ты старый пес, ты Владимир-князь!
Ты подай-ко мне из Киева виноватого,
У меня кто убил ровно три головы“.
И тот ли Василий, сын Игнатъевич,
Садился на жеребчика неезженого,
И приезжает Василий ко Баты́ге на лицо,
И прощается Василий во первой большой вине:
„Прости меня, Баты́га, в первой большой вине:
Я убил три головки, кои лучшенькие.
Опохмель-ко меня чарою похмельною,
Пособлю я тебе взять славен Киев-град“.
На те речи Баты́га понадеялся,
Наливает ему чару полтора ведра вина,
И другую наливал пива пьяного
И третью наливал меду сладкого.
И составили тут питье в одно местó,

Бри́ткины (чаши) медные (XVII в.).
(Государственный Исторический музей.)

И составилося питья полпята ведра вина.
И принимается Василий единой рукой,
Выпивает Василий на единый здох,
И говорит тут Батыга таков олово:
„Ай же ты, Батыга, сын Сергеевич!
Дай-ко мне силы сорок тысячей,
Я пойду-подступлю под славен Киев-град“.
На те речи Батыга обнадеялся,
Давал ему силы сорок тысячей.
И отъехал Василий прочь от Киева,
И прибил-пригубил всех до единого.
И размахалась у Василия ручка правая,
И разгорело у Василия ретиво сердце
И прибил-пригубил до единого,
Не оставил Батыге на семена.
И уезжает Батыга прочь от Киева
С тою ли со клятвою великою:
„Не дай бог бывать боле под Киевом,
Ни мне-то бывать, ни детям моим,
Ни детям моим и ни внучатам!“
Сильные-могучие богатыри во Киеве;
Церковное пенье в Москвѣ-городѣ;
Славный звон во Новѣ-городѣ;
Сладкие поцелуи Новолáдожанки;
Гладкие мхи к синю морю подошли;
Щельѣ-каменьѣ в северной стороне;
Широкіе подола Олонецкіе;
Дубяныѣ сарафаны по Онеге по реке;
Рипсоватыѣ подола Почезѣрочки;
Рядныѣ сарафаны Кенозѣрочки;
Пучеглазыѣ молодки Слобожаночки;
Толстобрюхыѣ молодки Лексимозѣрочки;
Малюшальскій поп до солдаток добр.
Дунай, Дунай,
Боле петь вперед не знай!

МИХАЙЛО ДАНИЛОВИЧ

купе

ак во славном-то городе во Кieve,
У ласкова князя у Владимира,
Заводилось пированьице, почёстен пир.
А и все на пиру да напивались,
А и все на честнóm да приедались,
Да и все на честнóm ведь прирасхвастались:
А иной же-то хвастал широкím двором,
А другой-от-то ведь хвастал золотой казной,
А новóй-от-то хвастал добрым конем,
Да другой-то хвастал силою могучею;
Только глушой-от ведь хвастал молодой женой.

И сидит мѳлодец, да он не пьет, не ест,
А не пьет да он не ест, да он не кушает,
И ничем же мѳлодец да ведь не хвастает,
И повесил мѳлодец да буйну голову:
Еще нѳ-имя Данила свет Игнатъевич.
Еще это князю Владимиру не показалося,
По сѳреду кирпичному он запохаживал,
Да он белыми руками заразвѳживал,
Да он желтыми кудрями запотряхивал:
„А что же ты, Данилушка Игнатъевич,
А не пьешь да не ешь, да ты не кушаешь,
И ничем же ты, Данило, ведь не хвастаешь?“
Втогдѳ стал тут Данило на резвѳ ноги,
Втогдѳ кланялся Владимиру до сырой земли:
„Еще чем мне-ка, Владимир-князь, ведь хвастати?
И двора-то у меня широкѳго не было.
Золотой у меня казны ведь не случилось,
А и сила-то была ведь во мне ровная.
Ведь служил я у тебя пятьдесят годов,
Да убил я тебе ведь пятьдесят царѳв,
А мелкѳй силы убил — да той и смету нет.
Теперь от роду мне стало девяносто лет:
Ты спусти-тко, спусти, Владимир, в монастырь пречѳстные
Да во те ли спусти во кельи низкие,
Да спасти мне-ка, спасти да душа грѳшная“.
А ответ держал Владимир-князь:
„Ой нельзя, нельзя спустить тебя, Данилушко:
Еще нѳкому делать ведь защиты всему Киеву“.
И во втѳрой раз просил Данилушко Игнатъевич:
„Да спусти же ты, Владимир, в монастырь пречѳстные,
Да во те-то ты спусти во кельи низкие,
Да спасти мне-ка, спасти да душа грѳшная“.
Говорил же тут Данило да Игнатъевич:
„А и будет те ограда белокаменной,
Да и будет те защита всему Киеву:
Есть ведь у меня да сын Михайлушко“.
И втогда спустил его Владимир в монастырь пречѳстные

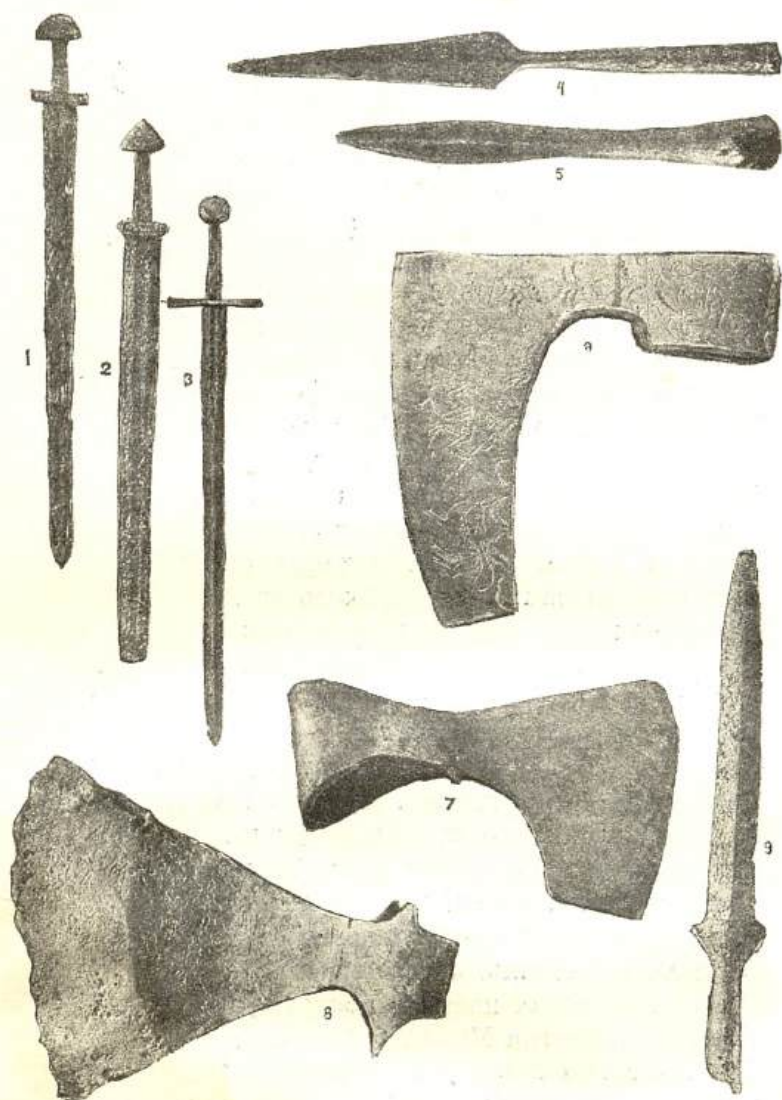
Да во тыи-то спустил во кельи низкие.
А* узнали тутова цари неверные,
Что во Киеве богатыри ушли в монастыри.
Приходит втогда туда неверный царь,
Приносил ведь он книгу настольную,
Еще требует, собака, поединщины.
Выходил Владимир-князь да на балкон высокие,
Да смотрел Владимир-князь да во все стороны:
У собаки ведь силы-то в чистом полѣ
Будто облако ходячее нагбнено.
И втогда Владимир-князь зачал почѣстен пир
Что на все князи на все бѣяра,
Да на все и поленицы-то удалые,
Еще и на весь-то народ да православные.
Дак и все ведь на пиру-то напивались,
Да и все ведь на честном да наедались.
Говорил втогда Владимир-князь в первой накѣн:
„Уж вы ой еси, князи мои бѣяра,
Да вы ой еси, поленицы да удалые,
Еще весь-то вы народ да православные!
А и кто бы то ведь съездил да в чистѣ полѣ,
Да пересчитывать силы неверные?“
А и в тую пору было, во то время,
Бѣльший ведь хоронится за среднего,
Еще средний-от хоронится за младшего,
А от младшего Владимиру ответу нет.
Говорил ведь Владимир во второй накѣн,
Да и гѣворил ведь он и во третей накѣн.
А и в тую-то пору было, во то время
Выходил тут дорѣдний дѣброй мѣлодец
Из-за того он стола ведь белодѣбова,
Еще на-имя Михайло да Данилович.
Понизѣшеньку он Владимиру поклоняется,
Помалѣшеньку ко Владимиру подвигается:
„Ты спусти-тко, спусти, Владимир-князь, в чистѣ полѣ,
Пересчитывать-то ведь силы неверные“.
А ответ таков держал ему Владимир-князь:

„Ой же ты, Михайло да Данилович!
А и ростом-то¹ ведь ты же есть малёшенек,
Да и разумом-то ты же есть глупёшенек;
Теперь от роду, Михайло, те двенадцать лет;
Потеряешь, брат ты Михайло, свою голову“.
А и то ведь Михайлу да не показалось.
Еще скоро он пошел по сѣреды кирпичные,
Широко отворял он двери на пяту,
Запирал он тѣи двери крепко-накрепко,
А двери-ты на щепочки все рассыпалися,
Да и двери-ты ведь те да покололися,
И вся эта палата зашаталася,
Да едва эта палата не разрушилась.
Еще скоро он пошел да на широкой двор,
Да скорѣ того пошел он к свѣей матери.
Да седлал да он уздал да лошадь добрую,
И поехал наш Михайло в чисто поле,
В чисто поле поехал, он раздумался:
„Что я не взял от его благословенья-га да полного“.
Поворачивал добра коня ко монастырю пречѣстному,
Да ко тем ли да ко кельям низким.
А в тую пору мать сыра земля да зазыбалася,
Старо-старчице Данилице засовалось:
„А не мой ли ведь приехал да Михайлушко?
А куда, Михайло, едешь, куда путь держишь?“
— „Еду ведь я, бачко, да во чисто поле,
Пересчитывать-то ведь силы неверные“.
Ответ держал старо-старчице Данилице:
„Этая-та должность не твоя бы есть,
Не спустил бы я тебя да во чисто поле,
И тая заповедь положена тяжелая,
Да и застава положена великая:
Теперь от роду, Михайло, те двенадцать лет;
Да потеряешь ты, Михайло, свою голову!“
А и то ведь как Михайлу да не показалось.

¹ То-есть возрастом.

Скоро поворачивал добра коня во чисто поле;
И рычал да старо-старчище Данилище гласом громким:
„Стой-ко ты, Михайло, да удержи коня,
Да возьми-тко от меня благословенье полное.
А поедешь ты, Михайло, во чисто поле,
Выедешь ты на шеломі на окатисто,
А по-русскому, на гору да на высокую,
Да кричи-тко ты, Михайло, во всю голову,
Еще требуй-ко ты бурушка косматого:
„Ай которой же служил ты мойму батюшке,
Послужи-тко ты теперь сыну Михайлушку!“
Прибежит тут конь да ведь косматые,
Стоит он на горе да на высокие:
Да отмерь-ко ты, Михайлушка, как пять локоть,
И копай-ко ты, Михайло, мать сыру землю,
Да во сторону копай да ты в восточную:
А и тутова сбруя да ведь богатырская“.
Втогда выехал Михайло на шеломі окатисто,
Да кричал Михайло во всю голову,
Еще требовал он бурушка косматого:
„Ай которой же служил ты мойму батюшке,
Послужи-тко ты теперь сыну Михайлушку!“
Да отметил тут Михайло как ведь пять локоть,
Да во сторону копал да он в восточную,
И копал Михайло да мать сыру землю,
Находил он тут все сбрую богатырскую,
И втогда уж он поехал во чисто поле,
Забренчала его палица боёвая,
Засвистела его сабля, сабля вострая,
Да просил он спаса с богородицей:
„Помоги-тко ты сыну Михайлушку:
Исполнят он все да дела добрые,
Еще делат он защиту всему Киеву“.
Только в тую было пору, в то время
Доброй конь у Михайла провенцился:
„Бей-ко ты, Михайло, силу с крайчику,
Не заезжай-ко-ся, Михайло, в силу в матику, —

А и копают тут уланове три погребѣ,
А три погребѣ копают тут глубокиѣ,
И становаѣ тут у погребѣ копыя вострыѣ.
Еще первой-от я погребѣ дакъ перѣскочу,
Еще дрѹгой-от я погребѣ вѣдь перѣскочу,
А третьяго мнѣ-ка погребѣ не перѣскочить“.
И бьет Михайло тут коня по тучнымъ бедрамъ:
„Ах ты конь, мой конь, травяной мешок!
Не хочешь ты послужить мнѣ-ка времени малого?“
Да начал коня приправливать во силу да в матику:
Первой-то погребѣ его конь перѣскочил,
Да и дрѹгой-от он погребѣ вѣдь перѣскочил,
А третьяго-то он погребѣ не перѣскочил;
И упал ногами он да задними,
Уронил Михайла он в глубоку погребѣ;
Только не пал тот на копыя вострыѣ.
Набиралися уланове поганые,
Да вязали вѣдь его за руки белыѣ,
Да темѣ петлями вѣдь шелковыми,
И ковали, ковали да во железа тяжелыѣ,
Вѣдь резвыя ноги ковали Михайловы,
И повели-то его ко царицу ко Уланицу.
Только молится Михайло спасу с богородицей:
„Ты не дай-ко-ся меня поганым на поруганье:
Буду я служить да с веку до веку
Да за тую я веру за крещеную,
Да за церкви я служить буду за божи!“
А втогда вѣдь у Михайлы с двое, с трое силы прибыло
Разорвал он петли-ты шелковыѣ,
Да сломал железа он тяжелыѣ,
Ухватил он вѣдь ослѣдь тележную,
Да и завел вѣдь он ослѣдью помахивать:
Как вперед-то он махнет, дакъ тѹто улица,
А назад-ту отмахнет, дакъ переулочек.
И узнала тут его конь-лошадь добрая,
Прибегала со всей со сбруей богатырской;
И садился тут Михайло на добра коня,

Древнее русское вооружение. (Табл. II.)

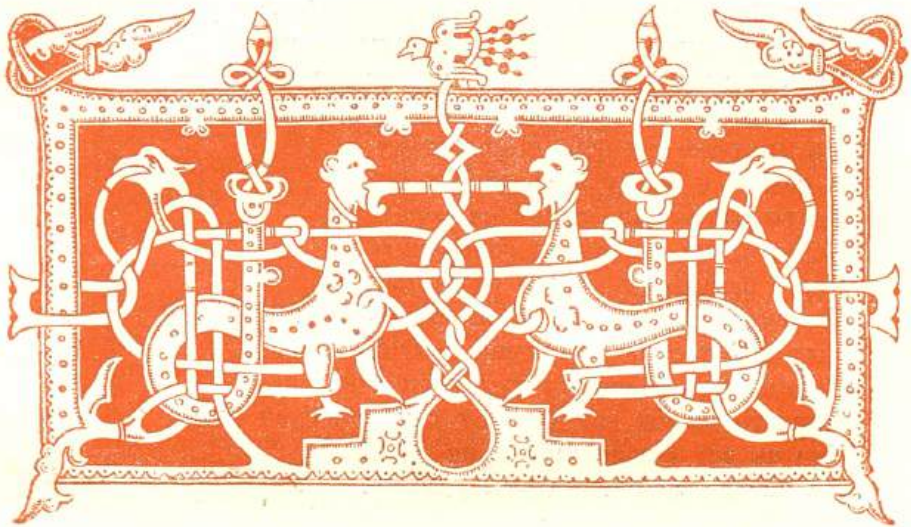
1 и 2. Мечи IX в. 3. Меч XIII в. 4 и 5. Наконечники копий IX — X вв.
 6. Большой боевой топор XV в. 7. Боевой топорик X — XI вв.
 8. Секира X в. 9. Рогатина IX—X вв.

(Исторический Артиллерийский музей РККА в Ленинграде.)

Заводил он силы пересчитывать,
Пересчитывать тут силы с крайчику,
Да полонить те силы тут да с край на край.
И поехал он к царицу ко Уланицу,
И отсек царицу он да буйну голову,
Положил он тую голову на копые вострое.
Сам он голове-то удивляется:
„Ведь ушища-то у царица — быдто блёдища,
А глазища-то у царица — быдто чаши пивные,
А носище-то у царица — быдто палица боёвая“.
Дак и едет втогда Михайло по чисту полю.
И ходит туто старо-старчище Данилище
Да со той ли со клюкбю со железною,
Еще тая-та клюка да сорока пудов,
А старик-от сам ведь приговариват:
„Ой же вы еси уланове поганые,
А убили у меня вы сына Михайлушка!“
Тут приехал сам Михайло близь его,
Да кричал ему он гласом громким:
„Что ты еще, старой, туто делаешь?“
А ответ держал старо-старчище Данилище:
„Ой же ты улановин поганые!
Да подвинься-то сюда, да ко мне старому,
Дак рассеку я тя клюкой и с конем на двое“.
А скричал Михайло гласом громким,
Еще громким он гласом, да ребячим:
„Стой-ко-ся ты, монах, да удержи коня,
Приздыни-тко ты свой колпак шелковые;
Втогда да увидишь, кого надобеть!“
Приздынул монах колпак шелковые;
Подъезжал втогда Михайло близь его;
Тут во-первых опознал своёго бурушка,
Во-вторых-то опознал сына Михайлушка:
„Ты куда, Михайло, едешь, куда путь держишь?“
— „Еду я, бачко, ведь во Киев-град.
Был же я ведь, бачко, во несчастии:
Пересчитывал я силы ведь поганые,

В глубоки́ погрёбы ездил — убит не бы́л:
Видно ваши-ты молитвы да пустынные
Ведь последовали к спасу многомилостиву,
Да поди-тко ты, бачко, во монастырь пречётные,
Да моли-тко ты бога́ попржнему,
А сам-от я поеду ведь во Киев-град“.
Да во Киев-град заехал не воротами, —
Через стену́ заехал он городовую,
Через башню он заехал наугольную,
И вязал коня к кольцу он золочёному.
Выходил втогда Владимир со Опракней,
И дивились голове-то тут улановой.
Дак втогда уж вот завёлся там почётен пир,
Что на все князи пируха на ббара,
Да на все и поленицы-ты уда́лые.

С У Х М А Н

ласкова у князя у Владимира
Было пированьице почёстен пир.
На многих князей, на бояр,
На русских могучих богатырей
И на всю поленицу уда́лую.
Красное солнышко на вечере,
Почёстный пир идет на вёселе;

Все на пиру пьяны-вёселы,
Все на пиру порасхвастались:
Глупый хвастает молодой женой,
Безумный хвастает золотой казной,

А умный хвастает старой матерью.
За тем за столом за дубóвым
Сидит богатырь Сухмáнтий Одихмáнтьевич;
Ничем-то он, мóлодец, не хвастает.
Солнышко Владимир стóльно-киевской
По гридне столовой похаживает,
Желтыми кудёрками потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
„Ай же ты, Сухмáнтий Одихмáнтьевич!
Что же ты ничем не хвастаешь,
Не ешь, не пьешь, не кушаешь,
Белые лебеди не рушаешь?
Али чара ти шла не рядóбная,
Или место было не по óтчине,
Али пьяница надсмеялся ти?“
Воспрогóворит Сухмáн Одихмáнтьевич:
„Солнышко Владимир стóльно-киевской!
Чара-то мне-ка шла рядóбная,
А* и место было по óтчине,
Да и пьяница не надсмеялся мне.
Похвастать — не похвастать добру мóлодцу:
Привезу тебе лебедь белую,
Белу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену“.
Тогда Сухмáнтий Одихмáнтьевич
Скоро вставает на резвы ногы,
Приходит из гридни из столовые
В тую копошенку стоялую,
Седлает он своего добра коня,
Взимает палицу войнскую,
Взимает для пути для дороженьки
Одно свое ножище-кинжалище.
Садился Сухмáнтий на добра коня,
Уезжал Сухмáнтий ко синю морю,
Ко той ко тихие ко заводи.
Как приехал ко первые тихие заводи, —
Не плавают ни гуси, ни лебеди,

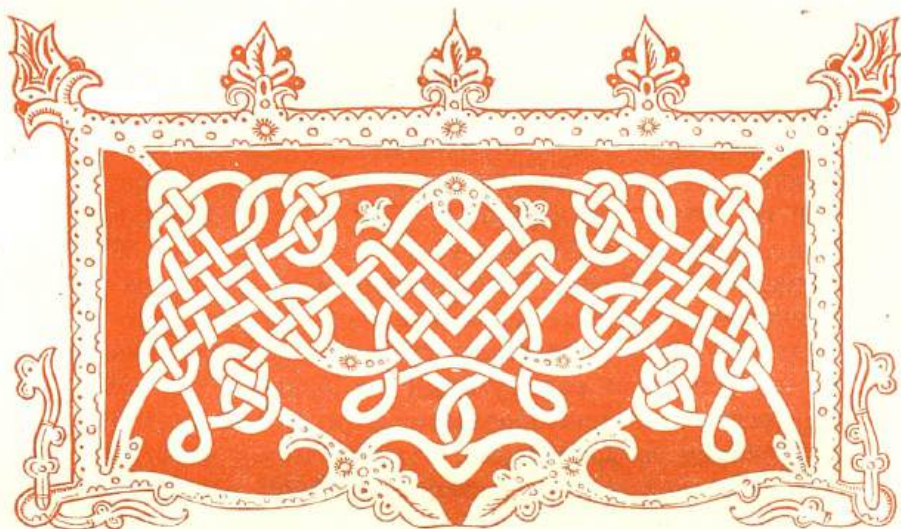
Ни серые малые утёныши.
Ехал ко другие ко тихие ко заводи. —
У той у тихие у заводи
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утёныши.
Ехал ко третие ко тихие ко заводи. —
У той у тихие у заводи
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утёныши.
Тут-то Сухмáнтий пораздумался:
„Как поехать мне ко славному городу ко Киеву,
Ко ласкову ко князю ко Владимиру?
Поехать мне, — живу не бывать;
А поеду я ко матушке Непрý-реке!“
Приезжает ко матушке Непрý-реке:
Матушка Непрý-река текёт не по-старому,
Не по-старому текёт, не по-прежнему,
А вода с песком помутилася.
Стал Сухмáнтыюшка выспрашивати:
„Что ж ты, матушка Непрý-река,
Что же ты текёшь не по-старому,
Не по-старому текёшь, не по-прежнему,
А вода с песком помутилася?“
Испрогóворит матушка Непрý-река:
„Как же мне течí было по-старому,
По-старому течí, по-прежнему?
Как за мной, за матушкой Непрóй-рекой,
Стоит сила татарская неверная,
Сорок тысячей татаровой поганных.
Мостят они мосты калиновы;
Днем мостят, а ночью я повырою:
Из сил матушка Непрý-река повыбилась“.
Раздумался Сухмáнтий Одихмáнтъевич:
„Не честь-хвала мне молодецкая
Не отведать силы татарские,
Татарские силы, неверные“.
Направил своего добрá коня .

Через тую матушку Непрѹ-рѣку:
Его добрый конь перѣскочил,
Приезжает Сухмáнтий ко сырѹ дубѹ,
Ко сырѹ дубѹ крякѹвисту,
Выдергивал дуб со корѣньями,
За вершинку брал, а с кѹмля сок бежал,
И поехал Сухмáнтьюшка с дубиночкой.
Напустил он своего добра коня
На тую ли на силу на татарскую,
И начал он дубиночкой помахивати,
Начал татар поколачивати;
Махнет Сухмáнтьюшка — улица,
Отмахнет назад — промежуточек,
И вперед просунет — переулочек,
Убил он всех татар поганных.
Бежали три татарина поганных,
Садилась под кусточки под ракиковы,
Направили стрелочки калѣные.
Приехал Сухмáнтий Одихмáнтьевич
Ко той ко матушке Непрѹ-реке,
Пустили три татарина поганных
Три стрелочки калѣные
Во его в бока во белые:
Тут Сухмáнтий Одихмáнтьевич
Стрелочки калѣные выдергивал,
Совал в раны кровавые листочки маковы,
А трех татаровой поганных
Убил своим ножищем-кинжалищем.
Садился Сухмáнтий на добра коня,
Приезжал ко городу ко Киеву,
Ко тому двору княженецкому.
Привязал коня ко столбу ко точѣному,
Ко тому кольцу ко золочѣному,
Сам бежал во гридню во столовую.
Князь Владимир стольно-киевской
По гридне столовые похаживает,
Желтыми кудѣрьками потряхивает,

Сам говорит таковы слова:
„Ай же ты, Сухмантий Одихмантьевич!
Привез ли ты мне лебедь белую,
Белу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену?“
Говорит Сухмантий Одихмантьевич:
„Солнышко, князь стольно-киевской!
Мне, мол, было не до лебедушки:
А за той за матушкой Непрой-рекой
Стояла сила татарская неверная,
Сорок тысячей татаровой поганных;
Шла же эта сила во Киев-град,
Мостила мосточки калиновы;
Они днем мосты мостят,
А матушка Непра-река ночью повyroет.
Напустил я своего добра коня
На тую на силу на татарскую,
Побил всех татар поганных“.
Солнышко Владимир стольно-киевской
Приказал своим слугам верным
Взять Сухмантя за белы руки,
Посадить млодца в глубок погреб,
А послать Добрынюшку Никитинца
За тую за матушку Непру-реку
Проведать заработки Сухмантьевы.
Седлал Добрыня добра коня
И поехал млодец в чисто поле.
Приезжает ко матушке Непры-реке
И видит Добрыня Никитинец:
Побита сила татарская;
И видит дубиночку-вязаочку,
У той реки разбитую на лозиночки.
Привозит дубиночку во Киев-град
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Сам говорит таковы слово:
„Правдой хвастал Сухман Одихмантьевич:
За той за матушкой Непрой-рекой

Есть сила татарская побитая,
Сорок тысячей татаровой поганих;
И привез я дубиночку Сухмантьеву,
На лозиночки дубиночка облочкана,
Потянула дубина девяносто пуд“.
Говорил Владимир стольно-киевской:
„Ай же слуги мои верные!
Скоро идите в глубок погрѣб,
Взимайте Сухмантья Одихмантьевича,
Приводите ко мне на ясны́ очі:
Буду его мѡлодца жаловать-миловать
За его услугу за великую
Городами его с пригорѡдками,
Али сѣлами со присѣлками,
Аль бесчетной золотой казной дѡ-люби“.
Приходят его слуги верные
Ко тому ко погрѣбу глубокому,
Сами говорят таковы слова:
„Ай же ты, Сухмантий Одихмантьевич!
Выходи со погрѣба глубокого:
Хочет тебя солнышко жаловать,
Хочет тебя солнышко миловать
За твою услугу великую“.
Выходил Сухмантий с погрѣба глубокого,
Выходил на дѡлече-далече во чисто поле,
И говорил мѡлодец таковы слова:
„Не умел меня солнышко миловать,
Не умел меня солнышко жаловать.
А теперь не видать меня во ясны́ очі!“
Выдерживал листочки маковые
Со тѣих с ран со кровавых,
Сам Сухмантий приговаривал:
„Потеки, Сухман-река,
От моя от крови от горячие,
От горячие крови, от напрасны!“

ДВА БРАТА-КОРОЛЕВИЧА

з того из города из Крякова,
Из того села ли из Берёзова,
Из того подворья богатырского
Охвоч ездить молодец был за охотою
Во славное раздольице чисто поле,
Охвоч-то был стрелять гусей, лебедей,
Малых перелётных серых утушек.

Молодой Петръ Петрович, королевский сын,
Он проездил день с утра до вечера
По славному по раздольицу чисту полю,
Не наехал ни гуся, ни лебедя,

Ни малого перелётного утёныша.
Еще ездил дрúгой день с утра до пабедья.
Подъехал он ко синему ко морюшку
И насмотрел-то он на синём морé,
На той на тихой забереги,
На зеленом на зятресьи
Плавают две белые лебёдушки, колыблются.
Становил-то он коня богатырского,
От правого от стремячка булатного
Свой тугий лук разрывчатый отстёгивал,
То он стрелочки калёные накладывал,
Тетивочки шелковеньки натягивал,
Хотит подстрелить двух белых лебёдушек.
Эти белые лебёдушки
Проязычили языком человеческим:
„Ты удаленький дородний добрый мблodeц,
Славный богатырь свято-русеккий!
Хоть ты подстрелишь двух белых лебёдушек,
Не укрятуюешь плеча ты могучего
И не утешишь сердца богатырского.
Не две белые мы есть-то не лебеди,
Есть-то мы две девушки две красных,
Две прекрасных Настасьи Митриёвичны,
Со той со славной с Золотой Орды,
Летаем мы от папа поганого по три годú,
Улетели мы за синее морюшко;
Поезжай-ко ты раздольцем чистым полём,
Ко славному ко городу ко Киеву;
И подвезжай к сырú дубú крякóвнсту,
Насмотри-ка ты птицу во сырóm дубú:
Сидит-то птица черныи ворон во сырóm дубé,
Перьце у ворона черным-черно́,
Крыльце у ворона белым-белó,
Перьца распущены до матушки сырой земли.
Эдакой птицы на свете не видано,
На белоем не слыхано!“
Стоит богатырь, пораздумался:

„Хоть я подстрелю двух белых лебедушек,
Так не укрятую плеча могучего,
И не утешу сердца богатырского“.
Снимает эти стрелочки калёные,
Отпущает он тетивочки шелковеньки,
Свой тугий лук разрывчатый пристёгивал
Ко правому ко стремени к булатному,
Берет в руки он плеточку шелковеньку,
Бьет то он коня да по тучной бедры,
То он ехал по раздольицу чисту полю
Ко славному ко городу ко Киеву.
И подъехал ко сырú дубу кряковисту,
И посмотрел он птицу чёрна ворона:
Сидит-то птица черныи ворон во сырóm дубе,
Перьяце у ворона черным-черно,
Крыльице у ворона белым-бело,
Перьяце распущено до матушки сырой земли.
Эдакой птицы на свете не видывал,
На белом не слыхивал.
Становил он коня богатырского,
Свой тугий лук разрывчатый отстёгивал
От правого от стремячка булатного,
Налагает он стрелочку калёную,
Натянул тетивочку шелковеньку,
И говорил-то он таковы слова:
„Я подстрелю эту птицу чёрна ворона,
Тушицу его спущу я на сырú землю,
Перьяце распущу я по чисту полю,
По славному раздольицу широкому“.
Проязычит птица языком человеческим:
„Ты удаленький дородний добрый молодец
Славный богатырь свято-русский!
Ты слыхал ли поговорье на святой Руси:
В келье старца убить, то есть не спасенье,
Чёрна ворона подстрелить, то не корысть получить?
Хоть ты подстрелишь птицу чёрна ворона
И расточишь мою кровь-то по сырú дубу,

Тушу мою спустишь на сырú землю
И перьяце распустишь по славной по долинушке,
По раздольицу широкому чистú полю, —
Не укрýтуешь плеча ты могучего,
Не утешишь сердца богатырского.
Поезжай-ка раздольцем чистým полём
Ко славному ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру.
У ласкова князя у Владимира
Хорош честён пир-пированьице;
Над собой он князь невзгодушки не ведает:
Ездит поленичица в чистóm полё
На добром коне на богатырском;
Она кличет-выкликает поединщика,
Супротív себя да супротивника.
Говорит-то поленица таковы слова:
„Ежели Владимир стольно-киевской
Не пошлет ко мне он поединщика,
Супротív меня да супротивника,
Самого Владимира под меч склоню,
Под меч склоню, голову срублю,
Черных мужичков-то всех повырублю,
Божьи церкви я все на дым спущу“.
Стоит молодец он пораздумался:
„Слышал я поговорье на святой Руси:
В келье старца убить, то есть не спасенье,
Чёрна ворона подстрелить, то не корысть получить.
Хоть подстрелю я птицу чёрна ворона,
И расточу его я кровь-то по сырú дубú,]
Тушицу его спущу я на сырú землю,
Перьяце-то распущу я по чистú полю,
По славному раздольицу широкому,
То не укрýтую плеча я могучего
И не утешу сердца богатырского“.
Снимает он стрелочку калёную
И отпустил тетивочку шелковую,
Свой тугий лук разрывчатый пристёгивал

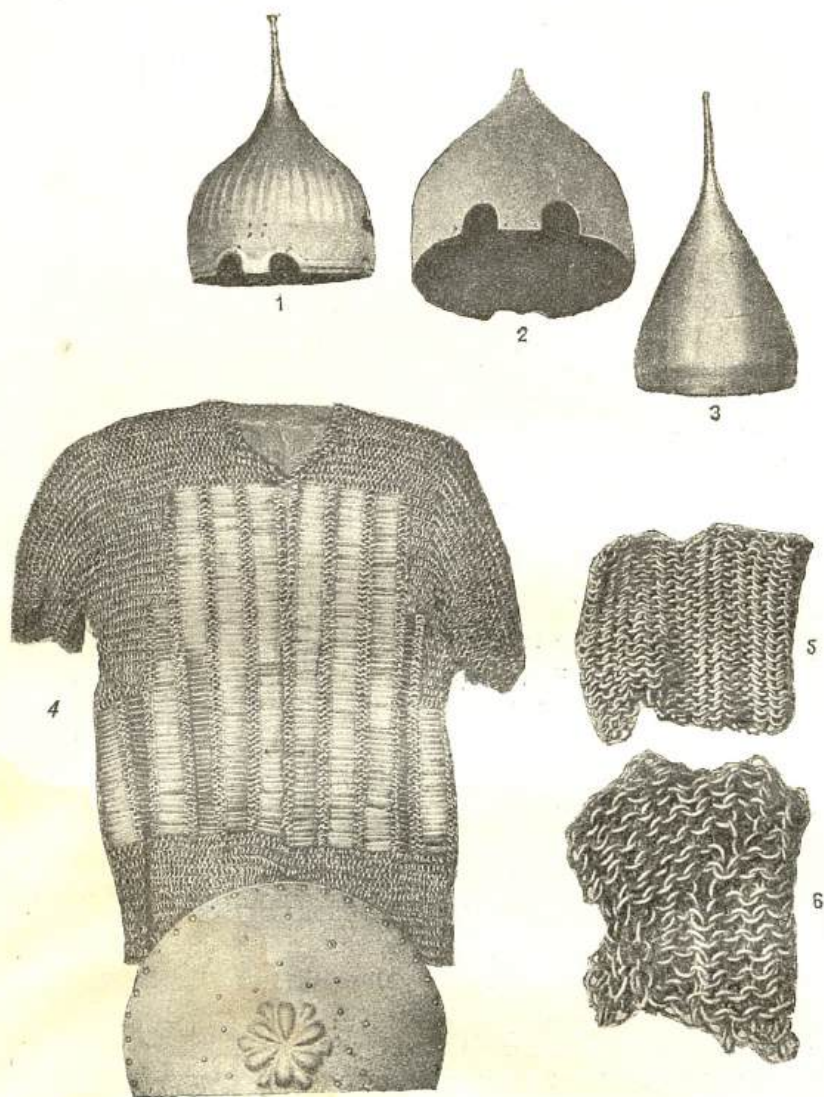
Ко правому ко стремячку булатному
И поехал по раздольицу чисту́ полю.
Поехал мблodeц, сам пораздумался:
„Прямоезжею дорогою поехать в стольно - Киев-град,
То не честь мне-ка хвала от богатырей
И не выслуга от князя от Владимира.
Если бы поехать во раздольице чистó полé,
Поотведать мне-ка силы у татарина,
То побьет меня татарин во чистóм полé,
Не бывать-то мблoдцу на святой Руси,
Не видать мне мблoдцу-то света белого“.
И он зовет себе да бога нá помочь,
Спустил-то добра коня раздольицем чистým полém,
И он наехал полени́чицу в чистóм полé.
Они съехались, да поздоровкались,
Становили добрых коней богатырских,
Они сделали сговóр да промеждú собой,
Что разъехаться с раздольица чистá полá
На своих на добрых конях богатырских,
Приударить надо в палицы булатные.
Разъехались они с раздольица чистá полá
На своих на добрых конях богатырских,
Приударили во палицы булатные,
Они друг-то друга били нежалúхою,
Нежалúхою-то били по белым грудým,
Со всея били со силы богатырские;
Под ними доспехи были крепкие:
У них палицы в руках-то погибалися,
По маковкам отломилися,
Они друг другá не сшибли со добрых коней,
Они друг другá не били и не ранили,
Ни которого местечка не кровавили.
Становили добрых коней богатырских,
Они сделали сговóр да промеждú собой,
Что разъехаться с раздольица чистá полá
На своих на добрых конях богатырских,
Приударить надо в конья муржамéцкие.

Князь со своей дружиной.

С рисунка И. Я. Вилибина (1904 г.).

Разъехались они с раздольца чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударили во копы муржамецкие;
Они друг-то друга били нежалухою,
Нежалухою-то били по белым грудям
И со всея били силы богатырские;
Под ними доспехи были крепкие:
У них копы в руках-то погибались,
По маковкам копы отломилися,
Они друг друга не спшибли со добрых коней,
Они друг друга не били и не ранили,
Ни которого местечка не кровавили.
Становили добрых коней богатырских,
Выходили добры мбодцы с добрых коней:
Надо биться боем-рукопашкою,
Поотведать друг у друга силушки великие.
Молодой Петрой Петрович, королевский сын,
Он весьма обучен был бороться об одной ручке:
Он подходит к поленице ко удалые,
То он схватит поленицу на косу бедру,
Здынул он поленицу выше головы,
Спустил он поленицу на сыру землю,
Ступил он поленице на белы груди,
Берет свое кинжалище булатнее,
Заносил он ручку правую выше головы,
Опустить хотит он ниже пояса.
Ручка правая в плече застоялася,
Во ясных очушках свет помущается,
То он стал у поленицы выспрашивать:
„Скажи-тко, поленица, проведай-ка:
Ты с коей земли, да ты с коей Литвы,
Как тебя поленицу именем зовут,
Звеличают удалую по отчеству?“
Говорила поленица таковы слова:
„Ах ты старая базыга ново-древняя!
Тебе просто надо мною насмехатися,
Как стоишь ты над моею грудью белою,

Древнее русское вооружение. (Табл. III.)

1. Шлем XVI в. 2. Шлем XIV в. 3. Шлем XVI в. 4. Бахтерец (броня из металлических колец и мелких пластинок) и круглый щит XVII в.
5 и 6. Образцы кольчужного плетения IX—X вв.

(Исторический Артиллерийский музей РККА в Ленинграде.)

Во руках держишь кинжалище булатнее;
Есть бы был я на твоей белой груди,
Пластал бы я твои груди белые,
Доставал бы твое сердце со печенью
И не спросил бы ни батюшки, ни матушки,
Ни твоего роду и ни племени“.

Берет свое кинжалище булатнее,
Заносил он ручку правую выше головы
И спустить ю хочет ниже пояса.
Ручка правая в плече застоялася,
В ясных очушках свет помущается,
Стал у полёницы выпрашивать:
„Скажи-тко, полёница, проведай-ка:
Ты с коёй земли, да ты с коёй Литвы,
Как тебя полёницу именём зовут,
Удалюю величают по отечеству?“

Говорила полёница таковы слова:
„Ах ты старая базыга, ново-древняя!
Тебе просто надо мною насмехаться,
Как стоишь ты над моею грудью белой,
Во руках держишь кинжалище булатнее!
Есть бы был я на твоей белой груди,
Пластал бы я твои груди белые,
Доставал бы твое сердце со печенью
И не спросил бы ни батюшки, ни матушки,
Ни твоего роду и ни племени“.

Молодой Петрой Петрович, королевский сын,
Берет свое кинжалище булатнее,
Заносил он ручку правую выше головы
И спустить ю хочет ниже пояса.
Ручка правая в плече застоялася,
В ясных очушках свет помущается,
Стал у полёницы выпрашивать:
„Скажи-тко, полёница, проведай-ка:
Ты с коёй земли, да ты с коёй Литвы,
Как тебя полёницу именём зовут,
Удалюю величают по отечеству?“.

Говорила полёница и заплакала:
„Ты удаленький, дородный добрый мѳлодец,
Славный богатырь свято-руеский!
Когда ты у меня стал выспрашивати,
Я стану тебе про то высказывать.
Есть я со той со темной Литвы,
От тых татаровой поганых;
А увезен был маленьким робёночком
Из того из города из Крѳкова,
Из того села да из Берёзова,
Со той со улицы с Рогатицы,
Со того подворья богатырского,
Молодой Лука Петрович, королевский сын.
Увезли меня татаровья поганые
Маленьким робёночком во эту во темнѳ орду,
И возрос я там до полного до возраста,
И имею в плечах силушку великую.
Избрал себе коня я богатырского
И поехал я на матушку святую Русь
Поискать себе-то роду-племени,
Поотведати себе-то отца-матери“.
Молодой Петрой Петрович, королевский сын,
Он скорёшенько соскочит со белѳх грудѳй,
Берет его за ручушки за белые
За него за перстни за злачёные,
Становил его да на резвѳ ноги,
Целовал его во уста в сахарные,
Называл-то братцем себе рѳдным.
Они сели на добрѳх коней, поехали
По славному раздольицу чистѳ полю,
Ко славному ко городу ко Крѳкову,
Ко тому селу да ко Берёзову,
Ко той улице ко Рогатице
И к тому подворью богатырскому.
Молодой Петрой Петрович, королевский сын,
Приехал он на свой на шѳрок двор,
И он скорёшенько соскочит со добрѳ коня

И бежит в свою палату белокаменну.
Молодой Лука Петрович, королевский сын,
Как он соскочит со добра коня,
Стал он по двору похаживать,
Стал добра коня поваживать.
Молодой Петрой Петрович, королевский сын,
Пришел в свою палату белокаменну
Ко своей к родителю ко матушке,
Сам-от говорит да таковы слова:
„Свет ты, государыня родная матушка!
Честная вдова Настасья Васильевна!
Был-то я в раздольице чистом поле
Наехал в чистом поле татарина,
Кормил-то его ествшкой сахарнею,
Поил его питьецем медвяным“.
Говорит ему родная матушка,
Честная вдова Настасья Васильевна,
Сама слезно заплакала:
„Свет ты, мое чадо милое,
Молодой Петрой Петрович, королевский сын!
Как был ты во раздольице чистом поле,
Да наехал во чистом поле татарина,
Ты б не ествшкой кормил его сахарнею
И не питьецем поил его медвяным, —
Бил бы его палицей булатною,
Да колол бы его копьем вострым:
Этые татаровья поганые
Увезли братца у тя родного маленьким робёночком,
Молода Луку Петровича“.
Говорил Петрой Петрович таковы слова:
„Свет ты, моя родная матушка!
Не татарина наехал я в чистом поле,
А наехал братца себе родного,
Молода Луку Петровича“.
Молодой Лука Петрович, королевский сын,
Он по двору похаживает,
Добра коня поваживает

И нейдет в палаты белокаменны,
Тут честна́ вдова Настасья Васильевна
Скорёшенько бежала на широк двор,
Брала его за ручушки за белые,
За него за перстни за злачёные,
Целовала во уста его сахарные,
Называла она сыном себе рóдным
И вела в палаты белокаменны;
Кормила-то их ествушкой сахарнею,
Поила-то питьецем медвяным.
Тут они стали жить да быть,
Долго здравствовать.

АВДОТЯ ЖЕНА РЯЗАНОЧКА

одступал тута царь Бахмёт турецкий,
И разорял он старую Казань¹, город подлесную,
И полонил он народу во полон сорок тысячей,
Увел весь полон во свою землю.

Оставалася во Казани одна женка Рязаночка,
Стосковалася женка, сгоревалася:

У ней полонил три головушки,

Милого-то братца родимого,

Мужа венчального,

¹ Речь идет, вероятно, о Рязани, т. к. героиня былины называется Рязаночка.

Свёкра любезного.

И думает женка умом-разумом:

„Пойду я во землю турецкую
Выкупать хотя единые головушки
На дорогí хорошие на выкуны“.

Царь Бахмёт турецкий,

Идучí от Казани от города,

Напустил все реки-озера глубокие,

По дорогам поставил он все разбойников,

Во темных лесах напустил лютых зверей,

Чтобы никому ни пройти, ни проехать.

Пошла женка путем да дорогою:

Мелкие-то ручейки бродом брела,

Глубокие реки плывом плыла,

Широкие озера кругом обошла,

Чистые поля разбойников о полночь прошла —

О полночь разбойники опочив держат,

Темные леса, лютых зверей о полдён прошла —

О полдён люты звери да опочив держат;

Она так прошла да путем да и дорогою,

Пришла да во землю турецкую,

К царю Бахмёту турецкому,

Понизёшеньку ему поклонилася:

„Ты батюшка царь Бахмёт турецкий!

Когда ты разорял старую Казань, город подлесную,

Полонил ты народа сорок тысячей,

У меня полонил три головушки:

Милого-то братца родимого,

И мужа венчального,

Свёкра любезного.

И пришла я к тебе выкупати хотя единые головушки

На дорогí ли хоть на хорошие на выкуны“.

Отвечал ей царь, ответ держал:

„Ты Авдотья, женка Рязаночка!

Как ты прошла путем да и дорогою?

У меня напущены были все реки-озера глубокие,

И по дорогам были поставлены разбойники,

А во темных лесах были напущены люты звери,
Чтобы никому ни пройти да ни проехати“.

Ответ держит ему Авдотья, женка Рязаночка:

„Батюшка царь Бахмёт турецкий!
Я так прошла путем да и дорогою:
Мелкие-то речушки бродом брела,
А глубокие речушки пльвбм пльлá,
Чистые поля разбойников о полночь прошла —
О полночь разбойники опочив держат,
Темные леса лютых зверей о полдён прошла —
О полдён люты звери опочив держат,
Я так прошла путем да и дорогою“.

Говорит ей царь Бахмёт турецкий:

„Ты Авдотья, женка Рязаночка!
Когда ты умела пройти путем да и дорогою,
Так умей-ка попросить и головушки
Из трех единные.

А не умеешь ты попросить головушки,
Так я срублю тебе по плеч буйну голову“.

Стоячись женка пораздумалась,
Пораздумалась женка, порасплакалась:
„Уж ты батюшка, царь Бахмёт турецкий!
Я в Казани-то была женка не последняя,
Не последняя я была женка, первая.
Я замуж пойду, так у меня и муж будет.

Свёкра стану звать батюшком;
Приживу я себе сына любезного,
Так у меня и сын будёт;
Приживу я себе дочку любезную,
Воспою-скормлю, замуж отдам,
Так у меня и зять будёт.

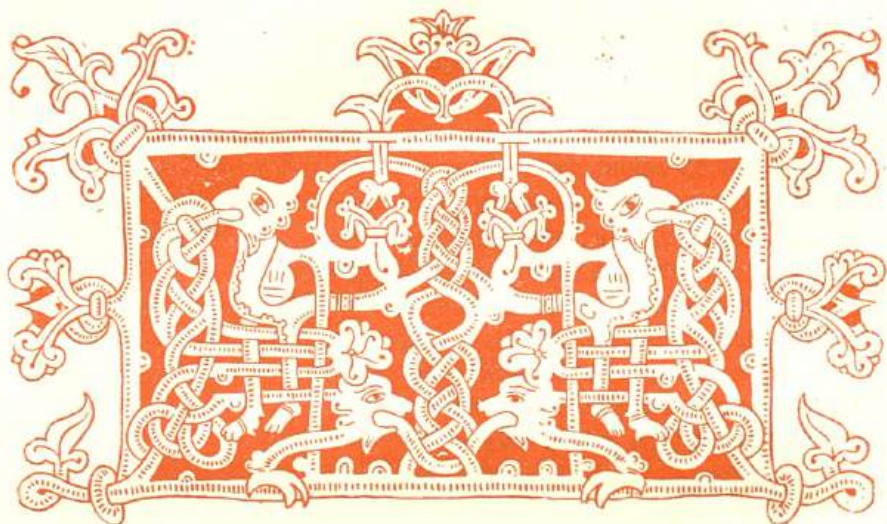
Не видать мне буде единные головушки,
Мне милого братца родимого,
Да не видать век да и по веку“.

Сижучись да царь пораздумался,
Пораздумался царь, порасплакался:

„Ты Авдотья, женка Рязаночка!

Когда я разорил вашу сторону Казань, город подлесную,
Тогда у меня убили милого-то братца родимого:
Не видать буде век да и по веку.
За твои то речи разумные,
За твои то слова за хорошие
Ты бери полону, сколько надобно:
Кто в родстве, в кумовстве, в-крестном братовстве“.
Начала женка ходить в земле турецкие
Выбирати полон во свою землю.
Она выбрала весь полон земли турецкие
Привела-де полон во свою Казань, город подлесную,
Расселила Казань-город по-старому,
По-старому да по-прежнему.

КАК ПЕРЕВЕЛИСЬ БОГАТЫРИ НА РУСИ

Въезжали на Сафат-реку,
На закате красного солнышка,
Семь уда́лых русских витязей,
Семь могучих братьев на́званных:
Въезжал Годенко Блудович,
Да Василий Казимирович,
Да Василий Буслаевич,
Въезжал Иван Гостинный сын,
Въезжал Алеша Попович млад,
Въезжал Добрыня мблodeц,

Выезжал и матерой казак,
Матерой казак Илья Муромец.
Перед шими раскинулось поле чистое,
А на том поле старый дуб стоит,
Старый дуб стоит, крякбвистый.
У того ли дуба три дороги сходятся:
Уж как первая дорога ко Новугороду;
А вторая-то дорога к стольному Киеву;
А что третья дорога ко синю морю,
Ко синю морю далекому, —
Та дорога прямоезжая,
Прямоезжая дорога, прямопутная,
Залегла та дорога ровно тридцать лет,
Ровно тридцать лет и три годá.
Становились витязи на распутии,
Разбивали бел-полотный шатер,
Отпускали коней погулять по чисту полю;
Ходят кони по шелковой траве-муравé,
Зеленую траву пощипывают,
Золотой уздечкой побрякивают;
А в шатре полотняном витязи
Опочив держат.
Было так, на восходе красного солнышка,
Ставал Добрыня молодец раньше всех,
Умывался студеной водой,
Утирался тонким полотном,
Помолился чудну образу;
Видит Добрыня за Сафат-рекой
Бел-полотный шатер:
В том ли шатре залег Татарченок,
Злой Татарин, бусурманченок,
Не пропускает он ни конного, ни пешего,
Ни ездялаго добраго молодца.
Седлал Добрыня своего борзого коня,
Клал на него он потнички,
А на потнички коврички,
Клал седельце черкасское,

Брал копейце урзамецкое,
Брал чингалище булатное,
И садился на добра коня;
Под Добрыней конь осержается,
От сырой земли отделяется,
Выходы мечет по мерной версте,
Высоки мечет по сеной копне.
Подъезжает Добрыня ко белу шатру
И кричит зычным голосом:
„Выходи-ка, Татарченок,
Злой Татарин, бусурманченок!
Станем мы с тобой честный бой держать“.
В та поры выходит Татарин из белá шатра
И садится на добра коня.
Не два ветра в поле слетались,
Не две тучи в небе сходилися:
Слетались-сходилися два удалые витязя.
Ломались копыа их острые,
Разлетались мечи их булатные;
Сходили витязи с добрых коней
И хватались в рукопашный бой;
Правая ножка Добрыни ускóльзнула,
Правая ручка Добрыни удрóгнула,
И валился он на сыру землю:
Скакал ему Татарин на белы груди,
Порол ему белы груди,
Вынимал сердце с печенью.
Было так, на восходе красного солнышка,
Вставал Алеша Попович раньше всех,
Выходил он на Сафат-реку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонким полотном,
Помолился чудну образу;
Видит он коня Добрынина:
Стоит борзый конь оседланный и взнузданный,
Стоит борзый конь, только невесел,
Потупил очи во сыру землю,

Знать, тоскует он по хозяине,
Что по том ли Добрыне мѣлодце.
Садился Алеша на добра коня;
Осержался под ним добрый конь,
Отделялся от сырой земли,
Метал выходы по мерной версте,
Метал высококи по сеной копне.
Что не бель во полях забелелася:
Забелелася ставка богатырекая;
Что не сечь во полях засинелася:
Засинелись мечи булатные;
Что не крась во полях закраселася:
Закраселася кровь со печенью.
Подъезжает Алеша ко белу шатру,
У того ли шатра спит Добрыня мѣлодец:
Очи ясные закатилися,
Руки сильные опустилися,
На белых грудях запеклася кровь.
И кричит Алеша звучным голосом:
„Вылезай-ка ты, Татарин злой,
На честной бой, на побраночку!“
Отвечает ему Татарченок:
„Ох ты гой еси, Алеша Попович млад!
Ваши роды не уклончивы,
Не уклончивы ваши роды, не устойчивы:
Что не стать тебе со мной бой держать!“
Возгворит на то Алеша Попович млад:
„Не хвались на пир идучи,
А хвались с пиру идучи!“
В та поры выходит Татарин из бела шатра
И садится на добра коня.
Не два ветра в поле слеталися,
Не две тучи в небе сходилися:
Сходилися-слеталися два удалые витязя;
Ломалися копы их острые,
Разлеталися мечи их булатные;
И сходили они с добрых коней,

И хватались в рукопашный бой;
Одолол Алеша Татарина:
Валил его на сырú землю,
Скакал ему на белы́ грудí,
Хотел ему пороть белы́ грудí,
Вынимать сердце с печенью.
Отколь тут ни взýлся черный ворон,
И вещает он человеческим голосом:
„Ох ты гой еси, Алеша Попович млад!
Ты послушай меня, черного ворона:
Не пори ты Татарину белых грудей;
А слетаю я на синё морé,
Принесу тебе мертвой и живой воды;
Вспрыснешь Добрыню мертвóй водой,
Срастется его тело белое;
Вспрыснешь Добрыню живой водой,
Тут и очнется добрый мóлодец“.
В та́ поры Алеша ворона послушался.
И летал ворон на синё морé,
Приносил мертвой и живой воды;
Вспрыскивал Алеша Добрыню мертвóй водой, —
Срасталось тело его белое,
Затягивались раны кровавые;
Вспрыскивал его живой водой, —
Пробуждался мóлодец от смертного сна.
Отпускали они Татарина.
Было так, на восходе красного солнышка,
Вставал Илья Муромец раньше всех,
Выходил он на Сафат-реку,
Умывался студенóй водой,
Утирался тонким пóлотном,
Помолился чýдну образу:
Видит он, — через Сафат-реку
Переправляется сила басурманская:
И той силы доброму мóлодцу не объехати,
Серому волку не обрыскати,
Черному ворону не облётети.

И кричит Илья зычным голосом:
„Ой уж где вы, могучие витязи,
Удалые братья названые!“
Как сбегалися на зов его витязи,
Как садилися на добрых коней,
Как бросалися на силу басурманскую,
Стали силу колоть-рубить.
Не столько витязи рубят,
Сколько добрые кони их топчут;
Бились три часа и три минуточки:
Изрубили силу поганую.
И стали витязи похвалятися:
„Не намахалися наши могучные плечи,
Не уходилися наши добрые кони,
Не притушилися мечи наши булатные!“
И говорит Алеша Попович млад:
„подавай нам силу нездешнюю,
Мы и с тою силою, витязи, справимся!“
Как промолвил он слово неразумное,
Так и явились двое воителей,
И крикнули они громким голосом:
„А давайте с нами, витязи, бой держать!
Не глядите, что нас двое, а вас семеро“. —
Не узнали витязи воителей;
Разгорелся Алеша Попович на их слова,
Поднял он коня борзого,
Налетел на воителей,
И разрубил их пополам со всего плеча:
Стало четверо — и живы все.
Налетел на них Добрыня молодец,
Разрубил их пополам со всего плеча:
Стало восьмеро — и живы все.
Налетел на них Илья Муромец,
Разрубил их пополам со всего плеча:
Стало вдвое более — и живы все.
Бросилися на силу все витязи,
Стали они силу колоть-рубить:

А сила всё растёт да растёт,
Всё на витязей с боём идет.
Не столько витязи рубят,
Сколько добрые кони их топчут:
А сила всё растёт да растёт,
Всё на витязей с боём идет.
Бились витязи три дня,
Бились три часа, три минуточки,
Намахались их плечи могучные,
Уходились кони их добрые,
Притупились мечи их булатные:
А сила всё растёт да растёт,
Всё на витязей с боём идет.
Испугались могучие витязи,
Побежали в каменные горы,
В темные пещеры:
Как подбежит витязь к горе,
Так и окаменеет;
Как подбежит другой,
Так и окаменеет;
Как подбежит третий,
Так и окаменеет.

С тех-то пор и перевелись витязи на святой Руси.

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

той было Индеи во богатые,
А был молодой боярин Дюк Степанович.
Он ходил по тихим по заводам,
Стрелял серых гусей и лебедей.
Он всех выстрелял ровно триста стрел,
Ровно триста стрел да еще три стрелы.
Он трем-то стам цену ведает,
Только трем стрелам цен не ведает.
Как из-под камешка из-под яхонта,
Из-под яхонта да самоцветного,
Убил он три орла он три орловища.

А не тех убил, которы летают по святой Руси,
Он тех убил, которые летают по синім морям.
Как едут гости корабельщики,
Поднимают это перышко орлиное,
Продавали это перышко
Подороже-то атласу, рьта бархату.
Покупали мужички-то да индейские,
Приносили это перышко в подарочек
Ко его-ли ко Дюкову батюшку.
А он сам стрелял молодой боярин Дюк Степанович.
Он с таких-то великих со радостей,
Пошел он к государыне рѳдной матушке,
Просить прощеньца с благословеньцем
Ехать ко граду ко Киеву,
Ко ласковому ко князю ко Владимиру,
Он прямой дорожкой не окольною.
Как прѳговорила его государыня рѳдна матушка,
Рѳдна матушка Мальфа Тимофеевна:
„Я не дам тебе прощеньца с благословеньцем,
Ехать ко граду ко Киеву,
Ко ласкову ко князю ко Владимиру,
Прямой дорожкой не окольною.
А прямой дорожкой не окольною
Есть три заставы там да великие:
А первая-то застава есть — горы там толкучии:
В другой раз стѳлкнутся, а в дрѳгоры истѳлкнутся;
Тут тебе, Дюку, не проехати,
Тут тебе, молѳдому, живѳ не быть.
Есть там другая застава — птицы клеучии:
Они тебя, Дюка, и с конем склюют.
Тут тебе, Дюку, не проехати,
Тут тебе, молѳдому, живѳ не быть.
Есть третья та застава — лежит зменцо-горыччино,
О двенадцати змея о хоботах,
И тая тебя и с конем сожрѳт,
Тут тебе, Дюку, не проехати,
Тут тебе, молѳдому, живѳ не быть“.

А он молодой боярин Дюк Степанович,
Он не слушал своей да государыни родной матушки,
Пречестной вдовы Мальфы Тимофеевны,
Он пошел во коношенку стоялую,
Взял он уздицу да ведь тесмяную,
Он взял бурушка да ведь кавурушка.
Как у бурушка по колен ноги в землю зарощены,
Он кормил бурка́ пшеном да белояровым,
Он поил бурка́ питьецем медвяным,
Он седлал бурка́ в черкасское седёлышко,
Он потнички-то клал на потнички,
На потнички он клал да ведь войлочки,
А на войлочки черкасское седёлышко.
Он натягивал двенадцать тугих подпругов,
А тринадцатый клал для ради крепости,
Чтобы конь с-под седла не выскочил,
Добра молодца с седла не выкрутил.
Подпруги-то были шелкóвые, ✓
Шпеньки у подпругов булатные, ✓
Пряжки у него да красна золота. ✓
А как шелк не рвется, булат не трется.
Красно золото не ржа́вееет,
Молодец на коне сидит, не стареет.
Он садился на добра́ коня,
Прощался с государыней родной матушкой.
Как пречестна вдова да Мальфа Тимофеевна
На прощаньице ему да наказывала:
„Ай ты, молодой боярин Дюк Степанович!
Если бог тебе судит быть во Киеве,
У ласкова князя у Владимира,
Ты не хвастай животишками сиротскими,
Сиротскими животишками вдовы́ными!“
Перво поприце бурка́ скочил целу́ верстú,
И припадывал к земле сыро-мáтерой,
Испрогóворит человеческим голосом:
„Ай же ты, хозяин мой любимы!
Опускайся-ко с меня, добра́ коня,

Ты бери-тко земли да сыро-мáтерой,
Ты подвязывай под плечико под правое,
Да подвязывай под плечико под левое,
Чтоб не страшно было сидеть на мне да на добром коне.↗
Как мóлодой боярин Дюк Степанович,
Он опускался ведь да со добра коня,
А он брал земли да сыро-мáтерой,
Он подвязывал под плечико под правое,
Да подвязывал под плечико под левое,
И садился он да на добра коня.
Тут стал бурушка-кавурушка поскакивать,
С горы нá гору, да с холмы нá холму,
А реки-озера перескакивать,
Широкí раздолья между ног пуцать.)
А приехал он ко граду ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру,
Заехал он среди белá двора, ↗
Поставил он своего добра коня
Не привязана, да не приказана.
А он сам взошел в столову во переднюю,
Он крест кладёт по-писáному,
А поклон ведёт да по-учёному
И на все на четыре на стороны,
А княгине Апраксии в особину.
А спрогóворит мóлодой боярин Дюк Степанович:
„Вы здравствуйте, княгиня Апраксия!
А где солнышко Владимир стольне-киевской?“
— „А солнышко Владимир стольне-киевской.
Ушел он во божью церковь,
К обедне да ко ранне“.
Молодой боярин Дюк Степанович,
Он вышел на улицу на широкую,
На тую дуброву на зеленую,
Пошел он во божью церковь.
Мостовые были землею призасыпаны,
Их подлило водою дождёвою,
Замарал он сапожки зелён сафьян.

Атлас черчатый кизельбаицкой работы XVI—XVII вв.
(Государственный Исторический музей.)

Пришел он во божью церковь,
 Он крест кладет да по-писаному,
 Поклон ведёт да по-учёному,
 На все на четыре на стороны,
 А князю Владимиру в особину.
 Испроговорит Владимир стольне-киевской:
 „Ай же ты, удалый добрый молодец!
 Ты из какой земли, из какой орды,
 Да как тебя, мблodeц, именём зовут,
 Нарекают по отечеству?“
 — „Я из той Индеи из богатые
 Мблodeй боярин Дюк Степанович.
 Отстоял дома раннюю заутреню,
 А сюда приехал ведь к обедне-де“.
 Как проговорят князи-ббьяра,
 А также говорят и мелка чета:
 „А не быть это мблodeу Дюку Степановичу!
 А какой-нибудь детинушка залётаник:
 Он убил князя, либбб боярина, —
 Он на платьице свое да ведь поглядывает!“
 Как и вышли из церкви из божие
 На тую улицу на широкую,
 На тую дуброву на зелёную,
 Мостовые были земелькой принасыпаны,
 Их подлило водою дождёвою,
 Замарал он сапожки зелён сафьян.
 Как проговорят молодой боярин Дюк Степанович:
 „Я слышал от родителя от батюшки,
 А что Киев очень красив-добрйст,
 Ажко в Киеве все не по-нашему:
 Церкви у вас деревянные,
 А маковки на церквах да осиновые.
 А у нас ли во Индеи во богатые
 Церкви у нас да все каменные,
 А известочкой они да отбелены,
 На церквах-то маковки самоцветные,
 На домах-то крышечки золочёные,

Мостовые рудожелтыми песочками приусыпаны,
 Сорочинские суконца приразостланы,
 Не замараешь тут сапожков зелен сафьян“.
 Вот зашли они во палаты княженецкие,
 Садились за дубовый стол хлеба кушати,
 Стали крупивчатых калачиков они рушати.
 Как молодой боярин Дюк Степанович,
 Он мякиш-то ест, а корочку под стол мечет,
 А прогбóворит Владимир стольне-киевской:
 „Ай же ты, молодой боярин Дюк Степанович!
 А ты почто мякиш ешь, а корочку под стол мечешь?“
 — „Я слышал от родителя от батюшки,
 Что Киев очень красив-добрíст,
 Ажно в Киеве все не по нашему:
 У вас печки-то каменные,
 А помелечки у вас да сосновые,
 А как пахнут-то калачики крупивчаты
 На тую серу на сосновую,
 На сосновую серу на кипучую,
 На кипучую серу на горючую, —
 Не могу я есть калачиков крупивчатых!
 Как у мóей государыни у рóдной матушки,
 Пречестной вдовы Мальфы Тимофеевны,
 У нас печки все-то муравленые,
 А помелечки у нас да шелковые,
 А пекет она калачики крупивчаты, —
 Как калачик-то съешь, так дрúгой хочется,
 А дрúгой-то съешь, по третьем душа горит,
 А как третий съешь, четвертый с ума пойдет!“
 Тут прогбóворил Владимир стольний киевской:
 „Ай же ты, молодой боярин Дюк Степанович!
 А ты, мóлодой боярин, сам захвастливый.
 Ты ударь-ко с нашим Чурилушкой Пленкóвичем
 о велик заклад:
 Чтобы ездить вам во чисто поле по трí годú,
 А по трí годú да еще по три дня,
 Чтобы на всякий день кони были сменные,

Чтобы сменные да переменные,
А шерсти такой да бы не было,
А платье на всякий день было сменное,
Чтобы цвету такого да не было,
А на третий день вам итти да ко божьей церкви.
И который из вас добрее выступит,
А другому из вас да голова рубить!“
И не спустили тут Дюка Степановича
Съездить за платьем за цветным,
Во тую Индею во богатую.
Он сел боярин закручинился,
Закручинился да запечалился.
Он повесил свою да буйну голову,
Утупил-то ясны очи во сырú землю.
Он садился ведь да на ременчат стул,
Писал скорописчатые ёрлычки
Ко своей-ли государыне рóдной матушке,
К пречестной вдове Мальфе Тимофеевне.
Как по Чуриле-то Пленкóвичу
Держали порукушку двумя грады:
А первым градом Киевом,
А другим градом Черниговом.
А молодому боярину Дюку Степановичу
Держал поруку крепкую
Тот-ли владыко черниговский,
Его-ли крестовый он батюшка.
Клал на бурушка сумки перемётные,
Сам он говорит таковó словó:
„Ай ты, бурушко-кавурушко!
Когда прискачешь во Индею во богатую
К моей-то государыне рóдной матушке,
Ты заржай-ко голосом лошадиным!“
Услыхала голос лошадиный
Его-ли государыня рóдна матушка,
Выбегала на крылечико переднее,
А сама говорит да таковó словó:
„Видно нет живá моего дитятки,

Молода боярина Дюка Степановича!“

Как увидала сумки перемётные,

И говорит да таково слово:

„Как мой-ли молодой боярин Дюк Степанович

захвастиливый,

Захвастиливый, да знать захваченой!“

Вынимала скорописчатые ёрлычки,

Кладывала туда платица на каждой день;

На каждой день по три платица,

Сменные и переменные по три годы,

По три годы, еще и по три дни.

Отпущала бурушка-кавурушка,

Сама говорит да таково слово:

„Как прискачешь ты во Киев-град,

Во Киев-град на княженецкий двор,

Ты заржай-ко лошадиным голосом!“

А молодой боярин Дюк Степанович

Услыхал он своего добра коня,

Он взял сумки да ведь перемётные,

Тут поехали во чисто поле поlickовать,

А Чурилушка Пленкович погнал коней он целым стадом

А молодой боярин Дюк Степанович

Пораньше-то он повыстанет,

Бурка в росе он повыкатает,

На бурке-то шерсть да переменится.

И тут они проездили по три годы,

По три годы да еще по три дни.

А сегодня итти им ко божьей церкви.

А тому-ли Чурилушке Пленковичу

Во своем ли ему городе да деется.

Становился он на крылосо на правое,

А молодой боярин Дюк Степанович

Становился он на крылосо на левое,

А Чурилушка Пленкович взял он плеточку шелковую,

Стал он плеточкой по пуговкам поваживать,

Пуговкой о пуговку позванивать.

Как от пуговки было да до пуговки

Плывет змеицо горынчицо,
 О двенадцати змея о хоботах.
 Как испрогбóрят князи-бб́яра,
 И также говорит и вся мелкá чета:
 „Как у нашего Чурилушки Пленкбóвича
 Есть отметочка против мб́лода боярина Дюка Степановича!“
 А молодой боярин Дюк Степанович,
 Он повесил свою да буйну голову,
 Утупíл ясны очи во сырú землю.
 Он взял-то плеточку шелкбóвую,
 Стал плеточкой по пуговкам поваживать,
 Пуговкой о пуговку позванивать.
 Как от пуговки было да да пуговки
 Налетели тут птицы клеvучии,
 Наскакали тут звери рыкучии.
 А тут в церкви все да б́ зень пали,
 О зень пали да íны б́мерли.
 Тут прогб́ворит Владимир стольний киевский:
 „Ай же, молодой боярин Дюк Степанович!
 Приуйми-тко ты птиц тых клеvучиих,
 Призакличь-ко тых зверей рыкучиих,
 Да оставь-ко ты народу хоть на сéмена!“
 Тут прогб́ворит молодой боярин Дюк Степанович:
 „Я сегодня не твое ем да кушаю,
 Не хочу тебя и слушати!“
 Как прогб́ворит владыко-то черниговский,
 Его-ли крестовый батюшка:
 „Ай же молодой боярин Дюк Степанович!
 Призакличь-ко ты птиц клеvучиих,
 Приуйми-тко ты зверей рыкучиих,
 Ты оставь-ко народу нам на сéмена!“
 А тут молодой боярин Дюк Степанович
 Послушался крестб́вого он батюшки,
 Призакликал птиц он клеvучиих,
 Приунял зверей тых рыкучиих.
 Тут прогб́ворит молодой боярин Дюк Степанович:
 „Ай же, солнышко Владимир стольний киевский!

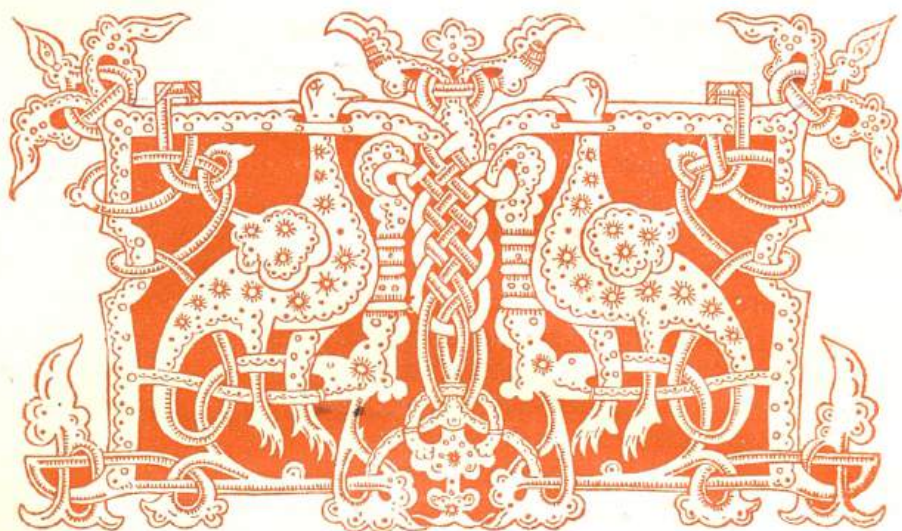
Нам которому с Чуриной голова рубить?“
Как возгóворил Чурилушка Плѣнкович:
„Ай же мóлодой боярин Дюк Степанович!
Ты ударь-ко со мною о велик заклад,
А который из нас перескочит через Пучай-реку,
А который из нас да не перескочит,
Тому из нас да голова рубить“.
А Пучай-река да на два поприща!
Тут прогóворил молодой боярин Дюк Степанович:
„А твоя ли похвальба наперед зашла!
Ты скачи-ко прежде через Пучай-реку“.
Он скакал Чурила чрез Пучай-реку:
О полú-рекí Чурила в воду вверзился.
А как мóлодой боярин Дюк Степанович
Скоро-наскоро скакал да чрез Пучай-реку,
Он скорее того поворот держал.
О полú-рекí он на воды припадывал,
И Чурилу за желты кудры захватывал,
Повытачил Чурилушку с конем с воды,
И сам он говорит да такóво словó:
„Ай ты, солнышко Владимир стольний киевский!
Нам которому с Чурилой голова рубить?“
Тут прогóворил Владимир стольний киевский:
„Ай же мóлодой боярин Дюк Степанович!
Не руби-тко ты Чуриле буйной головы,
Ты оставь-ко нам Чурилу хоть для памяти!“
Тут прогóворил мóлодой боярин Дюк Степанович:
„Ай же ты, Чурилушка Плѣнкович!
А пусть ты князем Владимиром упрошенный,
А киевскими бабами улаканный,
Ты не ездí-тко с нами со бурлаками,
Ты не ездí во чистó полé поляковать,
А живи ты во граде во Киеве,
В Киеве во граде между бабами!“
Тут Владимир стольний киевский
Посылал он тут обценничков
Во тую-ли Индею во богатую

К пречестной вдове Мальфе Тимофеевне
 Во первых старого казака Илью Муромца,
 А в других молодца Добрынюшку Никитича,
 А он в третьих Олещушку Поповича.
 Тут проговорил молодой боярин Дюк Степанович:
 „Ай ты, солнышко Владимир стольный киевский!
 Не посылай-ко ты Олещушку Поповича.
 У него глазшечка-ты поповские,
 А поповские глазшечка завидливы,
 Не выехать ему из той Индеи из богатые.
 Не берите-ко бумаги на три месяца,
 Вы берите-ко бумаги на три году,
 На три году, да еще на три дни“.
 Тут солнышко Владимир стольный киевский
 Отправлял-то старого казака Илью Муромца,
 Отправлял-то молодца Добрынюшку Никитича.
 Как приехали под Индею под богатую,
 Они выстали на гору на высокую,
 И увидели ту Индею да богатую,
 Сами говорят да таково слово:
 „Как молодой боярин Дюк Степанович,
 Знать, послал он весточку к своей матушке,
 Что зажгана Индея та богатая!“
 Как приехали в Индею ту богатую, —
 А тут церкви были все каменные,
 Стены известочкой отбелены,
 На церквах маковки самоцветные,
 На домах крышечки да золочёные,
 Мостовые рудожелтыми песочками приусыпаны,
 Сорочинские суконца приразостланы.
 Вот зашли они в палаты белокаменные,
 Вот сидит жена да старая-матера,
 Старая-матера да и вся в золоте.
 Они бьют челом, да поклоняются:
 „Вы здравствуйте, да Дюковая матушка!“
 Испроговорит жена да старая-матера:
 „Я не есть-то Дюковая матушка!“

Тут прошли они в палаты во передние,
Тут сидит жена да старá-мáтера,
Она боле того! да и вся в золоте.
Они бьют челом, да поклоняются:
„Вы здравствуйте, да Дюковая матушка!“
Испрогóворит жена да старá-мáтера:
„Я не есть-то Дюковая матушка!
Я есть-то Дюковой матушки калашница“.
— „А где же есть-то Дюковая матушка?“
Испрогóворит жена да старá-мáтера:
„А Дюковая матушка
Ушла она во божью церкóвь,
Кó обедне-то ко поздней“.
Как идет-то Дюковая матушка:
Двое-трое ведут ее под руки,
А и сама говорит да таково словó:
„Вы здравствуйте, мужички да вы оценщички!
Вы зачем сюда да ведь приехали?
Знать животищечков сиротских описывать?“
Тут прошли они в палаты белокаменные,
Садилися они за столы дубовыи,
И стали за столом они да кушати,
И крупивчатых калачиков рушати;
Как калачик-то съешь, дрúгой хочется,
Дрúгой съешь, по третьем душа горит,
А третий-то съешь, четвертый с ума нейдет.
Тут пречестна вдова да Мальфа Тимофеевна
Привела их в погреба глубокии
Ко тем ли сбруям лошадиным,
Да тут они писали по трé годы,
По трé годы да еще по́ три дни.
Еще привела: висят бочки красна золота,
А другие висят чиста сéребра,
А третьи висят скатна жемчуга.
Потом вывела на улицу да на широкую:
Течет-то струйка золочёная,
И тут они не могли и сметы дать.

Сама говорит таковó словó:
„Ай же вы, мужички да вы оценщицки!
Поезжайте вы ко граду ко Киеву,
Ко тому ли ко князю ко Владимиру,
Вы скажите-тко князю Владимиру:
Он на бумагу продаст пусть Киев-град.
А на чернила продаст весь Чернигов-град,
А тогда приедет животищечков сиротских описывать!“
Как старый казак Илья Муромец
Да мболодой Добрыня, сын Никитинич.
Они приехали-то ко граду ко Киеву,
К солнышку князю ко Владимиру
И сами говорят да таковó словó:
„Наказывала Дюковая матушка
На бумагу продать весь Киев-град,
На чернила продать Чернигов-град,
Тогда приехать животищечков сиротских описывать“.
Тут прогбворил Владимир стольний киевский:
„Ай же, мболодой боярин Дюк Степанович!
За твою ли за великую за пбхвальбу,
То торгуй-ко в нашем во граде во Киеве.
А во Киеве во граде да без пошлыны!“
А тут мболодой боярин Дюк Степанович,
Он садился на своего добра коня,
Он поехал-то в Индею во богатую
Ко своей государыне рбдной матушке,
К пречестной вдове Мальфе Тимофеевне.
А он сделал с нею доброе здоровьице.
А тут век про Дюка старину скажът,
Синему морю на тишину,
Добрым людям на послупанье.

САДКО

как ведь во славноем во Новѣ-градѣ
Ай как был Садко да гусельщик-от,
Ай как не было много несчѣтной золотой казны,
Ай как только он ходил по честным пирам,
Спотешал как он да купцей, боир,
Веселил как он их на честных пирах.
Ай как тут над Садком теперь да случилось:
Не зовут Садка уж целый день да на почѣстен пир,
Ай не зовут как на дрѹгой день на почѣстен пир,
Ай как третий день не зовут да на почѣстен пир.
Ай как Садку теперь да соскучилось,

Ай пошел Садко да ко Ильмёнъ он ко озеру,
Ай сядился он на синь на горюч камень,
Ай как начал играть он во гусли во ярбчаты,
А играл с утра как день теперь до вечера.
Ай по вечеру как по позднему
Ай волна уж в озерé как сходилася,
А как ведь вода с песком теперь смутилася;
Ай утрашился Садко теперечку да сидети он,
Одолел как Садка страх теперь великий,
Ай пошел вон Садко да от озера,
Ай пошел Садко как во Нов-город.
А опять как прошла теперь тёмна, ночь.
Ай опять как на другой день
Не зовут Садка да на почёстен пир,
А другой-то да не зовут его на почёстен пир,
Ай как третий-то день не зовут на почёстен пир.
Ай как опять Садку теперь да соскучилось,
А пошел Садко ко Ильмёнъ да он ко озеру,
Ай сядился он опять на синь да на горюч камень
У Ильмёнъ да он у озера.
Ай как начал играть он опять во гусли во ярбчаты,
А играл уж как с утра день до вечера.
Ай как по вечеру опять как по позднему
Ай волна уж как в озере сходилася,
Ай как вода с песком теперь смутилася;
Ай утрашился опять Садко да новгородский,
Одолел Садка уж как страх теперь великий.
А как пошел опять как от Ильмёнъ да от озера,
А как он пошел во свой да он во Нов-город.
Ай как тут опять над ним да случилось:
Не зовут Садка опять да на почёстен пир,
Ай как тут опять другой день не зовут Садка
да на почёстен пир,
Ай как третий день не зовут Садка да на почёстен пир.
Ай опять Садку теперь да соскучилось,
Ай пошел Садко ко Ильмёнъ да ко озеру,
Ай как начал играть во гусли во ярбчаты.

Ай как ведь опять играл он с утра до вечера,
А волна уж как в озере сходилася,
А вода ли с песком да смутилася;
А тут осмелился как Садко да новгородский
А сидеть играть как он об озеро.
Ай как тут вышел царь водяной теперь со озера,
Ай как сам говорит царь водяной да таковы слова:
„Благодарим-ка, Садко да новгородский!
А спотешил нас теперь да ты во озере:
Ай как у меня столованье да почёстен пир,
Ай как всех развеселил у меня да на честном пиру
Ай любезных да гостей моих.
Ай как я не знаю теперь Садка тебя да чем пожаловать:
А ступай, Садко, теперь да во свой во Нов-город;
Ай как завтра позовут тебя да на почёстен пир,
Ай как будет у купца столованье почёстен пир,
Ай как много будет купцев на пиру много новгородских;
Ай как будут все на пиру да напиватися,
Будут все на пиру да наедатися,
Ай как будут все похвальбами теперь да похвалятся,
Ай кто чем будет теперь да хвастати,
Ай кто чем будет теперь да похвалятся:
А иной как будет хвастати да несчётной золотой казной,
А как иной будет хвастать добрём конем,
Иной буде хвастать силой, удачей молодецкою,
А иной буде хвастать молодым молодецеством,
А как умной-разумной да буде хвастати
Старым батюшкой, старой матушкой,
Ай безумный дурак да буде хвастати
Ай своей он как молодой женой,
А ты, Садко, да похвастай-ко:
А я знаю, что во Ильмёнъ да во озере
А что есть рыба-то перья золотыи ведь.
А как будут купцы да богатыи
А с тобой да будут спробовать,
А что нету рыбы такою ведь,
А что теперь да золотыи ведь,

А ты с ними бей о залог теперь великий:
Залагай свою буйную да голову,
А как с них выряжай теперь
А как лавки во ряду да во гостиноем
С дорогими да товарами.
А потом свяжите невод да шёлковой,
Приезжайте вы ловить да во Ильмёнъ во озеро;
А закиньте три тоня во Ильмёнъ да во озере,
А я в кажду тоню дам теперь по рыбине,
Уж как перья золотыи ведь.
Ай получишь лавки во ряду да во гостиноем
С дорогими ведь товарами;
Ай потом будешь ты купец, Садко, как новгородский,
А купец будешь богатыи“.
Ай пошел Садко во свой да как во Нов-город.
Ай как ведь да на дрúгой день
А как позвали Садка да на почёстен пир
Ай к купцу да богатому.
Ай как тут да много собиралося
Ай к купцу да на почёстен пир
А купцей как богатых новгородских.
Ай как все теперь на пиру напивалися,
Ай как все на пиру да наедалися,
Ай похвальбами все похвалялися.
А кто чем уж как теперь да хвастает,
А кто чем на пиру да похваляется:
А иной хвастает как несчётной золотой казной,
А иной хвастает да добрым конем,
А иной хвастает силой, удачей молодецкою;
Ай как умной теперь уж как хвастает
Ай старым батюшкой, старой матушкой,
Ай безумный дурак уж как хвастает,
Ай как хвастает да как своей молодой женой.
А сидит Садко, как ничем да он не хвастает,
А сидит Садко, как ничем он не похваляется;
Ай как тут сидят купцы богатыи новгородский,
Ай как говорят Садку таковы слова:

Садко на берегу моря.
С рисунка И. Е. Репина (1904 г.).
(Государственный Русский музей в Ленинграде.)

„А что же, Садко, сидишь, ничем же ты не хвастаешь,
Что ничем, Садко, да не похваляешься?“

Ай говорит Садко таковы слова:

„Ай же вы купцы богатый новгородский!

Ай как чем мне, Садку, теперь хвастати,

Ай как чем-то Садку похвалятися?

А нету у меня много несчётной золотой казны,

А нет у меня как прекрасной молодой жены,

А как мне Садку только есть одним да мне похвастати,

Во Ильмён да как во озере

А естé рыба как перья золотый ведь“.

Ай как тут купцы богатый новгородский

Ай начали с ним да они спóровать:

Во Ильмён да что во озере

А нету рыбы такую что,

Чтобы были перья золотый ведь.

Ай как говорил Садко новгородский:

„Даκ заложу я свою буйную головушку,

Боле заложить да у меня нечего“.

А они говорят: „Мы заложим в ряду да во гостином

Шесть купцей, шесть богатых“.

А залагали ведь как по лавочке,

С дорогими да с товарами.

Ай тут после этого

А связали невод шёлковой,

Ай поехали ловить как в Ильмён да как во озере.

Ай закидывали тóню во Ильмён да ведь во озере,

А рыбу уж как добыли перья золотый ведь;

Ай закинули дрóгу тóню во Ильмён да ведь во озере,

Ай как добыли другую рыбину перья золотый ведь:

Ай закинули третью тóню во Ильмён да ведь во озере,

Ай как добыли уж как рыбину перья золотый ведь.

А теперь как купцы да новгородский богатый

Ай как видят, делат да нечего,

Ай как вышло правильно, как говорил Садко

да новгородский,

Ай как отперлись они да от лавочек,

А в ряду да во гостинном,
Ай с дорогими ведь с товарами.
Ай как тут получил Садко да новгородский
Ай в ряду в гостинном
А шесть уж как лавочек с дорогими он товарами,
Ай записался Садко в купцы да в новгородский,
Ай как стал теперь Садко купец богатый.
А как стал торговать Садко да теперечку
В своем да он во городе,
Ай как стал ездить Садко торговать да по всем местам,
Ай по прочим городам да он по дальним,
Ай как стал получать барыши да он великии.
Ай как тут да после этого
А женился как Садко купец новгородский богатый,
А еще как Садко после этого
Ай как выстроил он палаты белокаменны,
Ай как сделал Садко да в своих он палатушках,
Ай как обделал в теремах все да по небесному:
Ай как на небе пекёт да красное солнышко,
В теремах у его пекёт да красно солнышко;
Ай как на небе светит млад да светёл месяц,
У его в теремах да млад светёл месяц;
Ай как на небе пекут да звезды частыи,
А у его в теремах пекут да звезды частыи;
Ай как всем изукрасил Садко свои палаты белокаменны.
Ай теперь как ведь после этого
Ай собрал Садко столованье да почёстен пир,
Ай как всех своих купцев богатых новгородских,
Ай как всех-то господ он своих новгородских,
Ай как он еще настоятелей своих да новгородских;
Ай как были настоятели новгородские:
Ай Лука Зиновьев ведь да Фома да Назарьев ведь;
А еще как собрал-то всех мужиков новгородских,
Ай как повел Садко столованье почёстен пир богатый.
А теперь как все у Садка на честном пиру
Ай как все у Садка да напивались,
Ай как все у Садка теперь да наедались,

Ай похвальбами-то все да похвалялися.
Ай кто чем на пиру уж как хвастает,
Ай кто чем на пиру похваляется:
А иной как хвастает несчётной золотой казной,
А иной хвастает как добрым конем,
А иной хвастает силой могучею, богатырскою,
А иной хвастает славным отечеством,
А иной хвастает молодым да молодечеством;
А как умной-разумной как хвастает
Старым батюшкой да старой матушкой,
Ай безумный дурак уж как хвастает
Ай своей да молодой женой.
Ай как ведь Садко по палатушкам он похаживает,
Ай Садко ли-то сам да выговаривает:
„Ай же вы, купцы новгородские, вы богатые,
Ай же все господа новгородские,
Ай же все настоятели новгородские,
Мужики как вы да новгородские!
А у меня как все вы на честном пиру
А все вы у меня как пьяны, веселы,
А как все на пиру напивались,
Ай как все на пиру да наедались,
Ай похвальбами все вы похвалялися.
Ай кто чем у вас теперь хвастает:
А иной хвастает как былицею,
А иной хвастает у вас да небылицею.
А как чем буде мне, Садку, теперь похвастати?
Ай у меня у Садка новгородского
А золота казна у меня теперь не тóщится,
А цвётное платьице у меня теперь не держится,
Ай дружинишка хоробрая не изменяется;
А сколько мне, Садку, буде похвастати
Ай своей мне несчётной золотой казной:
Ай на свою я несчётну золоту казну
Ай повыкуплю я как все товары новгородские,
А как все худы товары я добрые,
А что не буде боле товаров в продаже во городе“.

Пир у Садко.

С рисунка И. Е. Решина (1904 г.)
(Государственный Русский музей в Ленинграде.)

Ай как ставали тут настоятели ведь новгородскии,
Ай Фома да Назарьев ведь,

А Лука да Зиновьев ведь,

Ай как тут ставали да на резвьи ноги, ✓

Ай как говорили сами ведь да таковы слова:

„Ай же ты, Садко, купец богатый новгородский!

А о чем ли о многом бьешь с нами о велик заклад,

Ежели выкупишь товары новгородскии,

Ай худы товары, все добрыи,

Чтобы не было в продаже товаров да во городе?“

Ай говорил Садко им наместо таковы слова:

„Ай же вы настоятели новгородскии!

А сколько угодно, у меня хватит заложить

бессчѣтной золотой казны“.

Ай говорят настоятели наместо новгородскии:

„Ай же ты, Садко, да новгородский!

А хоть ударь с нами ты о тридцати о тысячах“.

А ударил Садко о тридцати да ведь о тысячах.

Ай как все со честного пиру разъезжались,

Ай как все со честного пиру разбирались

Ай как по своим домам, по своим местам.

Ай как тут Садко, купец богатый новгородский,

Ай как он на дрúгой день вставал по утру да по раннему,

Ай как ведь будил он свою ведь дружинишку хоробрую,

Ай давал как он да дружинишке

Ай как дó-люби он бессчѣтные золоты казны:

А как спущал он по улицам торговым,

Ай как сам прямо шел во гостиный ряд,

Ай как тут повыкупил он товары новгородскии,

Ай худы товары, все добрыи.

Ай ставал как на дрúгой день

Садко, купец богатый новгородский,

Ай как он будил дружинишку хоробрую,

Ай давал уж как дó-люби бессчѣтные золоты казны,

Ай как сам прямо шел во гостиный ряд,

Ай как тут много товаров принавѣзено,

Ай как много товаров принаполнено

Ай на ту на славу великую новгородскую.
Он повыкупил еще товары новгородскии,
Ай худы товары, все дѣбрыи.
Ай на третій день ставал Садко, купец богатый
новгородскій
Ай будил как он да дружинишку хоробрую, ✓
Ай давал уж как дѣ-люби дружинишке
Ай как много несчѣтной золотой казны,
Ай как распушал он дружинишку по улицам торговым,
Ай как сам он прямо шел да во гостинный ряд, —
Ай как тут на славу великую новгородскую
Ай подоспели как товары ведь московскии,
Ай как тут принаполнился как гостинный ряд
Ай дорогими товарами ведь московскими.
Ай как тут Садко теперь да пораздумался:
„Ай как я повыкуплю еще товары все московскии,
Ай на тую на славу великую новгородскую
Ай подоспеют ведь как товары заморскии:
Ай как ведь теперь уж как мне, Садку,
Ай не купить как товаров ведь
Со всего да белá свету.
Ай как лучше пусть не я да богáтее,
Ай Садко, купец да новгородскій,
А и как пусть побогáтее меня славный Нов-город,
Что не мог же я да повыкупить
Ай товаров новгородскиих,
Чтобы не было продажи да во городе;
А лучше отдам я денежек тридцать тысячей —
Залог свой великий!“
А отдавал уж как денежек тридцать тысячей,
Отпирался от залогу да великого.
А потом как построил тридцать кóраблей,
Тридцать кóраблей, тридцать черных,
Ай как ведь свалил он товары новгородскии
Ай на черныи на кóрабли,
Ай поехал торговать купец богатый новгородскій
Ай как на своих на черных на кóраблях.

А поехал он да по Волхову,
Ай со Волхова он во Ладожско.
А со Ладожского выплывал да во Неву-реку,
Ай как со Невы-реки как выехал на синё морé. ✓
Ай как ехал он по синю морю,
Ай как тут воротил он в Золоту Орду.
Ай как там продавал он товары да ведь новгородскии,
Ай получал он барыши теперь великии,
Ай как насыпал он бочки ведь сороковки-ты
Ай как красного золота;
Ай насыпал он много бочек да чистого сéребра,
А еще насыпал он много бочек мелкого, он
крупного скатного жемчугу.

А как потом поехал он з-за Золотой Орды,
Ай как выехал теперечку опять да на синё морé,
Ай как на синём мори устоялися да черны кóрабли,
Ай как волной-то бьет и паруса-то рвет,
Ай как ломат черны кóрабли,
А все с места не йдут черны кóрабли.
Ай воспрогóворил Садко, купец богатый новгородский
Ай ко своей он дружинишке хоробры:
„Ай же ты, дружина хоробрая!
Ай как сколько по морю ни ездили,
А мы морскому царю дани да не плачивали.
А теперь-то дани требует морской-то царь в синё морé“.
Ай тут говорил Садко, купец богатый новгородский:
„Ай же ты, дружина хоробрая!
Ай возьмите-тко вы, мечи-тко в синё морé
Ай как бочку-сороковку красного золота“.
Ай как тут дружина да хоробрая
Ай как брали бочку-сороковку красного золота,
А метали бочку в синё морé.
Ай как все волной-то бьет, паруса-то рвет,
Ай ломат черны кóрабли да на синём мори,
Все не йдут с места кóрабли да на синём мори.
Ай опять воспрогóворил Садко, купец богатый
новгородский

Ай своей как дружинишке хоробрыи:

„Ай же ты, дружинишка моя ты хоробрая!

А видно мало этой дани царю морскому в синё
морé:

Ай возьмите-тко вы, мечи-тко в синё морé

Ай как другую ведь бочку чистого сéребра“.

Ай как тут дружинишка хоробрая

А кидали как дрúгую бочку в синё морé

А как чистого да сéребра,

Ай как все волной-то бьет, паруса-то рвет,

Ай ломат черны кóрабли да на синём мори,

А все не йдут с места кóрабли да на синём мори.

Ай как тут говорил Садко, купец богатый новгородский,

Ай как своей он дружинишке хоробрыи:

„Ай же ты, дружина хоробрая!

Видно, этой мало как дани в синё морé:

А берите-тко третью бочку да крупного, мелкого
скатного жемчугу.

А кидайте-тко бочку в синё морé“.

А как тут дружина хоробрая

Ай как брали бочку крупного, мелкого

скатного жемчугу,

А кидали бочку в синё морé.

Ай как все на синём мори стоят да черны кóрабли,

А волной-то бьет, паруса-то рвет,

Ай как всё ломат черны кóрабли,

Ай все с места не йдут да черны кóрабли.

Ай как тут говорил Садко, купец богатый новгородский,

А своей как дружинишке он хоробрыи:

„Ай же ты, любезная как дружинишка да хоробрая!

А, видно, морской-то царь требуе как живой головы
у нас в синё морé.

Ай же ты дружина хоробрая!

Ай возьмите-тко уж как делайте

Ай да жéребья да себе вóлжаны,

Ай как всяк свои ймена вы пишите на жéребьи,

А слушайте жéребья на синё морé;

А я сделаю себе-то я жеребей на красное-то на золото¹.

Ай как спустим жеребья теперь мы на синё морé:

Ай как чей у нас жеребей теперь да ко дну пойдёт,

А тому итти как у нас да в синё морé“.

А у всей как у дружины хоробрыи

А и жеребья́ теперь гоголём плывут,

Ай у Садка купца, гостя богатого, да ключом на дно.

Ай говорил Садко таковы слова:

„Ай как эти жеребья есть неправильны;

Ай вы сделайте жеребья́ как на красное да золото,

А я сделаю жеребей да дубовыи.

Ай как вы пишете всяк свои имена да на жеребьи,

Ай спускайте-тко жеребьи на синё морé:

Ай как чей у нас жеребей да ко дну пойдёт,

А тому как у нас итти да в синё морé“.

Ай как вся тут дружинушка хоробрая

Ай спускали жеребья́ на синё морé,

Ай у всей как у дружинушки хоробрыи

Ай как все жеребья́ как теперь да гоголём плывут,

А Садков как жеребей да теперь ключом на дно.

Ай опять говорил Садко да таковы слова:

„А как эти жеребьи есть неправильны.

Ай же ты дружина хоробрая!

Ай как делайте вы как жеребья́ дубовыи,

Ай как сделаю я жеребей липовый,

А как будем писать мы имена все на жеребьи,

А спускать уж как будем жеребья́ мы на синё морé,

А теперь как в остатних:

Как чей теперь жеребей ко дну пойдёт,

Ай тому как итти у нас да в синё морé“.

Ай как тут вся дружина хоробрая

Ай как делали жеребьи все дубовыи,

А он делал уж как жеребей себе липовый,

Ай как всяк свои имена да писали на жеребьи,

Ай спускали жеребья́ на синё морé.

¹ То-есть с золотой надписью (по объяснению сказителя).

А у всей дружинишки ведь хороброей
Ай жеребья теперь гоголём плывут да на синём мори,
А у Садка, купца богатого новгородского, ключом
на дно.

Зин
А как тут говорил Садко таковы слова:

„Ай как видно, Садку да делать теперь нечего,
Ай самого Садка требует царь морской да в синё морё.
Ай же ты, дружинишка да моя хоробрая, любезная!
Ай возьмите-тко вы несите-тко

Ай мою как чернильницу вы вальячную,
Ай несите-тко как перо лебединое,
Ай несите-тко вы бумаги теперь вы мне гербовыи“.

Ай как тут как дружинишка ведь хоробрая
А несли ему как чернильницу да вальячную,
Ай несли как перо лебединое.

Ай несли как лист-бумагу как гербовую.

Ай как тут Садко, купец богатый новгородский,

А садился он на ремёнат стул

А к тому он к столику ко дубовому,

Ай как начал он именьица своего да он отписывать:

А как отписывать он именя по божьим церквям,

Ай как много отписывал он именя нищей братии,

А как ино именьице он отписывал да молодой жене,

Ай доставное именя отписывал дружине он хороброей.

Ай как сам потом заплакал он,

Говорил он как дружинишке хороброей:

„Ай же ты, дружина хоробрая да любезная!

Ай полагайте вы доску дубовую на синё морё,

А что мне свалиться Садку мне-ка на доску,

А не то как страшно мне принять смерть во синём мори“.

Ай как тут он еще взимал с собой свои гусёлки яробчаты,

Ай заплакал горько, прощался он с дружинишкой
хороброю,

Ай прощался он теперечку со всем да со белым светом,

Ай как он теперечку как прощался ведь

А со своим он со Новым со городом.

А потом свалился на доску он на дубовую.

Ай понесло как Садка на доске да по синю морю.
Ай как тут побежали черны-то корабли,
Ай как будто полетели черны вороны;
Ай как тут остался теперь Садко да на синём мори.
Ай как ведь со страху великого
А заснул Садко на той доске на дубовыи.
А как ведь проснулся Садко, купец богатый новгородский.
Ай в окиян-море да на самом дне,
А увидел сквозь воду пекёт красно солнышко.
А как ведь очутился возле палаты белокаменной,
А заходил как он в палату белокаменну:
Ай сидит теперь как во палатушках
Ай как царь-то морской теперь на стуле ведь.
Ай говорил царь-то морской таковы слова:
„Ай как здравствуйте, купец богатый
Садко да новгородский!
Ай, как сколько по морю ни ездил ты,
Ай как морекому царю дани не плачивал в синё морё,
Ай теперь уж сам весь пришел ко мне да во подарочках.
Ах скажут, ты мастёр играть во гусли во ярбчаты.
А поиграй-ко мне как в гусли во ярбчаты“.
А как тут Садко видит, в синем море делать нечего:
Принужон он играть как во гусли во ярбчаты.
Ай как начал играть Садко как во гусли во ярбчаты,
А как начал плясать царь морской теперь в синём мори:
А от него сколебалося все синё морё,
А сходилася волна да на синём мори,
Ай как стал он разбивать много черных кораблей да на
синём мори;
Ай как много стало ведь тонуть народу да в синё морё.
Ай как много стало гинуть именица да в синё морё,
А как теперь на синём мори многи люди добрыи,
Ай как многи ведь да люди православныи,
От желаньца как молятся Миколу да Можайскому,
Ай чтобы повынес Миколай их угодник из синя моря.
А как тут Садка новгородского как чеснуло в плечо
да во правое,

Ай как обернулся назад Садко, купец богатый
новгородский,
А стоит как теперь старичок да назади уж как белый
седатыи,

Ай как говорил да старичок таковы слова:

„Ай как полно те играть, Садко, во гусли во ярóвчаты
в синём мори!“

Ай говорит Садко как наместо таковы слова:

„Ай теперь у меня не своя воля да в синём мори,
Заставлят как играть меня царь морской“.

Ай как говорил опять старичок наместо таковы слова:

„Ай как ты, Садко, купец богатый новгородский!

Ай как ты струночки повърви-ко,

Как шпенёчки повыломаи,

Ай как ты скажи теперь царю морскому ведь:

„Ай у меня струн не случилось,

Шпенёчков у меня не пригодилось,

Ай как боле играть у меня не во что“.

А тебе скаже как царь морской:

„Ай не угодно ли тебе, Садко, жениться в синём мори

Ай на душечке как на красной на девушке?“

Ай как ты скажи ему теперь да в синём мори,

Ай скажи: „Царь морской, как воля твоя теперь

в синём мори,

Ай как что ты знаешь, то и делай-ко“.

Ай как он скажет тебе да теперечку:

„Ай заутра ты приготовляйся-тко,

Ай, Садко, купец богатый новгородский,

Ай выбирай, как скажет, ты девицу себе по уму,

по разуму“.

Так ты смотри, — перво три ста девиц ты стадо пропусти,

А ты другое три ста девиц ты стадо пропусти,

А как третье три ста девиц ты стадо пропусти,

А в том стаде на конце на остатнием

Ай идет как девица красавица,

А по фамилии как, Чернава-то:

Так ты эту Чернаву-то бери в замужество, —

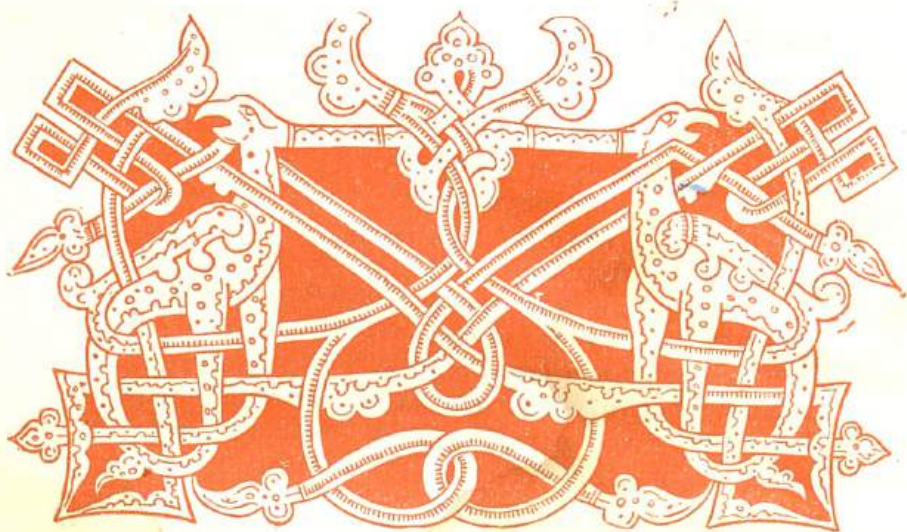
Ай тогда ты, Садко, да счастлив будешь.
Как проснешься тут ты в синём мори,
Так будешь в Новё-граде на крутом кряжу,
А о ту реченьку о Чернаву-ту.
А когда ты будешь ведь на святой Руси,
Да во своем да ты да во городе,
Ай тогда построй ты церковь соборную
Да Миколе да Можайскому.
Ай как есть я Микола Можайский“.
А как тут потерялся теперь старичок да седатыи
Ай как тут Садко, купец богатый новгородский в синём
мори

Ай как струночки он повёрывал,
Шпенёчки у гусёлышек повыломал,
А не стал ведь он боле играть во гусли во ярóвчаты.
Ай остоялся как царь морской,
Не стал плясать он теперь в синём мори,
Ай как сам говорил уж царь таковы слова:
„А что же не играшь, Садко, купец богатый новгородский,
Ай во гусли ведь да во ярóвчаты?“
Ай говорил Садко таковы слова:
„Ай теперь струночки как я повёрывал,
Шпенёчки я повыломал,
А у меня боле с собой ничего да не случилось“.
Ай как говорил царь морской:
„Не угодно ли тебе жениться, Садко, в синём мори.
Ай как ведь на душечке на красной да на девушке?“
Ай как он наместо ведь говорил ему:
„Ай теперь как волюшка твоя надо мной в синём мори“.
Ай как тут говорил уж царь морской:
„Ай же ты, Садко, купец богатый новгородский!
Ай заўтра выбирай себе девицу да красавицу
По уму себе да по разуму“.
Ай как дошло дело до ўтра ведь до раннего,
Ай как стал Садко, купец богатый новгородский,
Ай как пошел выбирать себе девицы красавицы,
Ай посмотрит, стоит уж как царь морской.

Ай как три ста́ девиц повели мимо их-то ведь,
А он-то перво три ста́ девиц да стадо про́пустил,
А дру́го он три ста́ девиц да стадо про́пустил,
Аи третье он три ста́ девиц да стадо про́пустил.
А посмотрит, позади идет деви́ца красавица,
Аи по фамилии, что как зовут Черна́вою.
А он ту Черна́ву любовал, брал за себя во замужество.
Аи как тут говорил царь морской таковы слова:
„Аи как ты умел да жениться, Садко, в синём мори!“
А теперь как пошло у них столованье да почёстен пир
в синём мори,
Аи как тут прошло у них столованье да почёстен пир,
А как тут ложился спать Садко, купец богатый
новгородский,
Аи как он проснулся Садко, купец богатый новгородский,
~~Ажно очудился Садко во своем да во городе,~~
О реку о Черна́ву на крутом кряжу. ?
Аи как тут увидел, бежат по Волхову
А свои да черныи да корабли,
А как ведь дружинушка как хоробряя,
А поминают ведь Садка в синём мори.
Аи Садка, купца богатого, да жена его
А поминат Садка со всей дружиною хороброю.
А как тут увидела дружинушка,
Что стоит Садко на крутом кряжу да о Волхово,
Аи как тут дружинушка вся она расчудовалася,
Аи как тому чуду ведь сдивовалася,
Что оставили мы Садка да на синём мори,
А Садко впереди нас да во своем во городе.
Аи как встретил ведь Садко дружинушку хороброю,
Все черныи тут корабли.
А как теперь поздоровкались,
Пошли во палаты Садка, купца богатого.
А как он теперечку здоровкался со своею с молодой женой,
Аи теперь как он после этого
Аи повыгрузил он со кораблей
А как все свое да он именьеце,

1. Ай повыкатил как он всю свою да несчётну золоту казну.
Ай теперь как на свою он несчётну золоту казну
2. А и сделал церковь соборную
Миколе да Можайскому,
3. Ай как другую церковь сделал пресвятыи богородице.
Ай теперь как ведь да после этого
Ай как начал господу богу он да молитися,
Ай о своих грехах да он прощатися,
А как боле не стал выезжать да на синё морё,
Ай как стал проживать во своем да он во городе.
А и теперь как ведь да после этого
Ай тому да всему да славы поют.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ И МУЖИКИ НОВГОРОДСКИЕ

славном великом Новѣ-градѣ,
А и жил Буслай до девяноста лет:
С Нѡвым-городом жил, не перечился,
Со мужики новгородскими
Поперек словечка не говаривал.
Живучї, Буслай состарился.
Состарился и переставился;

После его веку долгого,
Оставалось его житьѣ-бытьѣ
И все имение дворянское;

Осталася матерá вдова,
Матерá Амелфа Тимофеевна,
И осталось чадо милое,
Молодой сын Василий Буслаевич.
Будет Васенька семи годов,
Отдавала матушка родимая,
Матерá вдова Амелфа Тимофеевна,

1. Учить его во грамоте:

А грамота ему в наук пошла;
Присадила пером его писать:
Письмо Василью в наук пошло;

2. Отдавала петью учить церковному:

Петье Василью в наук пошло.
А и нет у нас такого невца
Во славном Нове-городе
Супротив Василья Буслаева!
Повбдилися, ведь Васька Буслаевич
Со пьяницы; с безумницы,
С веселыми, удальми добрыми молодцы,
До-пьяна уж стал напиватися,
А и ходит в городе уродует:
Которого возьмет он за руку,
Из плеча тому руку выдернет;
Которого заденет за ногу,
То у того ногу выломит;
Которого хватит поперек хребта,
Тот кричит, ревет, окарачь ползет.
Пошла-то жалоба великая:
А и мужики новгородские
Посадские, богатые
Приносили жалобу они великую
Матерой вдове Амелфе Тимофеевне
На того на Василья Буслаева;
А и мать-то стала его журить-бранить,
Журить-бранить, его на ум учить.
Журьба Ваське не влюбилася,
Пошел он, Васька, во высок терем,

Садился Васька на ременчатой стул,
Писал ярлыки скорописчаты,
От мудрости слово поставлено:
„Кто хочет пить и есть из готового,
Валися к Ваське на широкой двор, —
Тот пей и ешь готовое
И носи платье разноцветное“.
Рассылал те ярлыки со слугой своим
На те улицы широкие
И на те частые переулочки.
В то время поставил Васька чап среди двора,
Наливал чап полон зеленá вина,
Опущал он чару в полтора ведра.
Во славном было во Нове-градé
Грамотные люди шли,
Прочитали те ярлыки скорописчаты,
Пошли ко Ваське на широкой двор
К тому чану зеленá вина;

1. В начале был Костя Новоторженин,
Пришел он, Костя, на широкой двор;
Василий тут его опробовал,
Стал его бити червленым вязом.
В половину было налито
Тяжела свинцу чебурацкого,
Весом тот вяз был во двенадцать пуд;
А бьет он Костю по буйной голове,
Стоит тут Костя не шевельнется,
И на буйной голове кудри не тряхнутся.
Говорил Василий, сын Буслаевич:
„Гой еси ты, Костя Новоторженин!
А и будь ты мне названой брат,
И паче мне брата родимого“.

2. А и мало время позамешкавши,
Пришли два брата бойрченка,
Лука и Моисей, дети боярские,
Пришли ко Ваське на широкой двор;
Молодой Василий, сын Буслаевич

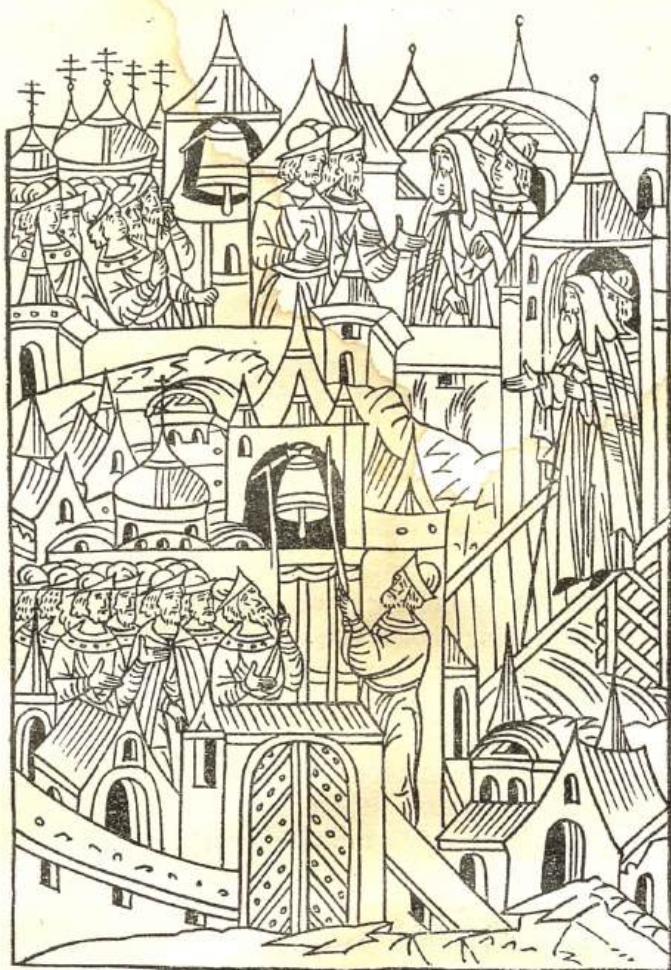
- Тем молодцам стал радостен и веселёшенек.
3. Пришли тут мужики Залёпена:
И не смел Василий показаться к ним.
4. Еще тут пришло семь братьев Сбродовичи:
Собиралися, сходилися
Тридцать молодцов без единого,
Он сам, Василий, тридцатой стал.
Какой зайдет, убьют его,
Убьют его, за ворота бросят.
Послышал Васенька Буслаевич,
У мужиков новгородских
Канун варён, пива ячные;
Пошел Василий со дружиною,
Пришел во братчину в Никольщину:
„Не малу мы тебе сыпь платим:
За всякого брата по пяти рублёв“.
А за себя-то, Василия, дает пятьдесят рублёв.
А и тот-то староста церковной
Принимал их во братчину в Никольщину;
А и зачали они тут канун варён пить,
А и те-то пива ячные.
Молодой Василий, сын Буслаевич,
Бросился на царёв кабак
Со своей дружиною хороброю;
Напилися они туто зеленá вина
И пришли во братчину в Никольщину.
А и будет день ко вечеру,
От малого до старого
Начали уж ребята боротися.
А в ином кругу в кулаки битися;
От тоё борьбы от ребячие,
От того от бою кулачного
Началася драка великая;
Молодой Василий стал драку разнимать,
А иной дурак зашёл с носка,
Его по уху оплёл;
А и тут Василий закричал громким голосом:

„Гой еси ты, Костя Новотбржеши,
И Лука, Моисей, дети боярские!
Уже Ваську меня бьют“.
Поскакали удалы добры мблодцы,
Скоро они улицу очистили,
Прибили уж много дб-смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки, ноги перелбмали;
Кричат, ревут мужики посадские,
Говорит тут Василий Буслаевич:
„Гой еси вы, мужики новгородские!

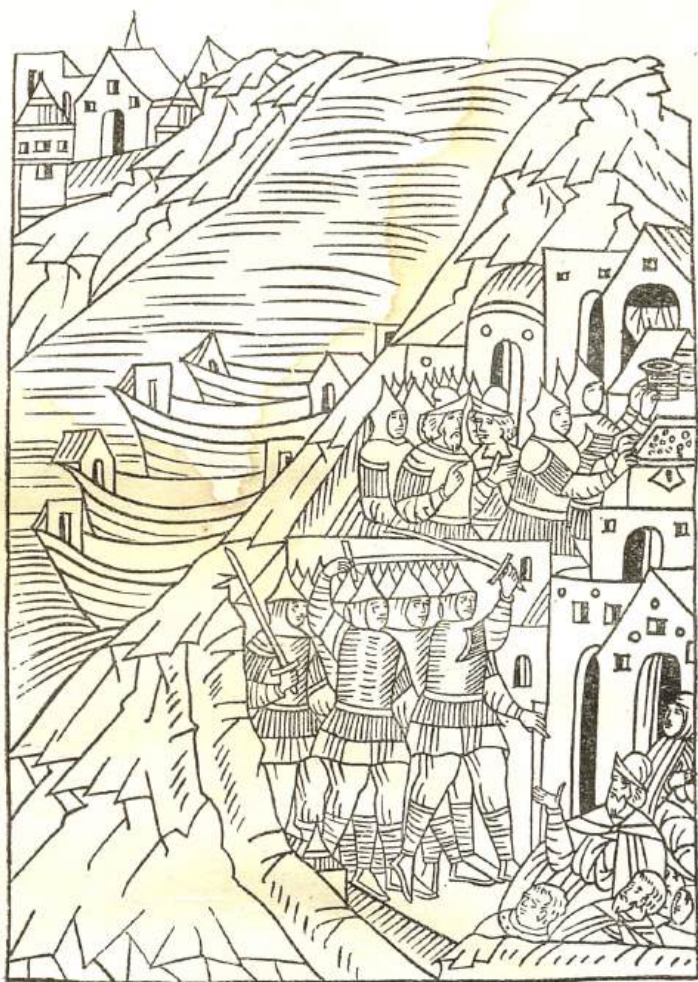
Бьюсь я с вами о велик заклад:
Напущаюсь я на весь Нов-город
Битися, драться, со всею дружиною хороброю;
Тако вы меня с дружиною побьете Нбвым-гбродом.
Буду вам платить дани-выходы по смерть свою,
На всякой год по три тысячи;
А буде же я вас побью,
И вы мне покоритесь,
То вам платить мне такову же дань“.
И в том-то договоре руки они поднйсали,
Началась у них драка-бой великая:
А и мужики новгородские,
И все купцы богатые,
~~Все они вместе сходилися,~~
На млада Васютку напущалися;
И дерутся они день до вечера.
Молодой Василий, сын Буслаевич,
Со своею дружиною хороброю,
Прибили они во Новб-градб,
Прибили уже много дб-смерти;
А и мужики новгородские догадалися,
Пошли они с дорогими подарками
К матербй вдове Амелфе Тимофеевне:
„Матерб вдова Амелфа Тимофеевна!
Прими у нас дорогб подарочки,
Уйми свое чадо милое,

Василия Буслаевича“.
Матерá вдова Амелфа Тимофеевна
Принимала у них дорогí подарочки,
Посылала девушку черна́вушку
По того Василия Буслаева.
Прибежала девушка черна́вушка,
Сохватала Ваську во белы́ руки́,
Потацила матушке родимые,
Притацила Ваську на широкой двор;
А и та старуха неразмышлена
Посадила в погреба глубокие
Молода Василья Буслаева,
Затворяла дверьми железными,
Запирала замки булатными.
А его дружина хоробрая
Со теми мужики новгородскими
Дерутся, бьются день до вечера;
А и та-то девушка черна́вушка
На Волх-реку ходила по воду,
А взмолятся ей тут дбры мблодцы:
„Гой еси ты, девушка черна́вушка!
Не подай нас у дела у ратного,
У того часу смертного“.
И тут девушка черна́вушка
Бросала она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисово,
Коромыслом тем стала она помахивати
По тем мужикам новгородским, —
Прибила уж много дб-смерти;
И тут девка запыхалася,
Побежала ко Василью Буслаеву,
Срывала замки булатные,
Отворяла двери железные:
„А и спишь ли, Василий, или так лежишь?
Твою дружину хоробрую
Мужики новгородские
Всех перебили, переранили,

Булавами буйны головы пробиваны“.
Ото сна Василий пробуждается,
Он выскочил на широкой двор, —
Не попала палица железная,
Что попала ему ось тележная,
Побежал Василий по Нову-городу,
По тем по широким улицам.
Стоит тут старец Пилигримище,
На могучих плечах держит колокол,
А весом тот колокол во триста пуд;
Кричит тот старец Пилигримище:
„А стой ты, Васька, не попорхивай,
Молодой глуждырь, не полётывай!
Из Волхова воды не выпити,
Во Нове-граде людей не выбити:
Есть мблодцов супротив тебя,
Стоим мы, мблодцы, не хвастаем“.
Говорил Василий таковое слово:
„Ай гой еси, старец Пилигримище!
А и бился я о велик заклад
Со мужики новгородскими,
Опричь почестного монастыря,
Опричь тебя, старца Пилигримища.
Во задор войду — тебя убью“.
Ударил он старца во колокол
А и той-то осью тележною —
Качается старец, не шевельнется;
Заглянул он, Василий, старца под колоколом,
А и во лбе глаз — уж веку нету.
Пошел Василий по Волх-реке,
А идет Василий по Волх-реке,
По той Волховой по улице;
Завидели добрые мблодцы,
А его дружина хоробрая,
Молода Василия Буслаева, —
У ясных соколов крылья отросли,
У них-то, мблодцов, думушки прибыло:

Новгородцы собираются на вече.
С миниатюры из рукописи XV в.

Новгородские ушкуйники грабят Кострому.
С миниатюры из рукописи XV в.

Молодой Василий Буслаевич
Пришел-то мѡлодцам на выручку;
Со теми мужики новгородскими
Он дерется, бьется день до вечера.
А уж мужики покорилися,
Покорилися и помирился:
Понесли они записи крепкие
К матерѡй вдове Амелфе Тимофеевне,
Насыпали чашу красного золота;
Пришли ко двору дворянскому,
Бьют челом, поклоняются:
„Осударыня матушка!
Принимай ты дорогі подарочки,
А уйми свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною;
А и рады мы платить
На всякой год по три тысячи,
На всякой год будем тебе носить:
С хлебников по хлебику,
С калачников по калачику,
С молодиц повенечное,
С девиц повалечное,
Со всех людей ремесленных,
Опрічь попов и дьяконов“.
В та поры матерá вдова
Амелфа Тимофеевна
Посылала девушку чернавушку
Привести Василья со дружиною.
Пошла та девушка чернавушка;
Бежавши, та девка запыхалася,
Нельзя пройти девке по улице:
Что полтей по улице валяются
Тех мужиков новгородских.
Прибежала девушка чернавушка,
Сохватила Василия за белы руки,
А стала ему рассказывати:
„Мужики пришли новгородские,

Принесли они дорогі подарочки,
И принесли записи заручные
Ко твоей сударыне матушке,
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне".
Повела девка Василья со дружиною
На тот на широкой двор.
Привела-то их к зелену вину:
А сели они, молодцы, во единый круг,
Выпили ведь по чарочке зеленá вина,
С того уразу молодецкого
От мужиков новгородских;
Вскричат тут ребята зычным голосом:
„У мота и у пьяницы,
У млада Васютки Буслаевича,
Не упито, не уедено,
А в красне хорошо не ухожено,
А цвётного платья не уошено,
А увечье на век залезено".
И повел их Василий обедати
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
В та поры мужики новгородские
Приносили Василью подарочки —
Вдруг сто тысячей, —
И за тем у них мировá пошла:
А и мужики новгородские
Покорилися и сами поклонилися.

ВАСИЛИЙ БУСЛАВЪ МОЛНТЬСЯ ЕЗДИЛ

од славным Великим Новым-городом,
По славному озеру по Ильмену
Плавает, поплывает сер селезень,
Как бы ярой гоголь поныривает;
Ауплавает, поплавает червлён корабль
Как бы мѳлода Василья Буславьевича,
А и мѳлода Василья со его дружиною хороброю.

Тридцать удалых мѳлодцов:
Костя Никитин корму держит,
Маленькой Потаня на носу стоит.

А Василий-то по кораблю похаживает,
Таковы слова поговаривает:
„Свет, моя дружина хоробрая,
Тридцать удалых добрых молодцов!
Ставьте корабль поперек Ильмена,
Приставайте, молодцы, ко Нову-городу“.
А и тынками к берегу притыкались,
Сходни бросали на крутой бережок.
Походил тут Василий ко своему он двору дворянскому,
И за ним идет дружинишка хоробрая,
Только караулы оставили.
Приходит Василий Буслаевич
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударыне матушке,
Матерой вдове Амелфе Тимофеевне,
Как вьюн около ее увивается,
Просит благословение великое:
„А свет ты, моя сударыня матушка,
Матерá вдова Амелфа Тимофеевна!
Дай мне благословение великое:
Итти мне, Василью, в Ерусалим-град
Со своею дружиною хороброю,
Мне-ка господу помолитися,
Святой святыне приложитися,
Во Ердане-реке искупатися“.
Что взгóворит матерá Амелфа Тимофеевна:
„Гой еси ты, чадо мое милое,
Молодой Василий Буслаевич!
То коли ты пойдешь на добрые дела,
Тебе дам благословение великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
А и не носи Василья сыра-земля!“
Камень от огня разгорается,
А булат от жару растопляется,
Материно сердце распущается;
И дает она много свинцу, пороху,
И дает Василью запасы хлебные,

Бусланович
к

И дает оружье долгомерное:
„Побереги ты, Василий, буйну голову свою“.
Скоро молодцы собираются
И с матерой вдовой прощаются.
Походили они на червлён корабль,
Поднимали тонкие парусы полóтняные,
Побежали по озеру Ильмену.
Бегут они уж сутки, другіе,
А бегут уже неделю, другую, —
Встречу им гости-корабельщики:
„Здравствуй, Василий Буслаевич!
Куда, мóлодец, поизволил погулять?“
Отвечает Василий Буслаевич:
„Гой еси вы, гости-корабельщики!
А мое-то ведь гулянье неохотное:
С молоду бито много, граблено,
Под старость надо душа спасти.
А скажите вы, мóлодцы, мне прямого пути
Ко святому граду Ерусáлиму“.
Отвечают ему гости-корабельщики:
„А и гой еси, Василий Буслаевич!
Прямым путем в Ерусáлим-град
Бежать семь недель,
А окольной дорогой полтора годá.
На славном море Каспійском,
На том острове на Кумінском
Стоит застава крепкая,
Стоят атаманы казачие:
Не много, не мало их — три тысячи;
Грабят бусы, гáлеры,
Разбивают червлёны корабли“.
Говорит тут Василий Буслаевич:
„А не верую я, Вáсюнка, ни в сон, ни в чох,
А и верую в свой червлёной вяз.
А бегите-ка, ребята, вы прямым путем“.
И завидел Василий гору высокую,
Приставал скоро ко крúту берегу;

Походил Василий, сын Буслаевич,
На ту ли гору Сорочинскую,
И за ним летит дружина хоробрай.
Будет Василий в полѹ-горе,
Тут лежит пуста голова,
Пуста голова, человечьа кость;
Пнул Василий тоѹ голову с дороги прочь;
Провещится пуста голова человеческая:
„Гой еси ты, Василий Буслаевич!
Ты к чему меня, голову, побрасываешь?
Я, мблodeц, не хуже тебя был;
Умею я, мблodeц, валятися:
А на той горе Сорочинские,
Где лежит пуста голова,
Пуста голова молодецкая,
И лежать будет голове Васильевой!“ *! иророг.*
Плюнул Василий, прочь пошел:
„Али, голова, в тебе враг говорит,
Или нечистой дух“.
Пошел на гору высокую,
На самой сошке тут камень стоит,
В вышину три сажени печатные,
А и через его только топор подать,
В долину три аршина с четвертью;
И в том-то подпись подписана:
„А кто-де станет у камня тешиться,
А и тешиться, забавлятися,
Вдоль скакать по камению,
Сломить будет буйцу голову“.
Василий тому не верует,
Приходил со дружиною хороброю;
Стали мблodцы забавлятися,
Поперек того камению поскакивати,
А вдоль-то его не смеют скакать.
Пошли со горѹ Сорочинские,
Сходят они на червлѹен корабль,
Подымали тонки парусы полбтняны,

Побежали по морю Каспийскому
На ту на заставу корабельную,
Где-то стоят казаки-разбойники,
А стары атаманы казачие,
На пристани их стоит сто человек,
А и мѡлодой Василий на пристани стал,
Сходни бросали на крут бережок,
А скочил-то Буслаев на крут бережок,
Червлѣным вязом понирается.
Тут караульщики, удалы добры мѡлодцы,
Все на карауле испужались,
Много его не дожидаются,
Побежали с пристани корабельные
К тем атаманам казачим.
Атаманы сидят, не дивуются,
Сами говорят таково слово:
„Стоим мы на ѡстрову тридцать лет,
Не видали страху великого.
Это-де идет Василий Буслаевич:
Знать-де полѣтка соколиная,
Видать-де поступка молодецкая“.
Пошагал-то Василий со дружиною,
Где стоят атаманы казачие;
Пришли они, стали во единой круг.
Тут Василий им поклоняется,
Сам говорит таково слово:
„Здравствуйте, атаманы казачие!
А скажите вы мне прямого пути
Ко святому граду Ерусалиму“.
Говорят атаманы казачие:
„Гой еси, Василий Буслаевич!
Милости тебя просим за единой стол хлеба кунати“,
В та поры Василий не ослушался,
Садился с ними за единой стол;
Наливали ему чару зеленá вина в полтора ведра;
Принимал Василий единѡй рукой
И выпил чару единѡм духѡм;

И только атаманы тому дивуются,
А сами не могут и по полú-ведра пить.
И хлеба с солью откушали.
Сбирается Василий Буслаевич
На свой червлён корабль;
Дают ему атаманы казачие подарки свои:
Первую мису чиста сéребра
И дрúгую krásна золота,
Третью скатного жемчуга;
За то Василий благодарит и кланяется,
Просит у них до Ерусáлима провожатого.
Тут атаманы Василью не откáзывали,
Дали ему мóлодца провожатого
И сами с ним прощáлися.
Собрался Василий на свой червлён корабль.
Со своею дружиною хороброю;
Подымали тонки парусы полóтняные,
Побежали по морю Каспийскому.
Будут они во Ердань-реке,
Бросали якори крепкие,
Сходни бросали на крут бережок.
Походил тут Василий Буслаевич,
Со своею дружиною хороброю,
В Ерусáлим-град,
Пришел во церкву соборную,
Служил обедни за здравие матушки
И за себя, Василия Буслаевича;
И обедню с панихидою служил
По родимом своем батюшке
И по всему роду своему;
На другой день служил обедни с молебнами.
Про удáлых дóбрых мóлодцов,
Что с молодóу бито много, граблено;
И ко святой святыне приложился он,
И в Ердань-реке искупался;
И расплатился Василий с попами и с дьяконами;
И которые старцы при церкви живут,

Дает золотой казны не считаючи.
И походит Василий ко дружине
Из Ерусалима на свой червлён корабль;
В та поры его дружина хоробрая
Купалася во Ердань-реке;
Приходила к ним баба задесная,
Говорила таковó словó:
„Почто вы купаетесь во Ердань-реке?
А некому купатися, опричь Василья Буславьевича.
Во Ердань-реке крестился сам господь Исус Христос;
Потерять его вам будет бóльшого
Атамана Василья Буславьевича“.

И они говорят таковó словó:
„Наш Василий тому не верует ни в сон, ни в чох“.
И мало время поизойдучи,
Пришел Василий ко дружине своей,
Приказал выводить корабль
Из устья Ердань-реки;
Подняли тонки парусы полóтняны,
Побежали по морю Каспийскому,
Приставали у острова Куминского.
Приходили тут атаманы казачие,
И стоят все на пристани корабельные;
А и выскочил Василий Буслаевич
Из своего червлёного кóрабля,
Поклонились ему атаманы казачие:
„Здравствуй, Василий Буслаевич!
Здорово ли съездил в Ерусалим-град?“
Много Василий не бает с ними,
Подад письмо в руку им,
Что много трудов за их положил,
Служил обедни с молебнами за их мóлодцов.
В та поры атаманы казачие
Звали Василия обедати,
И он не пошел к ним,
Прощался со всеми теми атаманы казачьими,
Подымали тонки парусы полóтняные,

Побежали по морю Каспийскому к Нбву-городу.
А и едут неделю спбряду,
А едут уже дрúгую,
А завидел Василий гору высокую Сорочíнскую;
Захотелось Василью на горе побывать,
Приставали к той Сорочíнской горе,
Сходни бросали на тó горú.
Пошел Василий со дружиною,
И будет он в пол-горы,
И на пути лежит пуста голова, человечья кость.
Пнул Василий тоё голову с дороги прочь;
Провещится пуста голова:
„Гой еси ты, Василий Буслаевич!
К чему меня, голову, пошíнываешь,
И к чему побрасываешь?
Я, мóлодец, не хуже тебя был,
Да умею валяться на той горе Сорочíнской.
Где лежит пуста голова,
Лежать будет и Васильевой голове“.
Плюнул Василий, прочь пошел.
Взошел на гору высокую,
На ту гору Сорочíнскую,
Где стоит высокий камень,
В вышину три сажени печатные,
А через него только топором подать,
В долину́ три аршина с четвертью;
И в том-то подпись подписана:
„А и кто-де у камня станет тешиться,
А и тешиться, забавляться,
Вдоль скакать по камению,
Сломить будет буйну голову“.
Василий тому не верует:
Стал со дружиною тешиться и забавляться,
Поперек камению поскакивати;
Захотелось Василью вдоль скакать:
Разбежался, скочил вдоль по камению,
И не доскочил только четверти,

И тут убился под каменем.
Где лежит пуста голова,
Там Василья схорóнили.
Побежала дружина с той Сорочинской горы
На свой червлён корабль,
Подымали тонки парусы полóтняные,
Побежали ко Нову́-городу́.
И будут у Новá-городá,
Бросали с носу якорь и с кормы — другой,
Чтобы крепко стоял и не шатался он;
Пошли к матерóй вдове к Амелфе Тимофеевне,
Пришли и поклонилися,
Все письмо в руки подали.
Прочитала письмо матерá вдова, сама заплакала,
Говорила таковы слова:
„Гой вы еси, уда́лы добры мóлодцы!
У меня ныне вам делать нечего:
Подите в подвалы глубокие,
Берите золотой казны не считаючи“.
Повела их девушка черна́вушка
К тем подвалам глубоким,
Брали они казны по малу́ числу:
Пришли они к матерóй вдове,
Взговорили таковы слова:
„Спасибо, матушка Амелфа Тимофеевна!
Что поила, кормила, обувала и одевала добрых мóлодцов“.
В та поры матерá вдова Амелфа Тимофеевна
Приказала наливать по чаре зеленá вина;
Подносит девушка черна́вушка
Тем уда́лым добрым мóлодцам;
А и выпили они, сами поклонилися.
И пошли добры мóлодцы,
Кому куда захотелося.

РАХТА РАГНОЗЕРСКИЙ

роезжал борец было неверны,
Много городов прошел,
Много он борцов повалил,
Иных он до смёрти убил.
Приезжае он в Москву да белокаменну,
Сам же князю похваляется:
„Ай же, князь ты московскии!

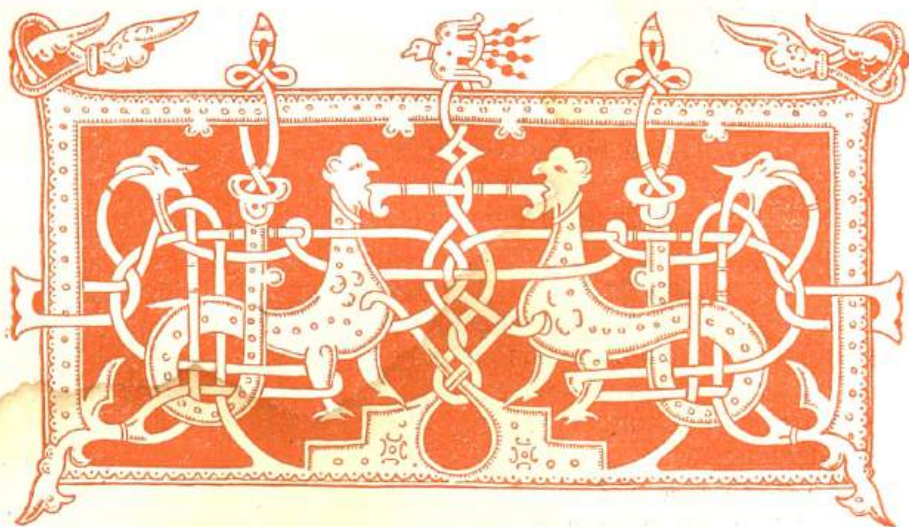
Дай мне нуньчу поединничка.
Ты не дадешь нам да поединничка, —
Я вашу Москву да всю огнём прижгу“.
Много находилося младых борцов,

А никто не может с ним да супротивиться,
 Ай борец против его да не находится.
 Из той же из-под северной сторонушки,
 А стоят же мужики да балахонники,
 Ай сами они да испроговоят:
 „Кабы наш-то же да Рáхта рагнозёрский,
 Этого борца он бы нуль в кучку склал!“
 Подходит человек да незнакомый,
 У тех же мужиков он да спрашивает:
 „Вы откуда, мужички да балахонники?
 А какой же у вас Рáхта рагнозёрский?“
 Отвечали мужики да балахонники:
 „Наш бы Рáхта рагнозёрский
 Этого борца да он бы в кучку склал“.
 Подхватили мужиков да балахонников,
 А держали их-то в крепости,
 Отправляли тут скорá гонца
 В ту деревню Рагнозёрскую,
 За тем Рáхтой рагнозёрским.
 Приезжает тут гонец было московский
 В ту деревню Рагнозёрскую,
 Не случилось было Рáхты дома ли,
 При тоём гонце да при московском:
 Находился Рáхта в лёсах е.
 Спрашивает гонец было московский:
 „Это ль есть да Рáхта рагнозёрский?“
 Отвечает тут ему да было женщина:
 „Тут живет же Рáхта рагнозёрский.
 Ты откуда, удамый добрый млодец?“
 — „Я из той Москвы да белокаменной
 Тот гонец да было скорый
 А за тем было за Рáхтой рагнозёрским:
 Требуе тут было князь московский
 С тым борцом да поборотися,
 А с неверным порáтиться“.
 Отвечает ему женщина:
 „Ай же ты, гонец было московский!

Как из лѣсу прѣде Рáхта рагнозёрский,
Не серди ты-тко его голодного,
Ай голодного его да холодного,
Дай ему волю хлеба нунь покушати,
А тожно ты его да нуньчу спрашивай“.
Тут приходит с лесу Рáхта рагнозёрский.
Стотворяет обед да ему женщина;
Он же сел тут хлеба кушати,
И поел же тут нунь Рáхта рагнозёрский.
Ты ставае да гонец было московский
Ай ему же тут нунь поклоняется:
„Ты есть нуньчу Рáхта рагнозёрский?
Требует тя князь нуньчу московский
С тым борцом да поборотися,
Что ль с неверным да попытатися“.
— „Отправляйся-ко, гонец, да ты московский,
Нунь в Москву свою да белокаменну.
Я послушаю нунь князя да московского.
А прибуду я в Москву да на борѣние,
Да прибуду нунь попрежде вас.
А прибуду буде раньше вас,
Где искать мне князя да московского?“
„Ты прибудешь нунь в Москву да белокаменну,
Спросишь же ты князя там московского,
Там тебе-ка-ва покажут ли“.
Ай гонец в Москву да отправляется.
Рáхта тут на лыжи было ставится,
Что ли Рáхта тут в Москву да отправляется,
Да попрежде тут гонца в Москву он ставится.
Отыскал же тут он князя да московского.
А кормили тут его да было дóсыта,
А поили тут его да было дóбяна.
Тут гонец в Москву было прискакивал,
А про Рáхту он у князя было спрашивал,
Отвечае тут да князь было московский:
„Здесь-ко Рáхта что ль в Москве да объявляется,
Именём своим да Рáхта называется“.

Говорит гонец было московский
Что ли князю да московскому:
„Ты держи-тко его сутки да голодного,
Тожно ты спусти к борцу да на борение
А к неверному на показание“.
Выдержали сутки да голодного,
А спустили тут его да на борение.
Говорит тут Рахта рагнозёрский:
„Я бороться; князь, да нунечу не знаю ли,
Я поратиться с борцом да не умею ли.
Да привычка нунь у нас да была женская“.
Как ухватит он борца за плечи ли
Да топнет тут борца да о кирпичен мост,
Сбил его всего да в кучку вдруг.
„Ай же ты да Рахта рагнозёрский!
Чем тебя да нунечу пожертвовать?“
— „Ничего мне, князь, не надобно,
Дай-ко мне-ка благословеньице,
Что ль на нашем было на озёрушке
Не ловили да мелкою там рыбушки
А без нашего да дозволеньица“.
Дал ему да князь было московский,
Дал ему да князь тут дозволеньице,
Чтоб не ловили без его благословеньица.

П Т И Ц Ы

и-ди-ди-ди отчего же зима становилась?
Становилась зима да от морозов,
От зимы становилась весна красна,
От весны становилось лето тепло,
А от лета становилась богатая осень.
Из-за синего дунайского моря
Налетела малая птица-певица:

Садилася птица-певица
Во зеленый да во садочек,
Ко тому ли ко белому шатрочку.
Налетали малые птицы стадами,

Садилися птички рядом,
И в одну сторону да головами,
И начали птицу пытать:
„Ай же ты, малая птица-певица!
И кто у нас за морем бóльший,
Кто за дунайским мéньший?“
— „На море колпик-от царик,
Белая колпíца — царица.
На море гуси бояра,
А лебёдушки были княгини.
На море рябчик стряпчой,
На море жерáв перевозчик.
Ножки белёнъки, тонёнъки,
Штаники синёнъки, узёнъки,
По морю ходит и бродит,
Штаничков не омочит,
Каждую птицу перевозит,
Тем свою голову кормит.
На море дятел-от плотник,
Каждое дéрево пытает,
С того ради сыт пребывает.
А ластушки были девицы,
Утушки — молодíцы,
Чаюшки — водоплавки,
Гагары были рыболовки,
Много-то рыбы наловили,
Рыба на горí не бывала,
Крестьяне рыбы не едали,
Всё она крестьян разоряет,
С того ради сýта пребывает.
А синóчка она худая,
Часто, милая, она хвораёт,
Долго она не умирает.
Работы работáть не умеет,
Казакóв нанимать не смыслит.
А ворона богатая птица:
В летнюю пору по суслонам,

А в зимнюю пору по ометам,
Всё она крестьян разоряет,
С того ради сыта пребывает.
А воробьи были царские холопы,
Кольё-жердьё подбирают
И загороды подпирают,
Всё они крестьян разоряют,
С того ради сыты пребывают.
А голубь-от на море пошук,
А голубушки — понадюшки,
А сорока — кабацкая жонка,
С ножки на ножку ступает,
Чёрные чёботы топтает,
Высоко чёботы топтает,
Удалых молодцов прельщает.
Петушки казачки были донские,
Имеют по хозяйке и по две,
По целому да по десятку,
И не так, как на Руси крестьянин,
Одну-то он жонку имеет,
А той нарядить не умеет,
А бить-то ей бедной не смеет.
Курица победная птица,
По улице ходит и бродит,
Кто ведь ей изымает,
Всяк яйца у ней пытается.

БАВИЛО И СКОМОРОХИ

честной вдовы да у Ненилы
А у ней было чадó Вавило.
А поехал Вавилушко на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Еще белую пшеницу засевети;
Рóдну матушку хоче кормити.
А ко той вдове да ко Нениле

Прішли люди к ней веселіе,
Веселіе люди, не простые,
Не простые люди — скоморохи.

— „Уж ты здравствуешь, честна вдова Ненила!

У тя где чадо да нынь Вавило?“
— „А уехал Вавилушка на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Еще белую пшеницу засевати:
Родну матушку хоче кормити“.
Говорят как те ведь скоморохи:
„Мы пойдём к Вавилушку на ниву:
Он не йдет ли с нами скоморошить?“
А пошли к Вавилушку на ниву:
„Уж ты здравствуешь, чадо Вавило,
Тебе нивушка да те орати,
Еще белая пшеница засевати,
Родна матушка тебе кормити!“
— „Вам спасибо, люди веселые“,
Веселые люди, скоморохи.
Вы куда пошли да по дороге?“
— „Мы пошли ведь тут да скоморошить,
Мы пошли на инишное царство.
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу.
Ты пойдём, Вавило, с нами скоморошить“.
Говорило-то чадо Вавило:
„Я ведь песен петь да не умею,
Я в гудок играть да не горазен“.
Говорил Кузьма да со Демьяном:
„Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатый во переладец:
А Кузьма с Демьяном припособит“.
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил:
У того ведь чада у Вавилы
А было в руках-то понюгальце,
А и стало тут погудальце,
Еще были в руках у него да тут ведь вожжи,

Еще стали шелковые струнки,
Еще-то чадо да тут Вавило
Видит, люди тут да не простые,
Не простые люди-те, святые:
Он похóдит с има да скоморошить.
Он повел их да ведь домой же.
Еще тут честна́ вдова да тут Ненила
Еще стала тут да их кормити;
Понесла она хлѣбы-те ржаные,
А и стали те хлѣбы-те пшѣные;
Понесла она кúру-ту варѣну,
Еще кúра тут да ведь взлетела,
На печной столб села да запела.
Еще та вдова да тут Ненила
Еще видит, люди тут да не простые,
Не простые люди-те, святые,
И спускат Вавила скоморошить.
А идут скоморохи по дороге;
На гумне мужик горох молотит:
„Тебе бог помощь, да ведь крестьянин,
На белó горох да молотити“.
—„Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди, скоморохи.
Вы куда пошли да по дороге?“
—„Мы пошли на и́нишное царство
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу“.
Говорил да тот да ведь крестьянин:
„А у того царя да у Собаки
А окóл двора да тын желѣзный,
А на каждой тут да на тычинке
По человечьей-то сидит головке;
А на трѣх ведь на тычинках
Еще нету человечьих-то тут головок:
Тут и вашим-то да быть головкам“.

— „Уж ты ой еси, да ты крестьянин!
Ты не мог добра нам ведь и здумать,
Еще лиха ты бы нам не сказывал.
Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособит“.
Заиграл Вавило во гудочек,
А Кузьма с Демьяном приспособил:
Полетели голубята-ти стадами,
А стадами тут да табунами:
Они стали у мужика горох клевати.
Он ведь стал их тут кичигами шибати;
Зашибал, он думат, голубят-го, —
Зашибал он всех своих ребят-то.
— „Я ведь тяжко тут да согрешил ведь:
Эти люди шли да не простые,
Не простые люди-те, святые, —
Еще я ведь им да не молился“.
А идут скоморохи по дороге,
А на стречу им идё мужик горшками торговати:
„Тебе бог помощь, да те, крестьянин,
Ай тебе горшками торговати!“
— „Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди, скоморохи:
Вы куда пошли да по дороге?“
— „Мы пошли на ивишное царство
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу“.
Говорил да тот да ведь крестьянин:
„У того царя да у Собаки
А окёл двора да тын железный,
А на кажной тут да на тычинке
По человечесей тут сидит головке;
А на трёх-то ведь на тыченгах
Нет человечесьих да тут головок:

Тут вашим да быть головкам“.
— „Уж ты ой еси, да ты крестьянин!
Ты не мог да добра нам ведь здумать,
Еще лиха ты бы нам не сказывал.
Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатый да переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособит.
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособил:
Полетели куропки с рябами,
Полетели пеструхи с чухарями,
Полетели марьюхи с косачами,
Еще стали мужику-то по оглоблям-то садиться.
Он ведь стал тут их да бити
И во свой ведь воз да класти.
А поехал мужик да в городочек,
Становился он да во рядочек,
Развязал да он да свой возочек.
Полетели куропки с рябами,
Полетели пеструхи с чухарями,
Полетели марьюхи с косачами.
Посмотрел во своём-то он возочку, —
Еще тут у его одни да черепочки:
„Ой, я тяжко тут да согрешил ведь:
Эти люди шли да не простые,
Не простые люди-те, святые,
Еще я ведь им да не молился“.
А идут скоморохи по дороге,
Еще красная да тут девица,
А она бельё да полоскала.
— „Уж ты здравствуешь, красна девица,
На белó холсты да полоскати“.
— „Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди, скоморохи.
Вы куда пошли да по дороге?“
— „Мы пошли на и́нишное царство

Переигрывать царя Собаку,
 Еще сына его да Перегуду,
 Еще зятя его да Пересвета,
 Еще дочь его да Перекрасу“.
 Говорила красная девица:
 „Пособи вам бог переиграти
 И того царя да вам Собаку,
 Еще сына его да Перегуду,
 Еще зятя его да Пересвета,
 А и дочь его да Перекрасу“.
 — „Заиграй, Вавило, во гудочек,
 А во звончатый во переладец,
 А Кузьма с Демьяном припособит“.
 Заиграл Вавило во гудочек,
 А во звончатый во переладец,
 А Кузьма с Демьяном припособил:
 А у той у красной у девицы
 А были у ей холсты-ти ведь холщевы, —
 Еще стали шелковы да атласны.
 Говорит как красная девица:
 „Тут люди шли да не простые,
 Не простые люди-те, святые, —
 Еще я ведь им да не молилась“.
 А идут скоморохи по дороге,
 А идут на инопшное царство.
 Заиграл да тут да царь Собака,
 Заиграл Собака во гудочек
 А во звончатый во переладец:
 Еще стала вода да прибывати,
 Еще хоче водой их потопити.
 — „Заиграй, Вавило, во гудочек,
 А во звончатый во переладец,
 А Кузьма с Демьяном припособит.“
 Заиграл Вавило во гудочек
 А во звончатый во переладец,
 А Кузьма с Демьяном припособил:
 И пошли быки-то тут стадами,

А стадами тут да табунами,
Еще стали воду да упивати,
Еще стала вода да убывати,
— „Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит“.
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил;
Загорелось иишное царство
И сгорело с краю и до краю.
Посадили тут Вавилушка на царство.
Он привёз ведь тут да свою мать.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

О БЫЛИНАХ

Образы главнейших богатырей. — Отражение русской истории в былинах. — История записей былин. — Причины сохранения былин на севере. — Слагатели и исполнители былин. — Поэтика былин. — Значение русского былинного эпоса.

Былины — это яркие произведения русского национального эпоса. Это вообще один из лучших разделов русского народного творчества (фольклора). Это часть нашего национального культурного наследия, которой мы по праву гордимся. Былины — ценнейшие памятники родной истории и народного искусства.

Образы, созданные творцами народного эпоса, поражают своей жизненной правдой, обобщающей художественной силой. Народные певцы-поэты сумели выразить в былинном эпосе заветные «чаяния и ожидания народные» (слова В. И. Ленина о значении русского фольклора). Народные певцы-поэты создали образы главнейших былинных богатырей как носителей в народном представлении героических черт русского народа.

В былине о Вольге и Микуле дан идеальный образ крестьянина-пахаря, сильного и трудолюбивого. В былинах о Святогоре и в былине об исцелении Ильи выражено глубокое почитание крестьянством земли. Былина о Святогоре, при всем уважительном отношении к могучему богатырю, заставляет однако Святогора поплатиться за его чрезмерную самонадеянность, за его похвалбу, что он будто бы в состоянии повернуть «землю-матушку». Кадки, исцеляющие Илью Муромца и делающие его могучим богатырем, не допускают однако того, чтобы он стал сильнее земли.

Илья Муромец — любимый герой былевого эпоса. Он обрисовывается сказителями былин как крестьянский сын. Он умеет говорить князьям правду в глаза. С сочувствием рассказывают былины о гневе крестьянского богатыря, когда он встретил невнимательное и неуважительное отношение к себе со стороны князя, княгини и «бояр кособрюхих». Илья Муромец — выразитель подлинного народного патриотизма. Когда нападают враги, он находит в себе силы стать выше оскорблений и обид, нанесенных ему князем. Трогательно уговаривает он (в былине о Калине-царе) других богатырей идти на врагов:

Не ради князя Владимира
И княгини Апраксы королевичны,
А ради малушки-свято-Русь земли.

Илья — защитник сирот, вдов, бедных. Он — не хищник, жаждущий завоеваний и крови, он — убежденный посылитель идеи защиты своей родины, и в этом своем убеждении он крепок. Илья лишен корысти, стремлений к личному обогащению, он — идеальный образ человека, целиком посвящающего себя общественному благу. С каким негодоваанием бросает он упрек калике Иваничу что тот не вступился за угнетенных татарским насильником Идолицем. Прощаясь с каликой, Илья говорит ему:

Прощай-ко нуль ты, сильно могучо Иваничо!
Впредь ты так больше не делай-ко,
А выручай ты Русию от поганых.

Образ Добрыни Никитича — образ идеального, по народным представлениям, богатыря-«дипломата», который, помимо подвигов храбрости, умеет своим «вежеством», знанием людей, жизни, чужих обычаев, обходительностью, умной речью, ловкостью добиваться успеха в сношениях с врагами.

Образ Алеша Поповича — более сложный, с течением времени испытанный значительные изменения. Вначале это был образ богатыря, „храбра“, отличавшегося и смелостью и ловкостью. Недаром и эпитет, закрепившийся за Алешей, — „смелый“. Но прозвище его „Попович“ не могло не повлиять на дальнейшую трактовку образа в ироническом, насмешливом, сатирическом плане. В народном творчестве (в песнях, сказках, пословицах) понам и поповичам достается очень сильно от народной насмешки. Такое отрицательное отношение к лицам, связанным с духовным сословием, — результат многовекового гнета, испытывавшегося народом со стороны церкви и духовенства. Поэтому былины иногда наделяют Алешу и чертами зависти, корысти, заносчивости и хвастовства. Однако эти позднейшие привнесения в характеристику Алеша Поповича не в состоянии затмить первоначальный смысл его образа как одного из могучих богатырей, стоявших на „заставе богатырской“ и охранявших Русь от внешних врагов.

Какие же явления русской национальной истории и какие эпохи ее отразились в былинах? Много труда было затрачено учеными, чтобы вскрыть связь отдельных былин с той или другой исторической эпохой или географической областью древней Руси, с тем или другим событием или деятельностью конкретного исторического лица. Одно сравнение вариантов, т. е. пересказов различными сказителями одной и той же былины, обнаруживает обычно очень большую изменчивость текста. Однако сравнительное изучение вариантов, сопоставление содержания былины с историческими свидетельствами, анализ упоминаемых в былинах личных имен и географических названий дали возможность исследователям разобраться в сложной исторической основе былины, хотя еще очень многое остается не вполне выясненным наукой.

Былины стали складываться, надо полагать, еще в X в. В некоторых эпизодах и образах былин последователи склонны усматривать отголоски деятельности Олега Вещего и княгини Ольги. Очень сильно расцвело эпическое творчество при князе Владимире, крестившем Русь в конце X в. Образ князя Владимира, крестителя Руси, повидимому, объединился с образом другого князя, крупного деятеля конца XI — начала XII вв., Владимира Мономаха. Образ былинного князя Владимира видоизменился и в последующее время, вообрав в себя черты московских самодержцев XV и XVI вв. (Ивана III и Ивана IV Грозного). Отсюда множество противоречий в былинной обрисовке князя Владимира: то он величавый и в то же время ласковый для своей дружины князь, пользующийся почестом и уважением ее; то он трусливый, несамостоятельный, заискивающий перед богатырями в минуту опасности, а в обычное время находящийся на поводе у своих советчиков, бояр; то он грозный, вспыльчивый, жестокий.

Еще заметнее последовательное отражение различных эпох в обрисовке и в названиях внешних врагов, с которыми приходится бороться былинным богатырям.

С какими народами боролась древняя Русь, отстаивая свою национальную и государственную независимость? Это были в X и XI вв. печенеги; в XII и в начале XIII века — половцы; с 1224 года и до конца XVI в. — татары; в XIII столетии — ливонские рыцари; в XIV—XV вв. — литовцы; в XV—XVII вв. — поляки.

В большинстве былин враги, нашествия которых отражают русские богатыри, названы татарами. И это вполне понятно: татары дольше других народов воевали с русскими, их владычество было более продолжительным и более тягостным. Естественно, что они оттеснили в народной памяти и печенегов и половцев, и даже литовцев. Слово татарин стало в былинах обобщенным названием всякого врага. Тем не менее в былинах сохранились разрозненные, затухшие следы борьбы и с другими народами. Чудовище Тугарин Змеевич, с которым борется Алеша Попович, является фантастически переработанным образом известного в истории половецкого хана Тугор-хана (конец XI — начало XII вв.), по слуги Тугарина, его войны называются в былинах татарами. Причудливое соединение отголосков различных исторических событий и веков представляет собою былина о Добрыне и Василии Казимировиче. Добрыня перешел в данную былинку из древнейших былин, созданных при князе Владимире. Реальный прообраз Добрыни — дядя князя Владимира, по его приказанию вместе с Путятой (отсюда отчество племянницы князя Владимира — Забава Путятична) крестивший новгородцев в конце X века. Василий Казимирович — исторически известный новгородский политический деятель XV в. В былинах Добрыня и Василий Казимирович сделаны современниками. Оба они отправляются в Литву (явный отголосок войн XIV—XV вв. с литовцами) к „татарскому“ царю Батуру Батвесову. Имя Батура является заменой известного и по другим былинам татарского царя Батыги, т. е. исторического Батыя (XIII в.). Батур — отголосок уже более поздней борьбы русских с поляками, войны Ивана Грозного с польским королем Стефаном Баторием. В былинах

о Михаиле Даниловиче враги русских названы „плюзья-улановья“, в чем можно видеть явственный отголосок борьбы русских с поляками в XVI и начале XVII вв.

Особенно полно отразилась в былинах борьба с татарами, начиная с первых поражений и до окончательной победы над ними. В былинне „Илья Муромец и Калин-царь“ — отголосок первой битвы русских с татарами на реке Калке в 1224 г. При этом историческое поражение русских заменено в былинне победой, так как с поражением не легко мирилось народное сознание. Былина о Василии-пьянице и Батыге отражает и разгром Киева Батыем в 1240 году и явно заключает в себе отклик на события позднейшего времени — поход Тохтамыша на Москву в 1382 г. Былина о Сухмане, возникшая на почве исконных преданий XIII в., вместе с тем служит поэтическим отражением знаменитой Куликовской битвы в 1380 г., а также несет на себе следы события эпохи Ивана Грозного — войны с крымским ханом Девлет-Гиреем.

Таким образом, мы убеждаемся, что раскрытие связей содержания былинны с историческими событиями и именами дело большой сложности. Былины, меняясь, переходя от одного поколения к другому, естественно соединяли в поэтической работе сказителей факты и лица различных веков, сплетали их друг с другом, придавали порой исторической реальной картине легендарно-фантастический облик. Так, половецкий хан превратился в змея, так, наоборот, символический образ язычества „идолище поганое“ отождествился с татарским насильником!

Но при всем богатстве народной фантастики, при наличии причудливого переплетения реального и вымышленного, при всем неожиданном сочетании друг с другом разновременных событий, былинные образы поражают своей исторической правдой. Былины запечатали в себе лучшие народные идеалы, выкованные в течение многих веков страданий, борьбы и побед русского народа.

Былины, или как их часто называют на севере — старины, стали складываться очень давно, на заре русского государства. В древности они передавались лишь из уст в уста и совершенно не записывались. Древнейшие, к тому же немногочисленные и неточные, записи относятся к XVII и началу XVIII вв. В 60-х годах XVIII столетия каким-то казаком Киршей Даниловым, видимо для хора уральского богача-заводчика Демидова, был составлен в Западной Сибири замечательный сборник былин (напечатан он был лишь в 1804 г.). Помимо текстов Кирша Данилов записал нотами напев каждой былинны. На долгие годы этот сборник стал главным источником сведений о русском национальном эпосе. „Древние российские стихотворения“ (под таким заглавием был издан сборник) были одной из любимых книг Пушкина.

В первой половине XIX в., главным образом по инициативе известного собирателя народных песен П. В. Киреевского, в разных концах России были записаны отдельные былины, но записи эти были довольно случайны. Казалось, что былины почти исчезли из памяти народной. Но в начале 60-х гг. XIX в. П. Н. Рыбниковым, жившим в ссылке в Олонецкой губернии, было сделано очень важное открытие: он обнаружил процветание былинного творчества на берегах

и островах Онежского озера, записал много текстов и издал их. Открытие это было столь неожиданным, что возникли даже подозрения, не сам ли Рыбников сочинил изданные им былины. Проверить его записи тут же, на Онежское озеро, поехал в 1871 году петербургский профессор А. Ф. Гильфердинг. Он в течение года сумел записать свыше 300 текстов, не только от тех же сказителей, от которых записывал его предшественник, но и от ряда других, обнаруженных им вновь.

На рубеже прошлого и нашего столетий исследователями народного творчества была открыта еще одна область, где сохранились былины: побережье Белого моря от Мурманского берега до бассейна реки Печоры. Появились огромные сборники „Веломорских“, „Архангельских“, „Печорских“ былин Маркова, Григорьева, Ончукова. Были произведены также некоторые записи былин в Поволжье, в Сибири. Значительное количество былин (но уже в сильной переработке и в сокращениях) было записано на Дону, на Кубани, в Приуралье среди казачества. Но основной областью былинной поэзии продолжал быть север — теперешние Карельская АССР и Архангельская область.

В наше время, в эпоху расцвета народного творчества и заботливого отношения к нему партии, правительства и всей советской общественности, широко развернулось собирание и изучение как нового фольклора, так и поэтических богатств прошлого, в частности народного эпоса. За последнее десятилетие были совершены повторные экспедиции в Заонежье и на Белое море и вновь записано там от народных сказителей более 600 былинных текстов.

В центральных и южных областях Европейской России былинный эпос почти исчез, тогда как раньше, два-три века тому назад, он существовал среди всего русского населения, — об этом свидетельствуют не только разрозненные записи в разных концах СССР, но и содержание былин, описывающих события, происходившие главным образом в южных и центральных областях древней Руси. Чем же объяснить сохранение былин в XIX—XX вв. почти исключительно на севере? Одной из главных причин этого надо считать особенности исторической судьбы русского севера. В течение нескольких веков, с середины XVI и до начала XVIII вв. север, с его озерами и реками, этими важнейшими в старое время торговыми артериями, был оживленным краем: по северным озерам и рекам шли торговые пути, соединявшие Москву с границей. С завоеванием же Прибалтики при Петре I северный край остался в стороне и довольно быстро заглох; это способствовало сохранению той древнерусской культуры (в поэзии, в архитектуре, в народных обрядах и обычаях), которая в центральных и южных областях России подверглась сильнейшим изменениям под влиянием развивавшегося капитализма. Бесспорно, на сохранение и развитие эпического народного творчества на севере оказало самое благотворное влияние и отсутствие там крепостного права, глушившего творческие таланты в народе. Кроме того, там, на севере, как и на других окраинах государства (в частности у южного и юго-восточного казачества), в XVI—XVII вв. находили себе приют гоимые церковью и царским правительством мастера народного искусства, разные бахари и скоморохи, игравшие значительную роль в создании и распространении былин.

Сохранению протяжных, мерных былин содействовали также характер и условия крестьянского труда: на севере крестьянин был обычно не только пахарем, но и рыболовом, охотником, лесорубом, сплавщиком леса. А это все формы труда большей частью артельные, коллективные. Сказитель былин был обычно желанным участником в такой трудовой артели. Некоторые подсобные занятия, например, плетение длинных сетей рыболовами, когда руки заняты, а голова свободна, как бы сами наталкивали на сказывание и слушание медлительных, мерных, эпически спокойных, порою чрезвычайно больших по своим размерам былин.

М. Д. Кривополенова.
С фотографии.

Невольно возникает вопрос, как могли и могут крестьянские сказители запоминать иногда по несколько десятков таких огромных былин? К тому же известно, что вплоть до нашего времени сказители в подавляющем большинстве были людьми неграмотными. Благодаря внимательному изучению, которое проводилось несколькими поколениями собирателей и исследователей былинного творчества, на этот вопрос можно дать почти исчерпывающий ответ. Былины передаются из уст в уста, но они передаются не механически, а творчески. Сказитель должен обладать и обычно обладает хорошей памятью, — иначе невозможно охватить множество имен, названий, эпизодов, сюжетов. Но вместе с памятью сказитель должен обладать богатым творческим воображением, артистичностью исполнения, чувством ритма, музыкальностью и голосом. Не у всех сказителей эти качества развиты в одинаковой степени, у одних преобладают одни способности, у других — иные. Но

в большинстве сказители — творчески, художественно одаренные люди. Художественная одаренность — это общая предпосылка. Наряду с нею требуется систематическая выучка, труд. Хороший сказитель обычно с детства учится мастерству сказывания былин, прислушивается и присматривается к тому, как сказывают опытные мастера, старается запомнить и сюжет былины, и удачные выражения, и строй стиха, и характер напева. Один старик-сказитель рассказывал мне, что он лет двадцать учился своему искусству, прежде чем решился выступить с исполнением былин перед своими односельчанами. Другой опежский

сказитель, недавно умерший Г. А. Якушов, знавший до 40 былин и исполнявший их прекрасным голосом, с тонким чувством ритма и знанием мелодии, учился сказыванию былин у трех сказителей, от которых в свое время были произведены записи Рыбниковым и Гильфердингом. И Якушову удалось, на основе искусства трех разных учителей, создать свою собственную характерную манеру сказывания.

Творческие облики северных крестьянских сказителей очень разнообразны. Многим москвичам и ленинградцам памятен выступление в 1916 и в 1922 годах

талантливой пинежской сказительницы-нищенки Марьи Дмитриевны Кривополеновой, этой прямой наследницы искусства народных артистов средневековья — «веселых людей», скomoroxов. Кривополенова поражала всех изумительным артистическим мастерством. Сказывание ею былин перед учащимися Москвы и Ленинграда производило не меньшее впечатление, чем то, которое описано в романе «Клим Самгин» А. М. Горьким, слышавшим в 90-х годах знаменитую онежскую сказительницу и воплощенницу Арину Федосову.

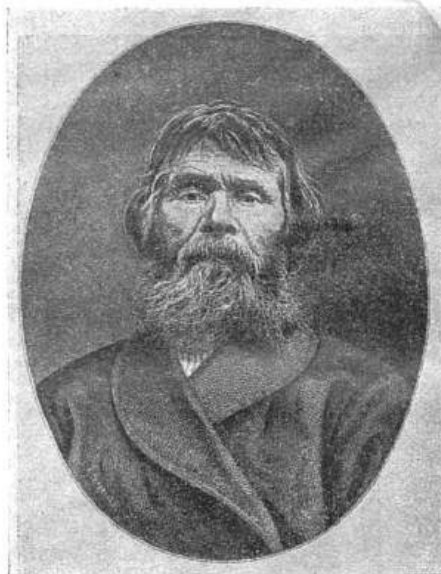
Одни сказители очень старательно выдерживают сохранность воспринятого ими от предшественников текста былинны, другие позволяют себе значительные перестановки и изменения, внося в былинку элементы сказок и легенд, свободно заменяя имя одного героя именем другого. Таков был известный сказитель из Заонежья Василий Петрович Щеголенок, познакомившийся в 70-х годах с Л. Н. Толстым, который пригласил его гостить к себе в Ясную Поляну и записал от него до 30 легенд. Этими записями великий писатель впоследствии воспользовался при создании своих «народных рассказов», в частности, например, повести «Чем люди живы». И. Е. Репин написал несколько портретов Щеголенка. Вообще надо отметить, что крупнейшие русские писатели, художники, композиторы всегда высоко ценили искусство творцов народной поэзии и в общении с талантливыми представителями народного искусства находили богатую пищу для своего собственного творчества.

В. П. Щеголенок.

С портрета И. Е. Репина.

Любовь к сказыванию былин и мастерство сказывания иногда становятся семейной традицией сказителей. Фольклористам удалось записать былины от представителей четырех поколений в одной и той же семье онежских сказителей Рябиновых, начиная с лучшего сказителя из числа изученных Рыбниковым и Гильфердингом — знаменитого Трофима Григорьевича Рябинина, отличавшегося величавым строгим стилем исполнения, и кончая правнуком его Петром Ивановичем Андреевым-Рябиным, нашим современником. Последний не только сохранил ряд былин из репертуара своих предков, но и сделал недавно попытку на основе старого былинного наследия написать поэму о Чапаяеве.

Т. Р. Рябинин.
С гравюры.

Другой пример — беломорские сказительницы, мать и дочь Крюковы. От матери — Аграфены Матвеевны в конце прошлого века Марков записал свыше 60 былин, а от ее дочери Марфы Семеновны в 1937 г. записано около 80. В этом году Марфа Семеновна сделала попытку сложить несколько новых поэм-былин о В. И. Ленине, о Москве, об О. Ю. Шмидте. При этом она уже сама записывает или диктует то, что сочиняет. Как мы видим, на наших глазах, сказители, овладевая грамотой, переходят на путь писателей, используя те поэтические богатства, которые сохранила им творческая память при сказывании старинных былин.

Одно из главных условий для сказителей — хорошее знание поэтического строя былин, поэтики их. Не тот сказитель хорош, который механически запоминает былину, а тот, кто „понял“ (любимое выражение сказителей о процессе усвоения), как она сложена, тот, кто владеет, так сказать, поэтическим инвентарем былины. Этот поэтический инвентарь былины вырабатывался в течение веков многими поколениями крестьянских сказителей и средневековых странствующих певцов, музыкантов, рассказчиков, носивших в старое время названия — „скоморохов“, „гусельщиков“, „бахарей“.

Эти артисты и поэты средневековья были подлинными народными мастерами, выходцами из среды „смердов“ (крестьян) и городских ремесленников. Они близко напоминают кавказских ануггов, казахских акынов и жирши, узбекских бахши. Эти национальные поэты и певцы издавна пользовались популярностью в народных массах, были выразителями народных настроений и в настоящее

время являются слагателями новых народных песен. Они играют значительную роль в политической и художественной жизни народов СССР, свидетельствуя своими произведениями о высоком росте народного творчества.

Образы скоморохов, гусельщиков, этих носителей русского народного искусства древности, ярко зарисованы в самих былинах. В былинке о Добрыне и Алеше Поповиче рассказывается, как Добрыня явился на свадебный пир, переодетый скоморохом. Ему предоставили обычное „место скомороховское“ — „на печке, дай на запечке“. Это характерная черточка, выявляющая обычное отношение господствовавших классов к представителям народного искусства: князья и бояре пользовались народным искусством для своей потехи, но все время давали чувствовать народным артистам их запертое положение. Сила же народного искусства была велика:

„Все же за столом да призадумались,
Все же тут игры да призаслуhalись“.

Народный певец, зарабатывавший себе хлеб лишь своим пением и своею игрой, зачастую находился в зависимости от прихоти богачей, — князей, бояр, купцов. Такова была бедственная судьба новгородского гусельщика Садка, пока на помощь ему, как повествует былина, не пришел сам царь морской, плененный дивным мастерством его. В этой поэтизации народного музыкального и сказового искусства, которую мы находим в былинах, явно выразилось горячее убеждение в огромной ценности народного творчества и глубокое уважение к создателям его. В былинке о Вавиле и скоморохах, известной по единственному тексту, записанному от М. Д. Кривошеиной, эта уверенность во всепобеждающей силе народного искусства выражена с исключительной прямою и непосредственностью.

Народные певцы и музыканты создали в течение столетий множество художественных приемов, поэтических и музыкальных форм и этим облегчили дальнейшим поколениям народных сказителей и запоминание огромных текстов, и возможность свободного варьирования их, возможность вносить разнообразие в исполнение былин, не нарушая единого, целостного былинного стиля.

В чем выражается былинный стиль? Сказывание былин ведется речитативом. Однако мелодия выявлена отчетливо. Напевы былин довольно различны, в зависимости от местных традиций и музыкальной одаренности сказителя. В старину былины исполнялись под аккомпансмент гуслей, но уже в XIX веке они сказывались без всякого музыкального сопровождения. Для большинства былин характерны не только медленность, неторопливость напева, но и размеренная величавость самого стиха. Былинный стих состоит обычно из 12—16 слогов с четырьмя ударениями, из которых два почти обязательно находятся на конце: одно на третьем слове от конца, другое, более слабое, на самом последнем слове.

Как, во славно-то городе, во Кіеве,
У ласкова князя, у Владимира,
Заводилось ширваньице почестен пир.

Для былин характерны медлительность, неторопливость самого повествования, постепенность в разворачивании действия, обилие подробностей при описаниях

(см., например, подробное описание одежды Дюка Степановича и Чурилы Пленковича в былине о них, или типические описания княжеского пира, седлания коня, снаряжения богатыря и его выезда со двора и т. д.). Некоторые из таких подробных описаний стали с течением времени „типическими картинками“ или „традиционными поэтическими формулами“, передававшимися почти без изменений из поколения в поколение, от одного певца к другому.

Медлительность, устойчивость, эпитетность стиля проявляются также в многократных, большей частью тремякратных повторениях. Устойчивость стиля достигается и традиционностью постоянных эпитетов. У каждого сказителя есть свои пристрастия к тем или другим эпитетам и сравнениям. Но выбор их ограничен определенным, накопившимся веками, запасом: „удалы добры молодцы“, „красна девица“, „трава шелковая“, „луга зеленые“, „палица булатная“, „конье мурзаметское“, „седельшко черкальское“, „красно золото“, „чисто серебро“, „скатный жемчуг“, „богатырь святорусский“, „поленница удалая“. Владимир-князь — „красное солнышко“, „ласковый“ (даже и тогда, когда он гневается), татарский царь Калин — неизменно „собака Калин-царь“ — с таким эпитетом он остается даже в речи его собственного посла, обращенной к князю Владимиру:

Рассматривай, Владимир-князь, писемочко
От нашего собаки, царя Калина.

Один из излюбленных приемов в обрисовке былинных образов — прием гиперболлизации (поэтического преувеличения). Этот прием нередко соединяется с приемом контраста (противопоставления). Образы любых русских богатырей возвеличены, образам же врагов соответственно приданы отталкивающие черты уродства и безобразия (см., напр., образы Идолица Поганого, Тугарина Змеевича и др.).

Во время боя Алеши Поповича с Тугарином:

Тугарин почернел, как осенняя ночь,
Алеша Попович стал, как светел месяц.

Былины у хороших сказителей начинаются иногда с запева, имеющего назначение вести слушателя в соответствующее настроение, в ритм и размер стиха, в напев, отвлечь слушателя от всего, что мешает восприятию былины. Вслед за запевом идет зачин, т. е. традиционное начало самого повествования, обычно обрисовывающее место и время действия. Один из самых распространенных зачинов в былинах киевского цикла:

Во славном во городе во Киеве,
У ласкового князя Владимира...

Для былин же новгородского цикла типичен такой зачин:

Как во славном в Нове-городе...

В былинах киевского цикла довольно часто вслед за зачином идет традиционная поэтическая картинка с описанием пира у князя Владимира, с рассказом, кто из богатырей чем похваляется. За похвальбою следует назначение князем того или другого поручения богатырю, герою данной былины. Это служит завязкой всего действия, составляющего основное содержание былины.

Это — битва с врагом, с чудовищем, нападающим на Русскую землю, поездка в чужую страну для выполнения заданной князем задачи и т. д. Былины заканчиваются довольно часто традиционной концовкой, или, как называют ее сказители, исходом, вроде „Тем старика вся и кончилась“, или „А тут (такому-то) и славу поют“.

Во многих былинах Заонежья и Беломорья встречается такая концовка:

Синему морю на тишину,
Добрым людям на послушанье.

Подобная концовка возникла явно на почве поэтического представления, что мерное, спокойное, величавое пение былины успокаивающе подействует на разбушевавшуюся стихию. Мне не раз приходилось наблюдать, как старики-сказители во время непогоды на озере начинали петь старину.

Ознакомившись с типическим строением и традиционной поэтикой былины, нетрудно понять и самый процесс творческого усвоения ее одним сказителем от другого. Опытный и талантливый мастер может усваивать и передавать своим слушателям большое число былин, доходящее иной раз в общей сложности до нескольких десятков тысяч стихотворных строк. При этом он своей творческой работой пополняет богатейшую сокровищницу многовекового народного эпоса.

Былины заключают в себе неисчерпаемый источник сведений об исторической жизни родной страны, о героической борьбе русского народа с внешними врагами-захватчиками, об острой социальной борьбе между угнетенными классами и феодальными верхами, о мастерах и создателях народного искусства. Былины представляют собою высокохудожественные произведения народного гения, над созданием которых трудились многие поколения талантливых народных поэтов. Русские былины — это величайшее сокровище русского национального и мирового искусства.

Недаром А. М. Горький в своей речи на I Съезде советских писателей, говоря о наиболее ярких художественных типах, поставил рядом с мировыми поэтическими образами образы былинных богатырей:

„Я снова обращаю ваше внимание, товарищи, на тот факт, что наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа. Совершенство таких образов, как Геркулес, Прометей, Микула Селянинович, Святогор, далее — доктор Фауст, Василиса Премудрая, иронический удачник Иван-дурак, и, наконец, Петрушка, побеждающий доктора, попа, полицейского, чорта и даже смерть, — все это образы, в создании которых гармонически сочетались разум и интуицию, мысль и чувство. Такое сочетание возможно лишь при непосредственном участии создателя в творческой работе действительности, в борьбе за обновление жизни“.

Проф. Юрий Соколов.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Вольга и Микула.

В былине о Вольге и Микуле описывается исторически верная картина поездки князя с дружиной на „полудие“ (для сбора дани) и разрабстан высокохудожественный образ богатыря-земледельца.

Текст о Вольге и Микуле перепечатан из сборн. А. Ф. Гильфердинга „Онежские былины“, № 156, записан от П. А. Касьянова.

Святогор и тяга земная. Смерть Святогора.

Былины о Святогоре не связаны с каким-либо историческим событием или действительно существовавшим лицом. Они изображают богатыря, который превосходит всех людей своей силой.

Напечатанный текст былины о Святогоре и тяге земной взят из сборн. А. Ф. Гильфердинга, № 270, записан от И. А. Гурьбина; былина о смерти Святогора взята из того же сборника, № 273, записана ст П. Я. Меншикова.

Исцеление Ильи Муромца. Илья Муромец и Соловей-разбойник. Илья и Идолище. Илья и Калин-царь. Илья Муромец и Сокольник. Сора Ильи с князем Владимиром.

Былина об исцелении Ильи Муромца открывает поэтическую биографию Ильи Муромца. Была создана сравнительно поздно (скорее всего в конце XVII—в начале XVIII в.).

Исторический факт борьбы Ильи Муромца с Соловьем-разбойником в письменной литературе не отмечен, но былина является во всяком случае отголоском упорной борьбы с разбойниками, нанссившими ущерб древней Руси.

Былина об Илье и Идолище несет на себе спечатак борьбы с языческими верованиями славян, в частности выражавшейся в уничтожении „поганых“ (т. е. языческих) идолов. Образ идола впоследствии отождествился с образом внешнего врага — татарина.

Старина о Калине-царе в своей основе связана с калкской битвой 1224 г.; но она отразила и более позднее время — время московского единодержавия.

Былина об Илье и Сокольнике предстает собой обработку известного в мировом эпосе сюжета боя отца с сыном.

Напечатанные тексты былин „Илья Муромец и Соловей-разбойник“ и „Илья и Идолище“ взяты из сборника А. Ф. Гильфердинга „Онежские былины“, — первая под № 74 записана ст Т. Г. Рябвина, вторая под № 48 записана от П. Прохорова. Текст былины „Илья и Калин-царь“ взят из сборника „Песен“

И. П. Рыбникова, № 57, записан от каргопольского слепца-калики; текст былины „Ссора Ильи с Владимиром“ взят из того же сборника (№ 119) и записан от Н. Прохорова. Текст былины об исцелении Ильи взят из сборн. А. В. Маркова „Беломорские былины“, № 42, записан от А. М. Крюковой. Текст былины об Илье и Сокольнике взят из сборн. Н. Е. Опчукова „Печорские былины“, № 1, записан от Ф. Е. Чуркиной.

Добрыня и змей. Добрыня-сват. Добрыня и Василий Казимирович. Добрыня и Алеша.

Былина о Добрыне и змее представляет собой древний легендарный сюжет борьбы со змеем; при оформлении в былинную старую сюжет был связан с темой крещения Руси. В былине имеются некоторые совпадения с летописным сказанием о крещении Добрыней и Путятой повгородцев.

Былина о Добрыне-свате отражает исторический факт женитьбы князя Владимира на полоцкой княжне Рогнеде (дочери Рогволода) в 1128 г. По летописному преданию, гордая Рогнеда отказалась от замужества с Владимиром, указав на то, что князь был сыном рабыни (Владимир был сын Святослава и одиной ключницы Малуши). Добрыня, дядя Владимира, мстя за оскорбление, завоевав Полоцк, взял в плен Рогволода, которого по приказу князя убили; Рогнеда же была насильно выдана замуж за Владимира.

„Добрыня и Василий Казимирович“ раскрывает поздние (XV—XVI вв.) отношения русских и татар, когда сила татар была уже сломлена. При этом название в былине вражеской земли — половецкой, т. е. полонеской, польской, и переименование имени татарского хана Батья на Батура (т. е. Батория) говорит о слиянии с течением времени в народном представлении образа татарского хана XIII в. с образом другого врага Русской земли — польского короля XVI в.

Былина „Добрыня и Алеша“ соответствия какому-либо событию в русской истории не имеет.

Напечатанные тексты былины взяты из следующих изданий: „Добрыня и змей“ из сборн. А. Ф. Гильфердинга, № 5, записана от П. Л. Калинина; „Добрыня-сват“ из того же сборника, № 94, записана от К. И. Романова; „Добрыня и Василий Казимирович“ из сборн. Н. С. Тихомирова и В. Ф. Миллера, № 37, записал Гуляев от Л. Тулицына, Барнаул, Сибирь; „Добрыня и Алеша“ из сборн. А. Ф. Гильфердинга, № 5, записана от П. Л. Калинина.

Алеша Попович и Тугарин.

Былина ярко отражает события времен нашествия кочевников (см. в указателе имен „Алеша Попович“ и „Тугарин“). Исторический половецкий хан XI в. Тугор-хан в былине превращен в татарского хана.

Печатаемый нами текст, видимо, соединяет два варианта былины; этим объясняется сюжетная неувязка: Алеша дважды убивает Тугарина.

Былина об Алеше и Тугарине одна из самых старых. На ее основе была впоследствии создана былина об Илье и Идолице (см. выше).

Напечатанный текст былины взят из сборника Кириши Данилова, № 19.

Василий-пьяница.

На создание былины оказали влияние два события: поход Батя на Киев в 1237—1240 гг. и поход хана Тохтамыша в 1382 г. на Москву. Во время последнего произошел описанный летописью эпизод, близкий к былинному: один из московских воинов стрелял из лука с башни и убил ханского сановника.

Напечатанный текст былины о Василии-пьянице взят из сборн. П. Н. Рыбникова „Песни“, изд. 2-е, № 194, записан от калики из Красной Ляги.

Михайла Данилович.

В основе былины, как можно предполагать, лежит исторический факт битвы с половцами на реке Суное в 1136 г., во время которой, как говорит летопись, „Ивана Данилова, богатыря славного убиша“. В былине, без сомнения, отразились и более поздние битвы с степными кочевниками. Введение в былину имени Михайла могло произойти под влиянием киевских преданий о богатыре-малолетке Михайлике, будто бы унесшем золотые ворота из Киева в Царьград.

Напечатанный текст былины о Михайле Даниловиче взят из сборн. П. В. Киреевского, т. III, изд. 2-е, стр. 41, записан от И. Пахомова с реки Онеги.

Сухман.

Возникновение былины относится исследователями к Псковской области. Есть основания для сближения образа раненого Сухмана с личностью раненого в битве на Куликовском поле (1380) князя Дмитрия Донского. Былина несомненно отразила на себе события и более позднего времени, между прочим, историю опалы Иваном Грозным князя Михаила Воротынского, победителя крымского хана Девлет-Гирея в 1572 г.

Напечатанный текст былины о Сухмане взят из сборн. П. Н. Рыбникова „Песни“, изд. 2-е, № 148, записан от П. Т. Антонова.

Два брата-королевича.

Исторический факт, легший в основу былины, не установлен.

Напечатанный текст былины о двух братьях-королевичах взят из сборника П. Н. Рыбникова „Песни“, изд. 2-е, № 21, записан от Т. Г. Рябицина.

Авдотья Рязаночка.

Город Казань, о котором говорится в тексте, — поздняя замена старого упоминания о Рязани. Былина отражает действительные события: разорение рязанской земли Тохтамышем в 1332 г. и Ахметом в 1472 г.

Напечатанный текст былины об Авдотье Рязаночке взят из сборн. П. Н. Рыбникова, изд. 2-е, № 182, записан от И. Сивцева (Шоромского).

Как перевелись богатыри на Руси.

Былина сохранила отзвуки событий XIII в. Гибель русских богатырей связывается с битвой в 1224 г. на р. Калке (былина в вариантах называется „Камское побоище“), когда „убиша... и Александра Поповича и с слугою его Торопом и Добрыню Рязанича Златого пояса и семьдесят великих и храбрых богатырей“ (как об этом говорится в летописи).

Приведенный текст взят из сборн. П. В. Киреевского, вып. IV, стр. 108, записан писателем Л. Меем и, можно думать, несколько стилистически им обработан.

Дюк Степанович.

Былина возникла в Галицко-Волынской Руси по всей видимости в конце XII в. или в начале XIII в. Она ярко отображает политическое и экономическое соперничество богатого Галицко-Волынского княжества с Киевом, клонившимся в то время уже к упадку. Этим объясняется проницательное отношение былины к киевским богатырям Добрыне и Чуриле.

Напечатанный текст былины о Дюке Степановиче взят из сборн. А. Ф. Гильфердинга „Онежские былины“, № 159, записан от И. А. Касьянова.

Садко.

Садко — новгородская былина, созданная в XIV—XV вв. Былина ярко отразила быт Новгорода того времени, когда он входил в Ганзейский союз.

Напечатанный текст былины о Садко взят из сборн. А. Ф. Гильфердинга „Онежские былины“, № 70, записан от А. П. Сорокина.

Васильи Буслаев и мужики новгородские. Васильи Буслаев молиться ездил.

Обе былины были созданы в Новгородской Руси, но позднее, чем „Садко“. Былины отражают быт Новгорода; отдельные эпизоды их скрепляются образом Васьки Буслаева, который „ни в сон, ни в чох“ не верил. Описания кулачных боев, устройства „братчины“, „паломничества“ и прочего имеют много соответствий в новгородских летописях.

Напечатанные тексты взяты из сборника Кириши Данилова №№ 9 и 18.

Рахта рагнозерский.

Былина основывается на местных преданиях, рассказываемых в деревне Рагнозеро на озере того же названия в Карельской АССР. Связь былины с историческими фактами не установлена. Былина возникла, по видимому, в XVII в.

Напечатанный текст былины „Рахта рагнозерский“ взят из сборн. А. Ф. Гильфердинга „Онежские былины“, № 11, записан от П. Л. Калинина.

Птицы.

Скоморошья песнь, изображающая сословные отношения древней Руси.

Напечатанный текст „Птиц“ взят из сборн. А. Ф. Гильфердинга „Онежские былины“, № 280, записан от А. В. Георгиевской.

Вавило и скоморохи.

Былина, идеализирующая скоморошью профессию, была создана скоморохами в ответ на гонения, которым они подвергались со стороны церкви и царской власти в XVI—XVII вв. Напечатанный текст взят из сборника А. Д. Григорьева „Архангельские былины“, т. I, № 85, записан от М. Д. Кривополеновой.

ОСНОВНЫЕ СБОРНИКИ БЫЛИН.

- Кириша Данилов, Древние российские стихотворения, собранные Киришей Даниловым. Изд. 1-е, М. 1804; изд. 2-е, М. 1818; изд. А. Суворина, П. 1893; изд. Публичной библиотеки под ред. Шеффера, П. 1901.
- Рыбников П. Н., Песни, собранные П. Н. Рыбниковым в четырех томах, 1861—1867; изд. 2-е, т. I—III, под ред. А. Е. Грузинского, М. 1909.
- Киреевский П. В., Песни, собранные П. В. Киреевским (старая серия), вып. I—X, под ред. Н. А. Бессонова, М. 1862—1874.
- Гильфердинг А. Ф., Онежские былины, П. 1873; изд. 2-е, т. I—III, П. 1894—1900.
- Тихомиров Н. С. и Миллер В. Ф., Русские былины старой и новой записи, М. 1894.
- Соболевский А. И., Великорусские народные песни, т. I, 1895.
- Марков А. В., Беломорские былины, М. 1901.
- Григорьев А. Д., Архангельские былины и исторические песни, т. I, М. 1904; т. III, П. 1906; т. II не опубликован.
- Олчуков Н. Е., Печорские былины, П. 1904.
- Миллер В. Ф., Былины новой и недавней записи, М. 1908.
- Марков А. В., Маслов А. Л., Богословский Б. А., Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г., Труды Музыкально-этнографической комиссии, т. II, № 8, М. 1911.
- Соколовы Б. и Ю., Сказки и песни Белозерского края (Отдел „Старины и исторические песни“), М. 1915.
- Миллер В. Ф., Исторические песни русского народа XVI—XVII вв., изд. Академии наук, П. 1915.
- Кроме того, ряд текстов был опубликован в сборниках песен казаков, в сборниках крестьянских песен, в научных журналах.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

Авдотья Рязаночка. Эпический образ женщины-восстановительницы разоренного города. Исторический прообраз не установлен.

Алеша Попович. В летописях упоминается „ростовский храбр“ XIII в. Александр Попович. По летописным сказаниям Александр Попович погиб в 1224 г. во время Калкской битвы. При сопоставлении былинного Алеша с летописным Александром Поповичем надо принять во внимание, что в древней Руси имя Алеша было уменьшительным и от Алексея и от Александра. Уход Алеша Поповича из ростовской земли на службу киевскому князю также описан на страницах летописи.

Амелфа (Мальфа) Тимофеевна. По былинам — имя матери Василия Буслаевича и матери Дюка Степановича. Исторический прототип не установлен.

Апраксиа. Имя Апраксии (Опраксы) — былинный отголосок имен рязанской княгини XIII в. Евпраксии и полоцкой княгини XII в. Евфросиньи (в былинах встречается: Опраксимья, Афросинья, Апросинья и т. д.). Исторический прообраз Апраксии — полоцкая княжна Рогнеда (в крещении Горислава), насильно выданная замуж за князя Владимира.

Артак. Имя Артака соответствует имени половецкого князя Отрока (Атрака), по русской летописи, отца хана Кончака.

Батур Батвесов — последнее изменение имени татарского хана Батия (XIII в.) под влиянием имени польского короля XVI века Стефана Батория.

Батыга. Имя Батыги произведено от имени татарского хана Батия, разорившего в 1240 г. Киев.

Бахмет. Народная переделка имени Ахмета, хана Золотой Орды (XV в.). Эпитет „турецкий“ — позднее привнесение в былинку (под влиянием войн с турками).

Бермята Васильевич. Введен в былинку о Дюке Степановиче в связи с упоминанием в ней Чурилы Пленковича. В былинке „Чурила и Катерина“ рассказывается, как Бермята убивает свою жену и ее возлюбленного Чурилу Пленковича.

Васильий Буслав. Никоновская летопись (поздняя по написанию) упоминает о „новгородском посаднике Васке Буславиче“ (под 1171 г.). Это свидетельство достоверным считать нельзя, так как сама Никоновская летопись в значительной мере написана на основе фольклорных произведений.

Василий Казимирович. В летописях известен новгородский воевода Василий Казимирович, в период борьбы Новгорода с Москвой в 70—80-х годах XV в. игравший значительную роль. Введение его имени в былинку о татарах — одно из доказательств довольно позднего (XV—XVI вв.) создания ее; за это же говорит и описываемый в былинке эпизод взимания русскими дани с татар.

Василий-пьяница. Исследователи утверждали, что первым прототипом образа этого героя былины послужило историческое лицо — князь Василий Константинович, взятый в плен Батыем на реке Сити в 1237 г. Впоследствии образ князя Василия был заменен скomorохами образом Василия-пьяницы.

Владимир Красное солнышко. В былевом образе князя Владимира соединены два князя: Владимир Святославич (IX—X вв.) и Владимир Мономах (XI—XII вв.). Во многих былинах на образ былинного Владимира повлияли рассказы и предания о других князьях, а позднее царях.

Вольга. Имя Вольги отождествляется с именами князя Олега и княгини Ольги; Вольга — народная форма имен Олег, Ольга. Сходство былинного Вольги с летописным князем Олегом подчеркивается преданиями о мудрости, хитрости князя (он был прозван „вещим“) и легендами о его „ловах“ (охотах).

Годенко Блудович. Один из богатырей, стоящих на заставе в былинке о „Гибели богатырей“. Имя Годенко (Хотена, Гордена и т. д.) Блудовича встречается в былинке о ссоре двух семей („Хотен Блудович и Чайна Часовична“). Исторический прообраз Годенко Блудовича не установлен.

Данила Игнатьевич. Эпический образ отца богатыря-малолетки Михаила.

Добрыня Никитич. Имя Добрыни упоминается в летописи конца XI — начала XII в. По летописи он дядя князя Владимира, один из деятелей, крестивших Русь. Летописное предание рассказывает, что Добрыня жил в Новгороде. Новгородцы в то время, когда Добрыня пришел в Новгород с целью крестить их, разграбили его, убили его жену и родственников.

Дунай Иванович. Исследователи предполагали, что в образе Дуная есть отзвуки песен о галицко-волинском всеводе Дунае, игравшем видную роль в XIII в. Однако предположения эти до сих пор не доказаны.

Дюк Степанович. Собственное имя заезжего богатого и знатного иностранца образовано, видимо, из военного западноевропейского титула „дюк“ (герцог), отчество из распространенного в аристократической среде ряда европейских стран имени Стефан.

Еким Иванович. Слуга Алеши Поповича. По летописным данным слугу Алеши звали Торопом (в былинах также слуга-паробок Алеши иногда носит имя Торопа).

Забава Путятична. В имени Забавы Путятичны, освобожденной Добрыней от власти змея, допустимо видеть отзвук имени исторического Путяты, тысяцкого Владимира, вместе с Добрыней вводившего христианство на Русь, крестившего новгородцев. В летописи сохранилась поговорка: „Добрыня крестил мечом, а Путята огнем“.

Иван Гостинный сын. Один из богатырей, стоящих на заставе в былинке о „Гибели богатырей“.

Имя Ивана Гостиного сына встречается также в двух былинных сюжетах: 1. О споре Ивана с князем Владимиром, 2. О продаже матерью сына за пьянство. Исторический прообраз Ивана Гостиного сына не установлен.

Идолище поганое. Идолище — имя противника Ильи Муромца произведено от „идола поганого“, т. е. статуи языческого божества (латинское: paganus — языческий). Образ Идолища в былине разработан под влиянием эпических сказаний о кочевниках, покорявших Русь (ср. образ Тугарина Змеевича).

Илья Муромец. Имя Ильи Муромца в летописях не упоминается. Некоторые исследователи сближали его с летописным Олегом. Однако доказательства для этого исторического отождествления далеко не достаточны. В документах XVI в. (в письме западнорусского писателя Филона Кмиты Чернобыльского и в записках о Московии иностранца Эриха Лассоты) об Илье говорится уже как о легендарном герое.

Прозвище Ильи сильно варьируется. Помимо общезвестного Муромец, Илья зовется Муровлин, Моровлин, Муровец, Моровец, Мурманн. Если Муромец связывается с городом Муромом, то другие прозвища указывают иные местности. В соответствии с ними Илья выходец не из Мурома Суздальского — Ростовской Руси, а из южной Руси: в Черниговщине шел Муравский шлях (дорога в Крым) и существовали города и селения Моровийск, Моровин, Моровица.

Калин-царь. Имя Калина-царя, в истории неизвестное, повидимому образовано от названия р. Калки, у которой в 1224 г. татары победили русских.

Карачарово (или *Карачирова*) — село около г. Мурома; исследователи эпоса видят в этом названии позднейшую замену повидимому первоначально упоминавшегося в былине города Карачева (к северо-западу от г. Орла и к северо-востоку от г. Чернигова).

Константин Боголюбович. Имя Константина введено в связи с упоминанием в былине Царьграда. Царьград был основан царем Константином Великим (III в.), вслед за которым царствовало еще несколько царей с тем же именем; имя последнего царя также было Константин (Палеолог, XV в.). В представлении сказителей имя царя Константина неразрывно связывалось с Царьградом.

Крестьяновец (город). По всем данным „Крестьяновец“ вымышленное название города. По историческим документам существование города с таким названием неизвестно.

Кряков (город) — Краков.

Кудреванко-царь. Имя царя Кудреванко попало в былины довольно поздно из церковных легенд и духовных стихов (в духовных стихах — „царице Кудрянице“). „Кудреванко“ изображен как жестокий „неверный“ царь, и, повидимому, является искажением имени римского царя, гонителя христианства — Диоклетиана.

Кузьма и Демьян. Христианские святые, изображенные в былине скомоорохами.

Курцевец (город). Исследователи сближали название города Курцевца с городом Юрьевцем (Юрьевом, т. е. Дерптом). Однако это сближение не является достаточно обоснованным.

Латымирка. Мать Сокольника, сына Ильи Муромца. Имя ее варьируется в былевом эпосе; часто она зовется Латыгорка, Латынгорка, т. е. жительница чужой земли („латынской земли“). Латымирка, по всей вероятности, позднее искажение имени Латын-горка.

Микула Селянинович. Исторический прототип богатыря-пахаря Микула не установлен. Микула, Микола — народная форма имени Николай.

Михайла Данилович. Богатырь-малолеток, в вариантах былины часто называемый Иваном Даниловичем.

В имени Ивана Даниловича можно видеть отзвук имени богатыря с тем же именем, погибшего, по свидетельству Никоновской летописи, в битве с половцами на реке Суное в 1136 г.

Михайла Потык. Герой одноименной былины, построенной из сказочных мотивов: завоевания женщины, змеборства, преследования изменившей жены. В былине об Илье и Сокольнике выведен как один из богатырей, стоящих на заставе.

Мишка Торокашка (Торопанишка), или Василий Торокашка. Один из персонажей „былины о царе Василии Окудовиче“, помогающий Василию Окудовичу увести обманом жену царя Соломона.

Мужики-залешане. Богатыри, стоящие на заставе в былине об Илье и Сокольнике. В былевом эпосе играют эпизодическую роль.

Настасья-Королевична. Жена Дуная. Эпический образ женщины-богатырки. Исторический прототип не установлен.

Настасья Микулишна. Жена Добрыни Никитича. Эпический образ верной жены.

Непра-река. Название Непры-реки производится или от Днепра или от реки Непрядвы, известной по происходившей неподалеку от нее знаменитой Куликовской битве с татарами в 1380 г.

Опракса (см. А п р а к с и я).

Ореховец (город). Ореховец — Орешек — древнее название города Шлиссельбурга.

Офимья Александровна. Мать Добрыни Никитича. Исторический прообраз не установлен.

Пермя Васильевич (см. Бермята Васильевич).

Полонская земля — польская земля.

Потанюшка Хроменькой — герой исторической песни о шурине Ивана Грозного Кострюке Темрюковиче, которого Потанюшка победил в единоборстве. В ряде вариантов былины о Василии Буславиче Потанюшка включается в его дружину.

Пучай-река. Название связывается исследователями с названием реки Почайны, где происходило крещение киевлян. Отсюда, встречаемое в ряде вариантов запрещение купаться в Пучай-реке без рубашки.

Рахта рагнозерский. Исторический прообраз богатыря не установлен.

Садко. Имя Садка (написание „Сьтко“) встречается в ряде летописей с указанием, что он жил в XII в. В одной из летописей к нему приложен тот же, что и в былинах, эпитет — „богатый“.

Самсон (см. Святогор). Имя Самсона было заимствовано из библейских сказаний как имя героя, обладающего нечеловеческой силой. В былинном сюжете ничего общего с библейскими повествованиями о силаче Самсоне нет.

В русском былевом эпосе имя Самсона встречается в былинах об Илье и Святогоре (Святогор иногда называется Самсоном) и в былинах об Илье и Каллине-царе, где имя Самсона носит дядя (крестный отец) Ильи Муромца.

Сафат-река. Искажение названия Иосафатовой долины, упоминаемой в Библии.

Святогор (см. Самсон) Кольванович. Имя Святогора связано с преданиями о героях, порожденных землей. Кольванович — отчество, повторяющее смысл имени, происходит от зетского слова *Kallio* (что значит в переводе — гора).

Скопин Иванович. Имя, образованное от фамилии князя Скопина-Шуйского, деятеля начала XVII в., героя нескольких исторических песен.

Смородина. Речка неподалеку от г. Карачева (см. Карачарово).

Собака-царь. В былинне о Вавиле и скomorохах образ ненавистного народным массам царя. Исторический прототип не установлен.

Сокольник. Сын Ильи Муромца. Эпический образ врага, безрассудно вступившего в борьбу с русскими богатырями.

Соловей-разбойник. Сказочный образ. Исторический прототип Соловья-разбойника неизвестен.

Сорочинская земля. Сарацинская земля.

Сухман Одикмантьевич (Домантьевич). Имя богатыря связывается с псковскими преданиями о князе Доманте (Довмонте), который, располагая незначительными силами, отражал в XIII в. полчища ливонцев.

Тугарин Змеевич. Исследователи сблизжили Тугарина Змеевича с половецким Тугор-ханом, неоднократно нападавшим в конце XI в. на русские земли. Тугор-хан выдал свою дочь за киевского князя Святослава и часто посещал Киев.

Уланице. Кочевник, приводящий орду к стенам Киева в былинне о Михайле Дашиловиче. Это имя введено в былинну о богатыре-малолетке сравнительно поздно, может быть, в эпоху польской интервенции начала XVII в. Образовано оно от слов „паловья-улановья“. Сравни в этой былинне также название нападающих на Русь врагов „улановьями“.

Фома Долгополый. Богатырь, стоящий на заставе в былинне об Илье и Сокольнике. В былевом эпосе значительной роли не играет.

Чурила Пленкович. Образ киевского „щача“ (щеголя). О Чуриле Пленковиче созданы две былинны: 1) Молодость Чурилы (Чуриль на охоте, приглашение Чурилы в Киев), 2) Смерть Чурилы (убийство Чурилы куном Бермятой Васильевичем, обнаружившим измену своей жены). Исторический прообраз Чурилы не установлен.

СЛОВАРЬ.

- Алябыш* — блин.
Баберёковый — из баберёка, шелковой ткани.
Базыга, базыка — старый хрыч.
Балахонник — крестьянин.
Бáский — красивый.
Баять — говорить.
Власловение — благословение.
Божатушка, божатка — крёстная мать.
Вой — оружие, вооружение.
Братчина — братство, товарищество из церковных прихожан.
Брузаменский, брузамецкий — см. мурзаецкий.
Буса — большая долбленая лодка.
Бу́тный, буйовый — буйный.
Вальязный — резной, точеный, прочный, крепкий.
Вальязный — то же, что вальязный.
В беремечко — в объятия.
В даровях — в подарок.
Весество — учтивость.
Великоденная суббота — пасхальная суббота.
Верей — брус, столб у ворот.
Видли — видели.
Волх — знахарь.
Вольясный, волжаный — из дерева таволги (род пвняка), таволжаный.
Воргановые горы — горы среди болот.
Выжлок — ищейка, гончая собака.
Вызнять — поднять.
Выть — обед, еда.
Вязице — веревка, жгут, привязь.
Глуздырь — умник (в насмешливом смысле).
Голь, голытьба — бедняки.
Гольяшный — повидимому, то же, что вальязный (см.)
- Гость богатый* — купец, ведший иноземную торговлю.
Гридня — комната, покой.
Грядка — перекладина между столбами.
Гуня — плащ.
Давень — не так давно, незадолго.
Дасй — дашь.
Деется — делается.
Дивья — дивно, удивительно.
Доброхоты — доброжелатели.
Дойдет — случится, придется.
Долонь — ладонь.
Доб-люби — вдоволь.
Дубяной — дубленый.
Ерлык — см. ярлык.
Еросолим — Иерусалим.
Жаровчатый, жсаровой — высокоствольный.
Жерав — журавль.
Жертвовать — пожаловать.
Живот, животы — жизнь, имущество, богатство.
Зáберег — прибрежная вода.
Зáведь — сочленение между кистью и предплечьем.
Зáводь — залив, защищенный от ветра.
Заговорный — союзный, дружественный.
Зáзорко — досадно, стыдно.
Зазыбаться — заколебаться.
Заколбела — загромодилась павши-ми деревьями, колодами.
Залéзено — добыто.
Залётаник — засезжий, случайный человек.
Замурáвела — заросла травой.
Занезйд, заневёдь — по неведению, невзначай.
Заплывчатый, заплывчивый — заносливый, задорный.
Зарко — обидно.

Засади́ть — посадить в задние ряды, пренебречь.
Засова́ться — засуетиться.
За́тохоль — затхлое.
За́трёсье — часть воды, поросшая тростником, осокой.
Заха́мкать — зачавкать.
Зды́нуть — поднять.
Зелено вино́ — хлебное вино (от зеленого, злак).
Зе́нь — см. о зень.
Изголо́в — мыс в реке, конец острова.
Изу́чение — образование.
Инци́льное, инчи́ное — иное.
Иско́рыть — след лошадиного копыта.
Исто́лкну́ться — оттолкнуться друг от друга.
Кали́ка перехо́жая — паломник, пилигрим.
Камка́ — шелковая китайская ткань с разводами.
Камы́шиник — разбойник.
Канаватный́ — из канавата, старинной цветной узорчатой ткани.
Кану́н варен — пиво, сваренное к празднику.
Кичи́ги — палки для молотбы.
Клю́шка, кля́шка — посох, дорожная палка.
Колти́к — птица из рода цапель.
Корзни́ — корни дерева.
Косач — тетерев.
Коси́цы — виски.
Кося́цатый — сделанный из досчатых косяков (об окне).
Кря́ковистый — кряжистый.
К стре́ту — навстречу.
Куржа́ло — каба́к, питейный дом.
Кры́лосо — клирос, место в церкви для певцов.
Кувы́ль-трава — ковыль.
Куде́ль — кудель.
Куна́вый — красивый, *кунава́* — красавица.
Куна́йся — купа́йся.
Куре́зь — пыль, дым.
Куро́пок — белая куропатка-самец.
Лепета́ — лепота, красота, цвет.
Летняя сто́рона — летняя, южная сторона.
Ло́ссе, ло́жини́шка — русло реки, дождевого потока.
Ло́жня — спальня.

Локо́ть — мера длины (около 60 см).
Лоха́лице — лохань.
Любова́ть — выбирать.
Ма́рыжа — глухарка.
Ма́тереть — становиться матерым, возмужалым, дородным.
Ма́тика, ма́тица — средняя балка, поддерживающая потолок избы, в переносном смысле — середина.
Ме́двезья дра́нь — задранный медведем.
Ме́лкий — летний.
Ме́ть — конская побежка, курцгалоп.
Мо́ст — пол, настил.
Муравле́нный — поливанный, глазированный, покрытый глазурью.
Му́рземецки́й, му́рземецки́й — от „му́рза“, татарский, восточный.
На́зем — навоз.
Нако́н — раз, прием.
На́ полы́ — пополам.
На́ пяту́ — настежь (о двери).
Наса́дка — место прикрепления пако-нечника к древку копыя.
Нежа́лужо́ю — без жалости.
Не за ве́дь — ни за что.
Неле́гченны́й — невыхолощенный.
Но́вый — иной, другой.
Ноче́сь — сегодня ночью.
Обба́ять — оклеветать.
Обе́здоли́ться — потерпеть неудачу.
Обжа́ — отлобля от сохи.
Обле́бела, обле́бляла — облила.
Обло́чканый — расщепленный.
Обо́дверина — притолка, косяк двери.
Обори́ — гужки, притягивающие оглобли к хомуту.
Обоста́ли — обступили.
Оде́р — одр, ложе, постель.
Оди́накая (до́чь) — единственная.
О зе́нь — на землю.
Окара́чь — на карачках, четвереньках.
Око́льзнуть́ся — поскользнуться, оступиться.
Оме́щик — сошник, лемех в сохе.
Опере́жь — прежде.
Опочи́в дере́сать — почивать, спать.
Опри́чь — кроме.
Опри́но — кроме.
Опру́жинка — подруга.
Ората́й — пахарь; *орать* — пахать.
Осле́дь — сле́га, толстая жердь.
Ослы́шаться — ослушаться.
Осб́бина, в осб́ину — особо, отдельно.

Оставеш — человек, оставленный в пути, покинутый спутник.
Острей — острее, лезвие.
Откулевинный — откуда родом.
Отложеть — откладывать.
Отяжиши — шлепок, удар по телу.
Охота — охота.
Охоч — охоч.
Очелливый — вежливый, обходительный.
Пабедье — второй завтрак, полдник.
Палица — старинное оружие, дубина, окованная металлом.
Паробок — слуга, преимущественно молодой.
Пенёнизо — жалованье.
Перелёдец — очевидно, какой-то музыкальный инструмент.
Перемётные (сумы) — перекидные сумы, прикрепляемые у седла.
Перёная стрела — стрела с перьями.
Перёное крыльцо — крыльцо с перьями.
Переставился — преставился, умер.
Переходец — род дудки.
Перьки — груди.
Пеструха — тетерка-самка.
Пилгримыше — пилгрим, странник по „святым местам“.
Повалёчное — сбор за мытьё белья на плоту.
Подутоманье — податаман (помощник атамана).
Покляная (береза) — наклоненная.
Полён — плен, пленники.
Полпятá — четыре с половиной.
Полтей — туши, разрубленные пополам.
Поляковать — совершать подвиги в поле, воевать.
Поляница, полёница — богатырь, богатырка.
Помелёчко — помело, которым обметается печной под перед посадкой хлеба.
Понакнуться — собраться, приготовиться.
Понюгалыце — понукальце, кнут.
Поприще — мера длины.
Попурхнуть — вспорхнуть.
Порыскучий — рыскучий, дикий.
Порядня — порядок, обычай.
Посегнуться — посягнуть.
Потнички — войлок, подкладываемый под седло.

Потыкаться — спотыкнуться.
Придёрзанный — раздранный.
Прижнял — приподнял.
Припособить — вторить, аккомпанировать.
Приправка — снаряжение.
Присошник — присошник у сохи, служит для отворота земли при пахоте.
Провещаться — вещать, предсказывать, говорить.
Раметь, рáмечек — оплечье, часть одежды, кроющая плечо.
Рáменье — лесная опушка.
Раскряпаться — раздвинуться.
Рипсоватый — репсовый, из репсы (рубчатая ткань).
Рогачик (рогаль) — рукоятка у сохи.
Рóзвязь — привязь.
Рудá — кровь.
Рыбий зуб — моржовая кость.
Рáнда — телохранитель.
Рытый — пушистый (бархат).
Ряб — рябчик.
Рядной (сарафан) — из рядна (редна), т. е. грубого, редкого холста.
Рядобный — по порядку.
Сбруня — сбруя.
Свертаться (против кожо) — поровняться с кем.
Сём — а ну, нука.
Сéред — пол.
Скаченный (скатный) жемчуг — круглый, лучший сорт жемчуга.
Скоморовский — скомороший.
Слёга, сляга — тонкое бревно, жердь.
Смурый — буро-черный (дешевый сорт сукна).
Соббина (собь) — имущество; в собину — отдельно, в особицу.
Собиться — мало можется, плохо здоровится.
Сорочинский — сарацинский, арабский.
Сохатый — олень, лось.
Стегно — верхняя часть ноги, бедро.
Степ лошадиная — спина у лошади.
Столько — только.
Стольный — престольный, главный.
Страсть — страх, ужас.
Ступно пошла — ср. ступистый конь — ходкий с переступью.
Суслон — снопы.
Сыть — паёк, взнос.
Сыть — пища, еда.

Ся (на ся) — себя (на себя).
Тавлея — игорная кость.
Талан — судьба.
Темь — темя.
Тожно — тогда.
Толмачить — переводить.
Тонец (тонцы) — музыкальный мотив.
Торькать — тыркать, колоть.
Тощиться — истощаться.
Тун — трава.
Тур — дикий бык (зубр).
Тынки (тынок) — шесты, багры.
Укладен, укладный — стальной, хорошо паваренный.
Укрятущь — укротить.
Уловное место — место встречи.
Ураз — увечье.
Урзамецкий — см. мурзамецкий.
Устаток — усталость.
Устоялись — остановились.
Хайлице — пасть.
Христианский — крестьянский.
Чебот — сапог, башмак.
Чебурацкий свинец — от слова „чебурак“ — тяжелая гирия на бурлацкой лямке.
Чембур — часть седловки лошади.
Чера — черед.
Череленый — багряный, красный.
Черечатый — красный.

Черкальский — черкасский.
Чернавужика — чернавка — служанка для черной работы.
Чета — разряд.
Чинжаллице, чингалице — княжальлице.
Чухарь — глухарь.
Шанить — басить, щеголять, красоваться.
Шеленуга — палка.
Шелом, шелома — шлем; крутой пригорок, холм.
Шемаханский — из города Шемахи (на Кавказе).
Шишига — чорт, нечисть.
Шапленье — франтовство.
Щель-камень — гора на берегу реки или взморья; камни.
Щепотно — щегольски, франтовски.
Щетки (у коня) — пучок волос над копытным сгибом.
Явства — кушанья.
Ягодицы — щеки.
Яловйца — телка, молодая корова.
Яндьма, яндьва — оловянная чашка, из которой пьют пиво, брагу.
Ярлык — грамота, записка, указ.
Ярвчатый — яворчатый, из дерева явора (чинары).
Ячный — ячменный.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

Стр

<i>Битва</i> . С древнерусской миниатюры ¹ XVI в. (цветная наклепка на титульном листе)	9
<i>Богатырь на дозоре</i> . С рисунка В. М. Васнецова	17
<i>Крестьянская деревянная посуда</i>	19
<i>Деревянные резные солонки</i>	31
<i>Древнее русское вооружение</i> . Табл. I	40
<i>Битва</i> . С древнерусской миниатюры из рукописи XVI в.	41
<i>Царь и его приближенные</i> . С древнерусской миниатюры из рукописи XVI в.	45
<i>Страница из рукописи XVII в. с текстом „Богатырского слова“</i>	55
<i>Битва русских с кочевниками</i> . С картины В. М. Васнецова	63
<i>Письменные принадлежности XVII в.</i>	64—65
<i>Богатыри</i> . С картины В. М. Васнецова (цветная вклейка) между стр.	93
<i>Поляница удалая</i> . С рисунка И. Е. Репина	107
<i>Монета серебряник XI в.: денежный знак — слиток серебряный; чаша князя Владимира Давыдовича (XII в.)</i>	117
<i>Гусляры</i> . С картины В. М. Васнецова	125
<i>Витязь на распутье</i> . С картины В. М. Васнецова	135
<i>Братины (чаши) медные (XVII в.)</i>	145
<i>Древнее русское вооружение</i> . Табл. II	159
<i>Князь со своей дружиной</i> . С рисунка И. Я. Билибина	161
<i>Древнее русское вооружение</i> . Табл. III	176—177
<i>После побоища</i> . С картины В. М. Васнецова (цветная вклейка) между стр.	181
<i>Атлас черзчатый кизельбашской работы XVI—XVII вв.</i>	195
<i>Садко на берегу моря</i> . С рисунка И. Е. Репина	199
<i>Шир у Садко</i> . С рисунка И. Е. Репина	218
<i>Новгородцы собираются на вече</i> . С миниатюры из рукописи XV в.	219
<i>Новгородские ушкуйники грабят Кострому</i> . С миниатюры из рукописи XV в.	219

¹ Миниатюра — красочная иллюстрация, исполненная от руки и помещенная в рукописной книге.

СОДЕРЖАНИЕ.

Вольга и Микула	1
Святогор и тяга земная	7
Смерть Святогора	10
Исцеление Ильи Муромца	13
Илья Муромец и Соловей-разбойник	27
Илья Муромец и Идолище	37
Илья Муромец и Калин-царь	49
Илья Муромец и Сокольник	60
Ссора Ильи с князем Владимиром	73
Добрыня и Змей	76
Добрыня-сват	87
Добрыня и Василий Казимирович	98
Добрыня и Алеша	110
Алеша Попович и Тугарин	122
Василий-пьяница и Ватыга	133
Михайла Данилович	139
Сухман	148
Два брата-королевича	154
Авдотья, жена Рязаночка	166
Как перевелись богатыри на Руси	170
Дюк Степанович	177
Садко	192
Василий Буслаев и мужики новгородские	211
Василий Буслаев молиться ездил	222
Рахта рагнозерский	231
Птицы	235
Вавило и скоморохи	238

Приложения

О былинах. (Статья проф. Ю. М. Соколова.)	245
Примечания	256
Основные сборники былин	260
Указатель имен	261
Словарь	266
Список иллюстраций	270

Переплет, форзац, титульный лист, заставки,
заглавные буквы и концовки работы художника
Б. С. Никифорова.

Художественное оформление книги исполнено
по мотивам древнерусского книжного орнамента
XIII—XV вв. Для форзаца использован рисунок
ткани XVII в.

Подбор иллюстраций сделан *М. Д. Ицеховской.*

Отв. редактор *А. Н. Дубовиков.*
Техн. редакторы *О. И. Подобедова* и *Н. В. Сахарова.*

Сдано в набор 16/VIII 1937 г. Подписано к печати
30/XII 1937 г. Формат 72 × 94/16. Тираж 10.000 экз.
Изд. листов 17 + 1/2 л. вклейки. Бум. листов 8 1/2 л.
Авторских листов 12,22. + 1/2 л. вклейки.
Тип. зн. в бум. листе 70.000. Учпедгиз 9096 У—2.
Бумага Каменской бумажни. Ф-ки. Заказ 2163.
Цена 1 р. 80 к. + 20 к. вклейки, лидериновый перепл.
2 р. 50 к., коленкоровый перепл. 1 р. 50 к.
Уполномоченный Главлита № Б-29243.

1-я Образцовая типография
Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига“.
Москва, Валовая, 23.

36/3/90 1906/7

250017

250017

14578

3329/11

1906/7

25/1